

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

ДУШКИН Алексей Михайлович

**ПАТРИОТИЗМ: СУЩНОСТЬ, ФОРМЫ БЫТИЯ,
ВАРИАНТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ**

Специальность:

5.7.1 – Онтология и теория познания
(философские науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:

Николина Ольга Ивановна
доктор философских наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Сущность и бытие патриотизма.....	15
1.1 Сущность и базовые формы патриотизма.....	15
1.2 Символическое бытие патриотизма.....	63
1.3 Патриотизм в символической системе священного пространства.....	63
Глава 2. Трансформация патриотизма	81
2.1 От патриотизма к национализму.....	82
2.2 Агрессивные варианты реализации национальной идеи.....	108
2.3 Сравнительный анализ схем патриотизма и национализма	129
Заключение.....	151
Список литературы.....	154

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В настоящее время происходит переосмысление роли и значения патриотизма в жизни российского общества, выявление его сущности, структуры и границ трансформации. Актуальность темы патриотизма имеет философский и политический смысл, особенно в контексте становления патриотизма и сравнения патриотизма и национализма.

Философско-онтологический смысл темы патриотизма заключается в том, что он дает важнейший опыт интеграции изначально иррационального феномена в рациональные структуры. При использовании, интенсификации, и, казалось бы, полноте понимания этого феномена, патриотизм превращается в крайние формы национализма, становится основанием объединения нации против всех прочих наций и государств, меняет идентичность нации и настраивает ее на демонстрацию своего превосходства. Манипуляция патриотизмом подменяет его природу, место любви к Родине занимает превосходство над другими.

Кроме того, патриотизм обнаруживает, как формируются феномены человека. Во-первых, феномены не раскрываются полностью, во-вторых, способ познания феноменов часто становится способом их формирования, в-третьих, они формируются и разворачиваются так, что остаются в своей смысловой части вне познания и управления. В отношении патриотизма мы видим преобладание попыток его использовать, а в русской истории видны стратегии иного плана, которые позволяют увидеть если не понимание феномена в естественных его формах, то естественную стратегию его формирования в государстве.

Опыт отечественных войн в России позволяет выявить стадии формирования патриотизма: вначале он существует как дело каждого и формирует человека, способного самостоятельно создавать символическую реальность своей любви к Родине, предполагающую, что в дальнейшем он начнет сам откликаться на патриотические призывы государства; затем патриотизм осмысливается элитой и культурой как способ самоидентификации, закрепляется в культурном символе и генофонде; наконец, может отчасти использоваться

государством, апеллирующим к истории и опыту идентификации гражданина не «против врага», а «за Родину».

Проблема идентификации субъекта возникает с того момента, когда человек начинает обособлять себя из природы, соотнося себя по определенным критериям со своей социальной группой. Проблема идентификации субъекта и, как следствие, патриотизма проходит сквозь всю человеческую историю и все существовавшие и существующие ныне культуры. Патриотизм погружает человека в определенную культуру и социум, при этом изменяя онтологическую модель субъекта. Патриотизм выступает гарантом консолидации социума. Данное общественное единение является толчком к развитию гражданственности и социальных институтов, которые формируют социальный уровень жизни общества. Исследование темы патриотизма позволяет переосмыслить онтологические особенности консолидации современного социума. Единство, основанное на патриотизме, позволяет формировать программу позитивного развития общества.

Современная проблема дезинтеграции, которая существует не только в Российской Федерации, но и в Европейском союзе, требует переосмысления структур формирования единства общества. Исследовав особенности формирования патриотизма в рамках выявления онтологической специфики единства, мы сможем сформулировать пути решения данной проблемы.

В современной Европе идет подмена понятия патриотизма национализмом, что влечет за собой некорректное осмысление и выявление методологических основ формирования единства, основанного на патриотизме. Следовательно, еще одним аспектом актуальности исследования выступает разграничение смежных с патриотизмом феноменов консолидации социума, таких как национализм, шовинизм, фашизм и нацизм.

Политический смысл темы патриотизма проявляется с одной стороны, при столкновении современного и традиционного общества, с другой – в ситуации, когда внешние силы и внутренние трудности снижают популярность власти в

условиях гибридной войны против России. Патриотизм в этом случае представляет собой способ соединения людей в такое общество, которое тем сильнее, чем прочнее связь между его членами, способствующий объединению не столько из-за внешней угрозы против общего врага, сколько общими интересами и любовью к Родине. Такое соединение – альтернатива политике гегемонов «Разделяй и властвуй». Патриотизм может стать социальным фактором интеграции людей, обществ, культур, языков.

Степень научной разработанности проблемы. Патриотизм и его негативная производная – национализм – разрабатываются в историческом и политическом ключе, это основания осмысления патриотизма как феномена. Но изучение патриотизма в онтологическом ключе отсутствуют, поэтому наша исходная задача состоит в осмыслении имеющегося материала в плане понимания специфики онтологии патриотизма.

В исследованиях по философии национализм и патриотизм не разделяются как разные феномены, по сути, отождествляясь. Патриотизм принимается как чувственное сопровождение, положительная сторона национального чувства (любовь к родине). Нет анализа внешнего способа формирования и применения национализма как способа интенсивного использования патриотического чувства.

Исторически патриотизм часто превращается в национализм в его крайних формах, поэтому анализ патриотизма целесообразно проводить параллельно с анализом феномена национализма, противопоставив их друг другу. Национализм подразумевает опору на нацию, а патриотизм – на народ. Мы полагаем их как два разных феномена. Но разница эта проявляется только при анализе глубинного символического поля патриотизма и его особенной структуры феномена как феномена веры.

Проблема формирования единства общества прослеживается сквозь всю историю человечества. Она определяется попытками философов различных эпох дать определение таким понятиям, как гражданин, Родина, нация, а также, поставить проблему формирования общечеловеческой общности.

Предельно ярко и чисто феномен патриотизма описывается в русской философии, начиная с работ Н. М. Карамзина и Вл. Соловьева, когда перед исследователем предстает конкретный феномен патриотизма народа в ходе Отечественной войны 1812 года, также наблюдаются и попытки его использования государством. Непонимание патриотизма как феномена приводит к парадоксу. Первая мировая война в России объявлена как «Вторая отечественная», но заканчивается она гражданской войной. Этот факт пророчески предвидел Л. Н. Толстой, показывая негативные стороны государственного патриотизма. Именно русская философия наиболее детально выявляет феномен патриотизма.

Первым, по нашему мнению, кто стал осмыслять онтологическую структуру патриотизма, является Гомер. В «Илиаде» он описывает противостояние принципов объединения ахейского общества и варварского мира, в котором обнаруживается онтологическая основа единства ахейского общества.

Начиная с Сократа, происходит осмысление методологических способов формирования единства социума, культурного в античности и государственного в Риме. Античная философия в лице древнегреческих и древнеримских философов, таких как Сократ, Платон, Аристотель, Плотин, Сенека – обнаруживают способ формирования гражданина в воспитании добродетелей. Этические учения античных философов определяют методы формирования патриотизма как локальную модель формирования гражданина.

В Средневековье осмысление идеи единства соотносится с христианской теологией в апологетике и схоластике. В трудах мыслителей Средневековья описываются модели формирования единства социума путем вовлечения в христианскую символическую систему. Данные идеи отображены в трудах следующих средневековых философов-теологов: Августина Аврелия, Климента Александрийского, Ионна Скота Эриугены, Ансельма Кентерберийского, Фомы Аквинского, Николая Кузанского, Уильяма Оккама, Данте Алигьери и других.

В Новое время происходит смена онтологических основ единства общества: христианская теология отчасти сменяется философским рационализмом. Происходит осмысление целесообразности, рационалистичности социального единства. Данные концепции отражены в работах следующих мыслителей: Т. Мора, Т. Кампанеллы, Б. Паскаля, Д. Локка, Вольтера. Немецкая классическая философия сформулировала известные подходы к осмыслению исторического процесса, затем возникает формационный подход К. Маркса. Эти подходы дают основание для понимания онтологической основы единства социума. В философии XX века причины и смыслы общественной консолидации анализируют следующие философы: Ж. Бодрийяр (симулятивная природа современного общества), Х. Ортега-и-Гассет (восстание масс), М. Элиаде (священное пространство), Б. Дешарне (теории символов). В отечественной философии изначально происходит формирование двух антиномичных подходов в осмыслении социокультурного бытия родины. Западники в лице П. Я. Чаадаева говорят об отсталости и примитивности своего отечества, а славянофилы К. С. Аксаков, Н. Я. Данилевский, А. С. Хомяков, И. В. Киреевский заявляют об уникальности и особенности отечественного бытия среди мирового пространства. Данный спор также отражен в работах Н. Бердяева, который формулирует метафизический метод в понимании, как исторического мирового процесса, так и исторического бытия России.

Современный анализ патриотизма в целом сводит его национализму, рассматривая его не как феномен с особым символическим и священным полем (Г. А. Туманов, И. А. Туманов), а как приложение к национальному чувству, понимаемому в качестве способа соединения индивидуальностей в общество. Это приводит к фактическому отождествлению патриотизма с национальным чувством.

Исторический аспект патриотизма анализируется в работах А. Герасимова, Ж. Г. Головина, Н. И. Губанова, И. А. Дырина, Г. Лисеенко, В. И. Лутовинова, О. Ю. Олейника, В. В. Ходосова, А. Л. Янова.

Важный аспект эволюции патриотизма описывают Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, С. В. Лебедев, П. Струве, Е. Н. Трубецкой.

В философских исследованиях, в целом продолжающих такое понимание патриотизма, последний становится частью свойств национального сознания (поэтому свойства патриотизма проявляются как часть свойств национализма), а оно исследуется в разных аспектах. Важнейшую роль играет патриотизм в воспитании личности. В этом случае изучение феномена патриотизма определяет методику воспитания патриота (В. В. Калмыков, Т. В. Беспалова, С. Ю. Иванова и др.). Патриотизм выступает как культурная ценность (А. П. Погорелый), он позволяет культуре противостоять воздействию глобализации, то есть приобретать устойчивость (И. А. Лукина, И. В. Наливайченко). Патриотизм выделен не только как чувственный компонент, но и как элемент сознания, тогда он становится фактором самоидентификации личности, особенно в конфликтах национального характера (М. А. Абрамов, Т. В. Беспалова и др.). Патриотизм полагался и анализировался как система внутри советского общества, переходного общества в России и в современной России (И. А. Лукина, Р. Я. Мирский и др.). Отмечено, что патриотизм исследуется в литературе в целом на материале русской культуры, а национализм – европейской. В русской культуре и истории патриотизм связывается с консервативной мыслью.

Однако патриотизм как особый феномен, со своим символическим полем и священным пространством, способами проявления и развития, не анализируется как самостоятельное целое, порождаемое жизнью народа в своей природе и культуре, собственной истории и своем месте обитания. Это ставит задачу философского анализа феномена патриотизма.

Объект исследования – патриотизм как онтологическая основа формирования единства социума.

Предмет исследования – сущность и базовые формы бытия патриотизма.

Цель исследования состоит в осмыслении онтологической специфики феномена патриотизма, возможных и действительных вариантов его трансформации.

В соответствии с поставленной целью в работе решались следующие **задачи:**

1. Определить сущность патриотизма, выявить его структуру и базовые формы.
2. Обозначить символическое поле феномена патриотизма.
3. Раскрыть пространственные особенности существования патриотизма на материале священного пространства иерофании.
4. Понять специфику трансформации патриотизма в национализм под воздействием идеи элиты при формировании нации из народа.
5. Выяснить историческое соотношение патриотизма и агрессивных форм национализма.
6. Показать место патриотизма в универсальных идеях объединения общества, через соотношение эгоизма и патриотизма.

Теоретико-методологическая основа исследования. В диссертационном исследовании использовался комплексный подход, включающий в себя элементы различных философских течений и школ.

В процессе выявления сущностных характеристик нации мы использовали теорию пассионарности этногенеза Л. Н. Гумилева, естественно-исторический подход, описанный В. Мюльманом, конструктивный анализ П. Бурдьё. С целью разработки методики анализа исторического становления национализма и патриотизма использован диалектический метод Г. В. Ф. Гегеля и формационный подход К. Маркса. В рамках осмысления онтолого-исторических особенностей феномена патриотизма использован метод герменевтики для понимания бытийно-мировоззренческих основ исторических эпох Античности, Средневековья, Нового времени и современности. Философское осмысление патриотизма как феномена использует методологии феноменологии Э. Гуссерля и М. Хайдеггера.

Для анализа взаимодействия феномена патриотизма с символическими системами в процессе нашего исследования мы обратились философско-антропологическому методу М. Элиаде и методологии анализа символов символической реальности, описанному Б. Дешарне.

В анализе отечественной философской рефлексии отечественного бытия использованы западническая концепция П. Я. Чаадаева и историко-метафизическая концепция Н. А. Бердяева. Значимым для исследования является философско-этическая концепция патриотизма Л. Н. Толстого.

Историко-философский метод позволил осуществить реконструкцию онтологии феномена патриотизма через анализ его развития на разных культурно-исторических этапах и выявить его взаимосвязь не только с субъектом как носителем, но и объектом – социумом.

С помощью диалектического метода стало возможным рассмотрение форм патриотизма и его трансформация.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

1. Продемонстрировано, что патриотизм как феномен не полностью раскрывается существующими подходами, ориентированными на анализ национального. Патриотизм показан как экстатика веры, для чего он опирается на символическое бытие и священное пространство, которого «чужой» не видит. Часто этого пространства и феномена не видит и элита, преобразующая народ в нацию.

2. Выявлены две базовые формы патриотизма: до и после его использования государством; в первом случае патриотизм существует как феномен, который не познан, во втором – как понятие, осознанное и направляемое. Первую форму мы называем природной, она имеет иррациональное основание, вторую – искусственной, она основана на идее и идеале элиты. Говоря о понятии, мы одновременно подразумеваем осознанную идею патриотизма нации и иррациональное основание природного патриотизма.

3. Выявлено присущее национализму стремление сформировать нацию вместо народа и повысить эффективность действий народа в социальном и мировом пространстве, чтобы он получил первенство (занял достойное место) в мире и показал всему человечеству лучший способ организации общества и жизни индивидуума. В его основании лежит эгоизм, что приводит к атомизации общества и ставит проблему нового типа организации его единства.

4. Установлено, что государством в ходе реализации политического потенциала патриотизма ставится задача интенсификации и легкости его использования. В структуру патриотизма вводится стремление первенства и образ другого (другой нации, а чаще – другого государства) как врага. Образ врага трансформирует патриотизм в национализм, делает национализм управляемым, интенсифицирует национальное чувство, но лишает его качества феномена, то есть национализм утрачивает особую онтологию, присущую патриотизму.

5. Раскрыта динамика подмены патриотизма национализмом в анализе универсальных идей основания общества, когда патриотизм получает второстепенную роль и неполное воспроизводство в идее национального, подрывающего его основания. Показано, что универсальные идеи на базе патриотизма присущи всем эпохам европейской истории.

6. Показано, что в сохранении феномена патриотизма важно дистанцирование патриотизма от его прагматичного использования государством. Структурирование смыслового поля символов патриотизма делают последний более устойчивым. На этом пути символы должны создаваться самим субъектом, вытекать из его личного понимания любви к Родине. Патриотизм есть в первую очередь феномен любви к Родине, а уже потом становится средством включения субъекта в общество. Он структурируется в собственном символическом поле и священном пространстве, автономном от элиты и государства.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сложность понимания патриотизма состоит в его распадении на природную базовую форму, которая дана как феномен, ощущается в экстатике,

но не осознается, и искусственную базовую форму, идущую от идеи и идеала элиты и государства, которая должна стать новой естественной формой непосредственного отношения нации к Родине. Без учета этого сочетания возможен конфликт природной и государственной форм патриотизма.

2. Русская традиционная мысль выявляет три уровня патриотизма: физический, моральный и религиозный. Это дает понимание истоков и области русского патриотизма, за которую его нельзя переносить. Она также противопоставляет естественный патриотизм государственному. Патриотизм может соединяться с государственным национализмом, и таким образом непосредственное и опосредованное синтезируются в новый уровень непосредственности. Примером такой исторической реализации служит Отечественная война 1812 года, а примером использования и подавления в итоге патриотизма государственной идеей – Первая мировая война (вначале названная в России Второй отечественной войной). Опыт Великой Отечественной войны повторяет опыт 1812 года с активным участием государства. Встает вопрос о возможности их соединения в современности.

3. В патриотизме существенную роль играет символическое пространство смыслов, которые должен производить в себе сам субъект – носитель патриотизма. Только понимая онтологию русского патриотизма, можно строить схемы его взаимодействия с государственными задачами. В этом случае патриотизм понимается как феномен, вызывающий экстастику веры, и предполагает собственное символическое и священное пространство.

4. Феномен патриотизма анализируется в идеальных моделях нации и не столько познается, сколько формируется и используется, что мешает его пониманию и при этом превращает его в национализм.

5. Национализм возникает из частично объясненного феномена патриотизма и направлен в сторону понимания ядра нации, ее создания. Идея нации позитивна, предназначена для внешнего формирования народа как нации, но в реализации показывает негативные моменты, главный из которых – стремление

ощутить превосходство нации и национального. Преобладание превосходства своей нации над любовью к своей Родине отражает трансформацию патриотизма в национализм.

6. Патриотизм подменяется национализмом и отодвигается на второй план в универсальных колониальных идеях европейских наций, которые все же сохраняют его основания в большей степени, не навязывая народу способ формирования отношения к Родине.

В Новое время в основание общества кладется эгоизм отдельного индивидуума, и национальные отношения становятся способом организации индивидуумов в государство, поэтому формирование нации происходит искусственно и быстро становится средством управления обществом со стороны государства.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Полученные в ходе исследования результаты могут послужить для дальнейшего развития научной мысли в рамках осмысления онтологических основ единства общества. Результаты работы могут найти применение при написании учебно-методических пособий по интеграции темы патриотизма в рабочие программы общеобразовательных дисциплин средне-профессионального и высшего образования, с целью формирования патриотизма у молодежи в Российской Федерации.

Достоверность научных положений, выводов диссертационного исследования подтверждается значительной философско-онтологической, исторической и философско-исторической базой источников, интерпретированных в соответствии с проблемным полем, целями и задачами исследования. Достоверность полученных результатов основана на критическом и систематическом анализе работ выдающихся исследователей в области онтологии и философии истории, а также на применении научных теоретико-методологических подходов.

Личный вклад автора состоит в том, что было произведено осмысление онтологической специфики патриотизма; определена сущность патриотизма, выявлена его структура и базовые формы; обозначено символическое поле феномена патриотизма; раскрыты особенности существования патриотизма как проявления священного; проанализирован вариант трансформации патриотизма в национализм под воздействием идеи элиты при формировании нации из народа; выяснено историческое соотношение патриотизма и агрессивных форм национализма; показано место патриотизма в универсальных идеях объединения общества через соотношение эгоизма и патриотизма.

Апробация работы. Материалы диссертации обсуждались на конференциях: Реальность. Человек. Культура: трансформация человека. VIII Ореховские чтения (Омск, 2016); Современные научные исследования: теория, методология, практика (Омск, 2017); Омские социально-гуманитарные чтения (Омск, 2020); Международные XII Бартрамовские чтения (Сергиев Посад, 2021); Международный форум «Традиционные художественные промыслы и высшее профильное образование: современные вызовы и перспективы (Санкт-Петербург, 2022); II Международный форум студентов, аспирантов, молодых ученых «Культура России в XXI веке: прошлое в настоящем, настоящее в будущем» (Сергиев Посад, 2022).

По теме диссертационного исследования опубликовано 9 научных работ общим объемом 2,6 п.л., в том числе 3 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки России.

Структура диссертационного исследования

Структура работы соответствует поставленным задачам. Диссертация состоит из введения, двух глав, в каждой из которых по три параграфа, заключения и списка литературы. Объем работы составляет 166 страниц. Список литературы содержит 159 источников.

ГЛАВА 1. СУЩНОСТЬ И БЫТИЕ ПАТРИОТИЗМА

1.1 Сущность и базовые формы патриотизма

Предварительно определим понимание термина «патриотизм». Мы опираемся на определение «Философской энциклопедии»: «Патриотизм (от греч. πατριώτης – соотечественник, лат. Patria – отечество) – любовь к отчеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам... Зачатки патриотизма возникли в первобытном обществе, где они основывались на чувстве кровной связи между всеми членами рода или племени»¹. Тут утверждается, что в «добржужазную эпоху патриотизм не был оформлен идеологически, оставаясь главным образом элементом социальной психологии. Патриотизм складывается в идеологию в связи с образованием наций и национального государства»². Углубление противоречий в капиталистическом обществе усложняет отношение к отчеству и власти. По мнению Маркса и Энгельса, рабочие нации не имеют интернациональной, глобальной идеологии, а буржуазия ее развивает. «Патриотизм трудящихся, особенно крестьянства, становится для буржуазии объектом шовинистической спекуляции»³. То есть патриотизм используется государством и превращается в национализм.

Понятие «нация» трактуется как перевод с латинского (народ): «Нация (лат. natio – народ) – широко распространенное в науке и политике понятие, которое обозначает совокупность граждан одного государства как политического сообщества»⁴. В политическом языке понятие нации примерно совпадает с понятием государства, и тогда в ее качества попадает общность гражданства. В этом нация полагается и как результат и как основание единства государства.

В «Новой философской энциклопедии» выделено два понятия нации: в первом, субстанциальном, определение отталкивается от понятия этноса, и нация

---

¹ Патриотизм // Философская энциклопедия / Ф. В. Константинов. В 5-ти тт. Т. 4. М.: СЭ, 1960. С. 224.

² Там же. С. 224.

³ Там же. С. 224.

⁴ Нация // Новая философская энциклопедия. В 4-т. Т.3. М.: Мысль, 2001. С. 41.

полагается как коллективный индивид со специфическими свойствами, отличающими ее от других наций⁵; во втором нация понимается как социально сконструированная общность с общим мифом, историей, нормами поведения.

В «Философской энциклопедии» нация (от лат. *natio* – народ) понимается как «историческая общность людей, складывающаяся на основе общности их языка, территории, экономической жизни, культуры и некоторых особенностей характера»⁶. Другими словами, экономическая, территориальная и языковая основа у нации не определена.

Не решенной в современной науке является проблема соотношения государства и патриотизма: с одной стороны, патриотизм существует и в родовом обществе, до государства, где его источником является природа; с другой, – государство опирается на патриотизм, любовь к Родине; с одной стороны начинается все с формирования своей нации; с другой, элита рефлексировывает и идентифицирует себя и свою нацию через сопоставление с другими нациями.

Другими словами, сущность патриотизма проявляется наличием границы. «Качество, взятое таким образом, чтобы оно, будучи различным, считалось сущим, есть реальность; оно же обремененное некоторым отрицанием, есть отрицание вообще, а также некоторое качество, считающееся, однако недостатком и определяющееся в дальнейшем как граница, предел.

Оба суть наличное бытие; но в реальности, как качестве, в котором акцентируется то, что оно сущее, скрыто то обстоятельство, что оно содержит определенность, следовательно и отрицание; реальность считается лишь чем-то положительным, из которого исключены отрицание, ограниченность, недостаток»⁷. Так качество возникает только с наличием границы «свой – чужой». С возникновением государства возникает граница, определяющая наше, как то, что находится в границах государства, и отрицание – то, что оказывается за его

---

⁵ Нация //Новая философская энциклопедия. В 4.т. Т.3. М.: Мысль, 2001. С. 43.

⁶ Нация //Философская энциклопедия /Ф. В. Константинов. В 5-ти тт. Т. 4. М.: СЭ, 1960. С. 12.

⁷ Гегель Г.В.Ф.Наука логики. Т.1. М.: Мысль, 1970. С172.

пределами. Идентификация своего, осознание принадлежности к нашему полагаются через осознание границы. С этого момента возникает различие «мы – они», «наши – не наши», с этого момента и начинается формироваться понятие «патриотизм», в основе которого лежит уже рациональное основание, как противостояние не нашему, в то время как до возникновения государства патриотизм был представлен как феномен, и источником его являлось иррациональное чувство.

Таким образом, природа и государство образуют основание патриотизма. «Основание есть единство тождества и различия, оно есть истина того, чем оказалось различие и тождество... Оно есть сущность, положенная как тотальность»⁸. «Сущность есть сначала видимость и опосредствование в самой себе. Как тотальность опосредствованная ее единство с собой теперь положено как снятие различий и поэтому снятие опосредствования. Это, следовательно, восстановление непосредственности, или бытия»⁹. Мы можем зафиксировать, что патриотизм, возникающий после появления государства, заставляет переосмыслить существовавшую ранее форму патриотизма, как и само его основание – природное. В итоге, в патриотизме возникает синтез природного и социально-политического, естественного и искусственного.

Соответственно сущности, природное дает основание как первичный тезис и патриотизм непосредственно существующий. Государство опосредует патриотизм, через видимость в механизм объединения общества, после чего возможно достижение синтеза двух оснований, то есть вновь непосредственная форма существования патриотизма.

Итак, мы предполагаем, что тут надо говорить о разных формах патриотизма. При анализе патриотизма мы имеем дело с уже трансформированными формами бытия патриотизма, а не его природным проявлением. Отсюда следует, что у патриотизма два источника или основания:

---

⁸ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1975. С. 281.

⁹ Там же. С. 286.

природа и государство. Природа порождает патриотизм, который еще не осознается и, соответственно, оказывается не зафиксирован в истории. С возникновением государства патриотизм начинает использоваться как инструмент и происходит его трансформация, т.е. государство перестраивает и фиксирует патриотизм.

Государство порождает историю, через летописи и прославление своих правителей, патриотизм становится способом направить любовь к земле в нужное государству русло. Если трансформация сильна, то патриотизм превращается в агрессивные формы национализма, но чаще он сохраняется и в природной форме, тогда появляется синтетическая непосредственная форма существования патриотизма. Мы же из истории, созданной от государства, видим патриотизм как следствие преобразующего действия государства. Природная причина подменяется рациональной трансформацией государством, религией и прочими способами соединения общества в единство.

Мы допускаем существование патриотизма вне государства, например, в религиозном способе соединения общества, допускаем следы патриотизма эпохи рода и вождизма, но наш анализ ограничен анализом современности, поэтому нам важны механизмы трансформации. Соотношение же природы и истории в формировании патриотизма мы рассматриваем как проблему будущего исследования.

Важно, что в период формирования государства разные этносы в государстве сливаются, но в современности этносы часто становятся дезинтегрирующей силой.

Возникает противоречие: определение нации опирается на определение народа, который преобразуется элитой, и далее нация становится основанием национализма. В тоже время патриотизм опирается не на нацию, а на народ, который не трансформируется, а проявляется более естественно, то есть в его естественной форме, в эмоциональном проявлении.

В понимании национального народ становится этносом. «Народ: 1) население определенной страны; 2) историческая общность людей»¹⁰. Это понимание народа как нации, или демоса, и как этноса. Принадлежность к народу – «этническая принадлежность» или «этничность».

«**Национализм** – доктрина и политическая практика, основанные на представлении, что основу государственности, хозяйственных и культурных систем составляют целостные общности – *нации*. В зависимости от понимания нации национализм имеет две основные формы – гражданский, или государственный, и этнический национализм. Этнический национализм (чаще – просто национализм, или этнонационализм) предполагает, что нация является высшей формой этнической общности (тип этноса в отечественном обществознании), обладающей исключительным правом на обладание государственностью, включая институты, ресурсы и культурную систему»¹¹.

В энциклопедии утверждается, что гражданский национализм возникает после появления современных государств и предназначен для консолидации гражданского общества, обоснования государственной и национальной экспансии. «В своих некрайних формах гражданский, или государственный, национализм близок понятию патриотизма, а как антитезу этнонационализму его иногда называют интернационализмом. Эта форма национализма широко используется современными государствами через официальную символику и идеологические институты (образование, социальные науки, средства массовой информации и пр.) с целью утверждения общегражданской лояльности («любви к Родине», «уважения к стране» и пр.) и распространения общегосударственных правовых норм и морально-культурных ценностей»¹².

Такие формы приняты в богатых, развитых и демократических государствах, то есть при нормальной работе сферы права и экономики, но не в крайних условиях кризиса и войны. Государственный национализм особенно

---

¹⁰ Народ // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т.3. М.: Мысль, 2001. С. 13.

¹¹ Национализм // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т.3. М.: Мысль, 2001. С. 39.

¹² Там же. С. 39.

активен при возникновении государства в силу необходимости мобилизации населения, дистанцирования от прошлых государственных образований.

Необходимо предварительно отграничить понятие «патриотизм», которое акцентирует внимание на естественном проявлении народа в его любви к отечеству, от понятия «национальное», которое видит народ производным государства и подчиненным его манипуляциям.

В дальнейшем в работе мы более подробно проанализируем эту разность понятий, пока подчеркнем важность понимания патриотизма как естественного проявления народа в целом позитивного типа в отношении любви к Родине. Таким образом, анализ патриотизма направлен не на формы проявления народа и народного в рамках государства, а на самостоятельное и естественное проявление народа в истории, вне рамок государственной манипуляции.

Предметом и патриотизма, и национализма становится народ, но в разных качествах. В первом случае народ рассматривается как природный феномен, построенный на любви, иррациональный и развивающийся по своим закономерностям, во втором – искусственно формируемый феномен, как новая общность людей в рамках государства, которая создается в его интересах. По мере интенсификации использования национального народ национализма становится этносом как то, что не подчинилось манипуляции, и нацией как то, что государством сформировано. Народом же остается то, что в целом до манипуляции было, а остается подспудным чувством народа после манипуляции государством.

Это позволяет понять границы понятия «национальное» и феномена патриотизма. Определим, что национальное отталкивается от проекта элиты народа, культуры или государства, и осмысливается рационально, поэтому к нему приложимо определение понятия. Что касается патриотизма, к нему приложимо понятие тогда, когда он искусственного происхождения, но когда он природен, его следует рассматривать не как понятие, а как феномен.

Понятие «национальное» формируется элитой в сторону улучшения и стабилизации положения народа. Народ в таком понимании идеализируется как предмет. Идеализируется не как улучшенное качество общности людей, а как формализованное понятие. Такой народ следует называть нацией как формируемой элитой общности на основании народа. Нация как идеализированный в понимании народа предмет общности становится предметом манипуляции государством. Она определяет, какие качества имеет народ. Но при этом манипуляция делает народ этносом, социумом, который живет не по собственным естественным закономерностям, а по логике, вложенной в его понимание как нации. Сам же народ остается «феноменом», который отчасти не охвачен понятием нации.

Из этого различения нации и народа следует два пути: государственный и рациональный анализ нации в сторону существования народа как предмета манипуляции в понятии нации и этноса и подспудный путь продолжения существования народа как естественного феномена.

История русского патриотизма отталкивается именно от феномена народа, который мы в дальнейшем и называем феноменом патриотизма, подчеркивая тем самым отчасти иррациональный и во многом не осознаваемый способ существования народа самого по себе. Исторически такое понимание патриотизма возникает из удивления русской элиты самим русским народом в его подвиге в Отечественной войне 1812 года.

На этом строится понимание феномена патриотизма Н. М. Карамзина. Он, зная теории формирования нации немецких романтиков, сознательно использует термин патриотизм. Мы полагаем, что этим он подчеркивает естественное проявление русского народа в отличие от искусственного его формирования в Европе, в Германии.

Н. А. Бердяев описывает в своем творчестве период Первой мировой войны, в котором она была объявлена «Второй Отечественной войной» и вызвала бурный энтузиазм, который, однако, не привел к отечественной войне, а наоборот, привел

к войне гражданской. Бердяев пытается ответить на вопрос, почему в 1812 году народ проявил себя исторически активно, а в 1914-1918 годах – нет?¹³ Мы бы добавили, что в 1941-1945 годах народ вновь проявил себя как в Отечественной войне 1812 года. То есть патриотизм был активно проявлен в 1812 году, в 1941-1945 годах, но «надорвался» в 1914-1918 годах.

Если Карамзин анализирует 1812 год, то Л. Н. Толстой, как противник государственного патриотизма, предсказывает «падение» феномена патриотизма в 1914-1918 годах. Толстой, по сути, дает ответ на будущий вопрос Н. Бердяева, который во многом актуален сегодня.

Мы исходим из того, что чувство патриотизма, возникающее в Европе, связано с национализмом, в России патриотизм другой, поэтому мы попытаемся понять последний, исходя из анализа понимания феномена патриотизма русскими мыслителями. То есть мы ставим задачу анализа, прежде всего русского патриотизма и русской рефлексии патриотизма, хотя полагаем, что этот феномен характерен для народа вообще. При этом анализ патриотизма русскими мыслителями мы строим на основании идей Н. М. Карамзина и Льва Толстого, обращение к которым позволяет прояснить структуру патриотизма.

Структура патриотизма неоднородна, поскольку интеграция человека в общество подразумевает комплексность. В работах Н. М. Карамзина мы обнаруживаем три уровня патриотизма: физический, моральный и политический.

Феномен патриотизма состоит из уровней, каждый из которых создает подлинную, целостную интеграцию человека в общество. В первом параграфе мы рассмотрим структуру каждого выявленного нами уровня патриотизма, изучим методы интеграции человека в общество, присущие каждому уровню патриотизма. На наш взгляд, роль Н. М. Карамзина велика потому, что он, будучи современником Отечественной войны 1812 года, был свидетелем проявления русского патриотизма в войне против Наполеона.

---

¹³ Бердяев А. Н. Футуризм на войне (Публицистика времен Первой мировой войны). М.: Канон, 2004. 384 с.

Отметим, что уровень предполагает подчинение одного другому. Между тем выявленные нами уровни могут существовать автономно и даже независимо, также уровень может пониматься с гносеологической стороны, как стадии понимания феномена патриотизма, как стадии формирования его сложности и системности.

Физический уровень патриотизма (или физическая любовь к отечеству) заключается, по мнению Н. М. Карамзина, в том, что «Родина мила сердцу не местными красотами, не ясным небом, не приятным климатом, а пленительными воспоминаниями, окружающими, так сказать, утро и колыбель человечества. В свете нет ничего милее жизни; она есть первое счастье – а начало всякого благополучия имеет для нашего воображения какую-то особенную прелесть»¹⁴. То есть детство формирует не приятность климата, а климат, в котором вырастает ребенок, и родным может стать даже суровый климат. В данном контексте патриотизм задан не как наличие переживания, а как символическое воспоминание и пространство в духовности конкретного человека.

Одним из аспектов физического уровня патриотизма выступает фиксация идеального образа природы родного края. Образная идеализация иррациональна, она не оценивает те или иные преимущества климата, природы, которые заложены в форме идеального образа в человеческом сознании. Идеализированный образ природы родного края формирует единое восприятие людей определенного общества. Идентичность идеальной модели позволяет им испытывать иррациональное (эмоциональное) единение. Также отметим, что образы природы предназначены не столько для того, чтобы ими делиться и показывать, сколько для того, чтобы ими жить и восхищаться. Это важно для понимания патриотизма как феномена, но затрудняет выявление такого патриотизма как понятия.

---

¹⁴ Карамзин Н. М. Избранное. М.: Мысль, 1964. С. 57.

Карамзин приводит в пример лапландца, который родился в «гробе природы»¹⁵, но, несмотря на это, любит холод и пасмурную погоду своей земли. И если его переселить в теплую и солнечную Италию, в сознании лапландца не произойдет смены идеальной модели природы. Его преобладающей установкой в качественной оценке окружающего мира будет являться идеализированная форма природы родного края – сурового севера.

Для все большего процента современных людей, живущих в городе, к природному компоненту добавляется урбанистический, то есть структура восприятия физического уровня существования у современного человека состоит из двух частей: природного типа физического уровня патриотизма и урбанистического типа физического уровня патриотизма. Тут наглядно видно, что природный тип естественен, а урбанистический – формируется; природный остается в душе человека и его восприятии идеала природы, а урбанистический меняется по мере возникновения новых технологий подчинения природы.

Физический уровень патриотизма появляется у человека с самого рождения. Он формируется иррационально, посредством формирования идеально-образной модели природы родного края. Используя термин природа, мы подразумеваем и климат, и флору с фауной, и примечательный бугорок, то есть полный комплекс географических особенностей, отображенных в сознании в виде идеального образа.

Методологически важно, что сознание его запечатлевает, а не порождает.

Образ природы родного края становится универсальным для человека, вовлеченного в нее, то есть природа в ее идеализированной форме становится основанием идеала.

Когда человек попадает в другой социум (природный ландшафт), он в своем сознании производит сравнительный анализ идеального образа природы с реальным отображением действительности. В данном процессе преобладает рациональное действие субъекта. Человек, оказавшись в ином природном

---

¹⁵Карамзин Н. М. Избранное. М.: Мысль, 1964. С. 71.

ландшафте, всегда будет искать схожие черты с собственным образом идеальной природы в рамках процесса адаптации. Его сознательное восприятие новой природы отметит различия, но не будет переоценивать собственный идеал природы.

Различия исходного – идеальной природы – и формируемого, близкое к различию природной и урбанистической моделей, показывает разность феноменов патриотизма, который вне сознания и формирует идеал, и национализма, который формируется в городе и государстве; в первом случае человек ищет Родины, во втором – где лучше.

Патриот, попадая в иную, порой чуждую ему окружающую природу, стремится преобразовать ее как можно ближе к идеальной, то есть к той природе, в которой он родился и вырос, внедряя в свой быт символы идеализированного объекта, которым в данном случае будет выступать его малая родина.

Данный уровень патриотизма проявляется и в урбанистической «природе». Попадая в другой город, человек может тяжело переживать отлучение от привычного ему ареала проживания. Урбанистическая модель устройства бытия человека позволяет ему формировать, так же как и с природой, идеализированный образ города (поселения) в своем сознании. Но человеку будет так же сложно вжиться в другое урбанистическое пространство, как и в случае с идеальным образом природы, поэтому он интегрирует в свой повседневный быт символы идеальной урбанистической модели. Однако в силу типичности городов возможно количественное сравнение: дороги лучше, чище, больше деревьев и т.п.

Урбанистический вид физического патриотизма формирует в сознании субъекта идеализированную модель города (поселения), поэтому, говоря о физическом уровне патриотизма, мы подразумеваем любовь к природе. Но мы говорим о человеке, а у человека есть две природы, которые формируют физический уровень патриотизма: природа естественная, то есть климат, ландшафт и так далее, и природа городская, в которой человек (горожанин)

проводит практически всю свою жизнь. Следовательно, и в природе городской формируется физический патриотизм, который впоследствии становится одной из основных частей во всей связке патриотизма у Карамзина. «Родина – это первая испытанная ласка, первая сознательная мысль, осенившая голову, это запах воздуха деревьев, цветов и полей, первые игры, песни и танцы. Это последовательные впечатления бытия, детства, отрочества, юности, молодости и зрелости»¹⁶.

Вследствие этого происходит формирование физического уровня патриотизма, любви к природе и людям, которая остается в душе человека на всю жизнь. Но физический уровень патриотизма не исчерпывает его объективного определения. Физический уровень патриотизма формируется в человеке благодаря его постоянному присутствию как в естественной природе, так и в городской среде. На формирование данного уровня патриотизма влияют особенности природы и отличительные особенности города. Физический уровень патриотизма – это сохраненные человеком воспоминания об окружающей среде, через которые индивид способен идентифицировать себя.

Выделим элементы физического уровня патриотизма. Первый элемент заключается в том, что человек, существующий вдали от того места, которое он определяет как родина, ввиду природных и социальных особенностей данного пространства будет, несмотря на отсутствие непосредственного пребывания в нем, сохранять свою идентификацию по отношению к родному. Этот эффект мы рассмотрели на примере лапландца, который живет в хорошем умеренном климате, с благоприятной социальной средой, но все же идентифицирует себя как житель севера, как носитель другой социальной и естественной духовной природы, которая отложилась в его памяти.

Вторым элементом является то, что человек, попавший в другие природно-социальные условия, отличные от тех, через которые он себя идентифицирует, станет использовать для идентификации сохраненную в своем сознании

---

¹⁶ Карамзин Н. М. Избранное. М.: Мысль, 1964. С. 75.

идеальную модель природы и города, через которые он и будет производить сравнительный анализ окружающей его среды.

Первый элемент физического уровня патриотизма – это окружающая человека естественная природа, климат; второй элемент – урбанистическое пространство, пространство родного поселения, в котором человек вырос, то есть прошел этапы социализации, после чего стал воспринимать эти особенности окружающей среды как свою родную природу. То есть эти, отличные от других, особенности природы формируют в нем одну из составляющих понимания родины.

Физический уровень патриотизма присущ каждому человеку и проявляется в нем независимо от каких-либо посторонних факторов. Сам физический уровень патриотизма входит в структуру феномена патриотизма. Физический уровень патриотизма появляется у человека с самого рождения, прежде всего в его представлении об идеальных условиях жизни, которые заключаются в отличиях природы (физической и урбанистической) его родины от природы других государств и мест. Природа собственной родины становится идеальной, а также универсальной для него.

Человек, попадая в незнакомое, чуждое ему пространство, станет стремиться преобразовать его посредством интеграции символов своей родины в данное онтологическое пространство. Например, эмигрант из Африки обязательно заведет дома декоративную пальму или любую другую вещь, которая будет напоминать ему о родине.

Физический уровень патриотизма формируется в человеке благодаря его неотъемлемому существованию как в естественной природе, так и в городской среде (поселении). На формирование данного уровня патриотизма влияют особенности природы и особенности устройства поселения человека.

Из этого мы можем сделать вывод, что физический уровень патриотизма присущ каждому человеку и проявляется в нем независимо от каких-либо посторонних факторов. Физический уровень патриотизма является составляющей

феномена патриотизма, следующие части которого мы рассмотрим далее. Важно, что физический уровень является основанием феномена патриотизма.

Таким образом, мы получаем на уровне физического уровня патриотизма в форме воспоминаний человека некое представление об идеальном месте и обществе, которое движет человеком, идентифицирует его и принуждает сравнивать с идеалом, стремиться преобразовать в соответствии с ним окружающее пространство. Этот идеальный тип закладывается в человека и становится аналогом метафизического мотива по Бердяеву, но часто он не осознается, а просто чувствуется.

Второй уровень патриотизма обозначим как **моральный**. Моральный уровень патриотизма настолько же общий, насколько и физический, но проявляется в некоторых моментах сильнее, потому что время усиливает привычку. Здесь примером у Карамзина служат два иностранца, встретившихся на чужбине. Даже если они не были знакомы у себя на Родине, они начинают вести себя как братья-земляки, утверждая свою личную связь с отечеством, проявляя свою идентификацию. Голландец, живущий в Швейцарии, по необходимости выехавший из страны, имел прекрасный дом, кабинет, неплохое место работы. Но на вопрос о том, где бы он хотел прожить остаток своих дней, он ответил: «Никто не может быть счастлив вне своего отечества, где сердце его выучилось разуместь людей и образовало свои любимые привычки. Никаким народом нельзя заменить сограждан. Я живу не с теми, с кем жил 40 лет, я живу не так, как жил 40 лет: трудно приучать себя к новостям, и мне скучно!». ¹⁷Очевидно, что эти рассуждения человека подразумевают не реальный, а идеальный образ сосуществования с согражданами.

Моральный уровень патриотизма заключается в схожести поведения людей одного единства. Этот уровень многогранен по своей структуре, поскольку люди могут быть патриотами как своей малой родины-поселения, так и большой – государства, страны в целом. Но в то же время может происходить

---

¹⁷Карамзин Н. М. Избранное. М.: Мысль, 1964. С. 83.

противостояние между людьми разных поселений одной и той же большой родины. В данном случае урбанистическая сторона преобладает. И вновь отметим, что в природной, или сельской, местности отношения людей более неформальные, чем в городской, где они более однообразны, а люди более отчуждены друг от друга.

Нам нужно рассматривать влияние морального уровня патриотизма на действия людей одного и того же социума.

Люди одного города (региона РФ, поселения) идентифицируют друг друга как своих, остальных же, тех, кто живет в этом государстве, но в других поселениях, они могут идентифицировать как чужих. Но возникает парадокс: отношение к людям другой страны будет как к чужим, и все люди, воспринимающие их как чужих, будут идентифицировать сограждан как своих, хотя внутри страны они представляют разные поселения и подвергаются процессу дезинтеграции.

Здесь мы выявляем парадокс морального уровня патриотизма: люди одной страны, но из разных городов (региона РФ, поселения) одновременно могут испытывать друг другу как чувство любви и единства, так и чувство соперничества, идентифицировать друг друга на уровне малой родины чужими, а на уровне всеобщей родины – своими.

Таким образом, происходит формирование онтологической структуры символической системы единства. Символическое бытие с максимально широкими символами включает в себя символические системы с менее абстрактными символами. Это позволяет формировать всеобщее единство в обществе в рамках небольших символических систем.

Таким примером может являться символическое бытие мировых религий, которое включает в себя представителей различных национальных культур. Следовательно, человек, являясь «носителем» национальной культуры, будет идентифицировать себя только в рамках символов данной культуры. Но в случае, когда наступает взаимодействие человека с максимально абстрактными

символами, интегрирующими его национальную символическую систему в себя, то и сам субъект выходит за рамки национальных символов и интегрируется в символическое бытие с носителями других национальных символов, в то же время вовлеченных во всеобщее символическое бытие, как, например, в мировых религиях.

Моральный уровень патриотизма в большей степени, чем природный и физический, предопределен для человека потреблением символов определенного символического бытия. Он консолидирует социум на базе схожей реакции людей для совершения определенных действий. Данный уровень патриотизма формирует единые аксиологические ценности внутри человека и всего общества, в которое интегрирован субъект и по отношению к которому он сможет идентифицировать себя как свой. Моральный уровень патриотизма построен на любви к своим людям. Объект данной любви –сограждане, земляки, которые интегрированы в свою, идентичную субъекту символическую систему, то есть те, кого он может назвать «своими». «Патриотическое единение людей покоится на некоторой сопринадлежности их, столь необходимой, естественной и священной, сколь необходим, естественен и священен человеку час духовный, Предмет и духовный способ жизни. Люди связуются в единую нацию и создают единую родину именно в силу подобия их духовного уклада»¹⁸.

В рамках нашего исследования мы обнаруживаем три модели формирования единств на уровне морального патриотизма: историческая память, культурный код народа и религия.

Историческая память и культурный код народа формируют всеобщее архетипическое представление о родине во всех ее проявлениях. Это можно связать и с описанной моделью единства общества из символов и символической системы. Но данная взаимосвязь будет формальной, ведь символы могут трансформироваться в симулякры, отрывая человека от подлинного бытия. А

---

¹⁸ Ильин И. А. Путь духовного обновления. М. : Республика, 1999. С. 25.

историческая память и культурный код направляют бытие субъекта к единству с подлинным, всеобщим началом своего народа.

Историческая память – прожитый и отрефлексируемый исторический опыт народа. Она отображается в исторических сказаниях, мифах, которые имеют под собой реальную историко-архетипическую основу народного бытия. Историческая память народа позволяет сформировать в человеке идентичность, направленную на позитивную историческую экстраполяцию развития родины. Она в рамках морального уровня патриотизма позволяет формировать единство прошлого, прожитого восприятия бытия, которое отображается в современности. Историческая память – это символическая система, в которую погружается человек под воздействием внешних факторов. Она представляет собой внутреннее стремление к единству с современниками через чувствование и приобщение к всеобщему историческому бытию народа.

Таким образом, историческая память формирует единую структуру восприятия прошлого, которое позволяет формировать общую идентификационную модель для людей, интегрированных в определенный социум. Благодаря восприятию человеком единого прошлого своего народа происходит его идентификация в настоящем времени и формируется единый экстраполятивный вектор развития в будущее. Историческая память позволяет структурировать хронотоп (прошлое, настоящее и будущее время) для формирования единой модели человека в определенной символической системе. «Были люди до нас, теперь есть мы, будут и после нас. Воин русский на поле Куликовом – это воин при Кунерсдорфе. Воин при Кунерсдорфе – это воин на поле Бородинском. Воин на поле Бородинском – это воин на Шипке. Воин на Шипке – это защитник Брестской крепости ... Изменились идеи, другими стали люди. Но родина у них по-прежнему одна – это мать – Россия; и во все времена кровь проливалась во имя одного – во имя русского Отечества. Мы не провожали

в поход павших на поле Куликовом. Не нас разбудили рыдания Ярославны. Мы не знаем имен, замерзших на Шипке ... И все-таки мы их – знаем!»¹⁹.

Второй моделью формирования единства на моральном уровне патриотизма является культурный код народа. Культурный код народа – это универсальные, отличные от других особенности идентичности народа, которые выделяют его особенные черты на онтологическом уровне.

Культурный код народа, как и историческая память, формируется, основываясь на прошлом, но историческая память базируется на прожитых и отрефлексированных реально-исторических событиях, перерастающих в мифологию. Культурный код – это накопленный опыт поколений в рамках творческого инсайта всего народа. Культурный код позволяет формировать единство образного восприятия субъекта в осмыслении и понимании как своего собственного, так и социального бытия. «Культура отдельно взятого общества представляет собой внутренне неразрывно взаимосвязанную, самоценную систему содержательных и аксиологических универсалий. В свою очередь универсальные *социокультурные коды*, фундаментальные символы продолжают сохраняться в явной и неявной формах, изменяясь сообразно специфике конкретного реального исторического времени»²⁰.

Разнообразие культурных кодов в современном информационном мире обнажает проблему идентификации субъекта. Информационная среда производит подмену традиционного культурного кода для человека на неподлинный – массовый – либо на нетрадиционный именно для него культурный код в рамках своей символической системы. Решить данную проблему позволяет его интеграция в традиционный для его народа культурный код.

Культурный код как модель формирования единства на моральном уровне патриотизма проявляется в едином отображении архетипов народа,

¹⁹ Ильин И. А. Путь духовного обновления. М. : Республика, 1999. С. 30.

²⁰ Васильева К. К. Стадиальность социокультурных кодов / К. К. Васильева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2002. № 5. С. 91.

определяющих поведенческие, эстетические, аксиологические особенности человека и общества в определенной символической системе.

Третья модель формирования единства на моральном уровне патриотизма – религия (мировая религия), которая формирует единые представления о метафизических, трансцендентных началах в социуме и природе. Данные представления закладывают основы для объединения разрозненных субъектов, позволяя им создавать символическую систему иного, более широкого характера, в которую они впоследствии и интегрируются через абстрактные символы, создавая социальное единство.

Для демонстрации примера успешной реализации данной модели сделаем исторический экскурс и рассмотрим метафизическое изменение социума в рамках интеграции славянских племен в православное.

Метафизическое, данное в моральном уровне патриотизма внутри субъекта, проявляется как символическое поле внутри социума.

Религия способна консолидировать людей через их интеграцию в свою символическую систему. Если люди используют различные модели национальной идентификации, то, интегрировавшись в религию, они будут идентифицировать приверженцев данной религии как «своих». Князь Владимир пытался объединить разрозненные племена славян. Первой попыткой формирования единства славянских племен является создание символической системы в рамках языческого религиозного мировоззрения путем интеграции разрозненных родоплеменных символов в одну систему. Но данная попытка потерпела неудачу. Поскольку национально-племенные символы древних славян находились на одинаково низком абстрактно-рефлексивном уровне, это привело не к единению и консолидации социума, а к разрозненности и дезинтеграции. «А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывали, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как и все звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но

устраиались игрища между селами, И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду, и возлагали на эту колоду мертвеца, и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах по дорогам. Этому же обычая держались и кривичи, и прочие язычники, не знающие закона Божьего, но сами себе устанавливающие закон»²¹.

Следующая попытка князя Владимира заключалась в интегрировании родоплеменных символов в более широкую символическую систему – православное христианство. Таким образом, изменилась онтологическая структура единства славянского социума. Абстрактные символы монотеистической религии включили в себя символы родоплеменной символической системы, благодаря чему произошло становление особенной русско-православной символической религиозной системы.

Итак, моральный уровень патриотизма предполагает внутри как личности, так и общества формирование единого символического пространства. Этот уровень включает историческую память, культурный код, религию, которые определяют смыслы, ценности и действия человека как члена определенного единства.

Изучив моральный уровень патриотизма, мы выявили схемы его функционирования: историческую память, культурный код и религию.

Историческая память формирует единое восприятие прошлого, определяет настоящее и будущее как субъекта, так и всего социума. Культурный код – национальные особенности народа, которые транслируются для субъекта и формируют его антропологическую модель в рамках интегрированной в себя культуры. Мировая религия формирует максимально широкое символическое бытие, которое обладает абстрактными символами, и человек интегрируется в него посредством восприятия данных символов. Религиозная символическая система вовлекает в себя родоплеменную,

---

²¹ Повесть временных лет. М. : Просвещение, 1950. С. 3.

национальную символические системы, образуя единство на более высоком абстрактном уровне.

Политический уровень патриотизма отображается в единстве людей на базе государства. Политический уровень патриотизма вовлекает человека в символическое бытие определенного государства. Государство обладает своими символами, посредством которых происходит интеграция человека в его символическую систему. На всех уровнях патриотизма происходит интеграция человека в социальное единство, символическое бытие государства. Онтологической основой политического уровня патриотизма является государство. Именно оно как гарант единства общества создает антропологическую модель гражданина, необходимую для его существования. «Патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях»²².

По словам Н. М. Карамзина, мы должны любить отечество, помогать ему, делать ему пользу, так как с ним неразрывно наше собственное благо. Слава отечества – это наша слава. «Оскорбительно человеку называться сыном презренного отца, то не менее оскорбительно и гражданину называться сыном презренного отечества»²³.

В рамках нашего исследования мы определили структуру политического уровня патриотизма, она состоит из двух видов: внутреннего и внешнего. Их главным различием являются методы интеграции субъекта в онтологическое единство, основанное на символической системе государства.

Методом внутреннего вида формирования единства на политическом уровне патриотизма является природное стремление человека к единству в рамках государственности²⁴.

Природное стремление человека к единству – это осознание необходимости в сопричастности или познании общего, вследствие развития своих

---

²² Карамзин Н. М. Избранное. М.: Мысль, 1964. С. 42.

²³ Там же. С. 44.

²⁴ Локк Д. Опыт о человеческом разумении. М.: АСТ. С. 75.

познавательных способностей, сознания. «Нравственная обязанность настоящего патриота – служить народу в человечестве и человечеству в народе»²⁵.

Формирование интеграции человека в государство посредством данного метода подразумевает на первоначальном этапе его рациональное осознание данной необходимости, а после – наполнение своей рациональности эмоциями. Реализация метода данного вида политического уровня патриотизма заложена в культурном коде и исторической памяти. Человек, проходя социализацию, открывает и развивает в себе посредством когнитивных способностей познание символов и необходимость интеграции в государство. Таким образом, мы обнаруживаем комплексность в работе различных уровней феномена патриотизма. Природное стремление человека к единству заставляет его, во-первых, осознать себя, во-вторых, произвести осмысленную идентификацию по отношению к определенному государству.

Внешний вид модели формирования единства в рамках политического уровня патриотизма обусловлен необходимостью государства интегрировать в свое символическое бытие носителей собственных символов для своего развития. Внешний вид модели формирования единства в рамках политического уровня патриотизма создается дедуктивным методом. Теперь, в отличие от когнитивной индукции, субъектом выступает государство, которому необходимо интегрировать в себя человека. Выстраивается иная модель субъект-объектных отношений. Активность целого – государства – формирует единство частного – людей. Данный метод обуславливается созданием символической системы, в рамках которой формируются определенные максимально универсальные и отличные от других символы государства, позволяющие формировать единство. Примером таких символов являются герб, флаг, гимн. «Можно не любить и родного брата, если он дурной человек, но нельзя не любить отечества, какое бы

---

²⁵ Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. М.: Хранитель. С. 19.

оно ни было: только надобно, чтобы эта любовь была не мертвым довольством тем, что есть, но живым желанием усовершенствования»²⁶.

Интегративная активность государства для вовлечения человека в свою символическую систему обуславливается его включением посредством абстрактных символов государственной символической системы. Внешний вид модели формирования единства в рамках политического уровня патриотизма заключается не только в онтологической активности символической системы государственности, но и в открытости человека для восприятия данных символов. Человеку необходимо принять символы государства. Внешний вид модели формирования единства в рамках политического уровня патриотизма включает все сферы жизни человека и общества: образование, науку, армию и политику, позволяя человеку максимально интегрироваться в данную систему.

Иная позиция представлена в концепции Л. Н. Толстого, полагающего, что внешним образом организованная консолидация членов социума является негативной формой политического единства, поскольку подразумевает под своим началом эксплуатацию людей, интегрированных в данную общность. В своих работах Л. Н. Толстой пытается разоблачить такого рода «государственный патриотизм», который используют для эксплуатации людей.

По мнению Толстого, патриотизм существует как некое самоопределение государства. Но это самоопределение происходит путем противопоставления внутренней уникальности народа или государства внешнему миру, то есть другим государствам и народам. Государство обречено на постоянную войну, поскольку оно восхваляет патриотизм, усиленно воспитывает патриотизм в своем молодом поколении, подчеркивая исключительность своей страны, ее право на превосходство. Данная модель воспитания применяется во всех символических системах государств, следовательно, граждане каждого отдельного государства считают себя исключительными и дают сами себе право на завоевание и подчинение других государств. «Ведь если живут рядом два вооруженные

---

²⁶ Белинский В. Г. Сочинения. М.: АН СССР, 1954. С.156.

человека, которым с детства внушено, что могущество, богатство и слава суть высшие добродетели и что потому приобретать могущество, богатство и славу оружием в ущерб другим соседним владельцам есть самое похвальное дело, и если при этом над этими людьми не стоит никакого ни нравственного, ни религиозного ограничения, то разве не очевидно, что такие люди будут всегда воевать, что нормальное отношение их между собой будет война»²⁷.

Это, конечно, приводит к тому, что в мире постоянно идут войны за власть. Патриотизм, по мнению Л.Н. Толстого, это механизм, который запускает процесс войны. Неподлинному патриотизму подвержены все люди в государстве: как класс эксплуататоров, так и класс эксплуатируемых. Также он утверждает, что неправильному патриотизму подвержен только класс эксплуатируемых, то есть те люди, которые не находятся у власти. Л. Н. Толстой определяет истоки патриотизма и обнаруживает их в необходимости постоянной войны. «Точно так же отвечают нам христианские народы на поставленный жизнью вопрос: что они выбирают из двух: патриотизм или мир? Они отвечают: и патриотизм, и мир, хотя соединить патриотизм и мир так же невозможно, как в одно и то же время ехать кататься и оставаться дома»²⁸.

Толстой приводит пример того, как патриотизм служит орудием для возникновения войны и гибели людей. «На днях между Северо-американскими штатами и Англией произошло столкновение из-за границ Венесуэлы. Солсбери на что-то не согласился, Кливленд написал послание в сенат, с обеих сторон раздались патриотические, воинственные возгласы, на бирже произошла паника, люди потеряли миллионы фунтов и долларов, Эдисон объявил, что он выдумает такие снаряды, которыми можно будет в час убивать

---

²⁷ Толстой Л. Н. Патриотизм или мир?[Электрон. ресурс]. URL: <http://www.philosophy.ru/library/tolstoy/tol1.html> (дата обращения: 05.03.2022).

²⁸Там же.

больше людей, чем убил Аттила во все свои войны, и оба народа стали энергически готовиться к войне»²⁹.

Человека, который с оружием в руках отнимет у соседа корову или часть урожая, тотчас же посадят в тюрьму. Кроме того, такого человека осудит общественное мнение, его назовут грабителем и вором. Это обнаруживает отношение к эгоистам и механизмы противодействия таким людям внутри общества. Но если такие действия будет выполнять государство, которое станет в таком случае прикрываться неподлинным патриотизмом, то наказания и осуждения не произойдет. «Совсем иное с государствами: все они вооружены, власти над ними нет никакой, кроме комических попыток поймать птицу, посыпав ей соли на хвост, попыток учреждения международных конгрессов, которые, очевидно, никогда не будут приняты могущественными (для того-то и вооруженными, чтобы не слушаться никого) государствами, и главное то, что общественное мнение, которое карает всякое насилие частного человека, восхваляет, возводит в добродетель патриотизма всякое присвоение чужого для увеличения могущества своего государства»³⁰.

Толстой обнаруживает в патриотизме исключительно негативные явления для общества. «Производит же войну желание исключительного блага своему народу, то, что называется патриотизмом. А потому для того, чтобы уничтожить войну, надо уничтожить патриотизм. А чтобы уничтожить патриотизм, надо, прежде всего, убедиться, что он зло, и вот это-то и трудно сделать»³¹.

Толстой разделяет патриотизм на дурной и хороший. Автор утверждает, что, если спросить у каждого человека, хорош или нет патриотизм, люди станут отвечать, что это дурно. Но есть и другой патриотизм, который, по мнению большинства людей, и является подлинным, настоящим. Хороший патриотизм, по мнению Толстого, состоит в стремлении народа не быть завоеванным, это

---

²⁹ Толстой Л. Н. Патриотизм или мир? [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.philosophy.ru/library/tolstoy/tol1.html> (дата обращения: 05.03.2022).

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

удержательный (оборонительный) патриотизм тех земель, что ранее были завоеваны, так как нет такой страны, которая основывалась бы не завоеванием; а удержать завоеванное нельзя иными средствами, как только теми, которыми что-либо завоевывается, то есть насилием, грабежом, убийством.

Восстановительный патриотизм – стремление угнетенных завоеванных народов. Такой патриотизм, по мнению Толстого, является самым худшим, поскольку носителям такого патриотизма присущи ненависть и озлобленность, которые влекут за собой наибольшее насилие.

Данные виды патриотизма, которые определяет Толстой, носят негативный характер, поскольку каждому из них присуще стремление увлечь людей в войну. Но, к сожалению, он не рассматривает положительные стороны патриотизма, которые существуют в виде добродетелей в каждом человеке, а именно: любовь к близким, почитание своих традиций, которые образовывались веками. Если люди выберут основой для объединения государство как дезинтегрирование всего целого, то есть отделение части людей всего мира по географическому или другим принципам, то мы приходим к тому, что проявление агрессии по отношению к остальным людям будет в том, чтобы заставить их работать на свое государство, то есть подчинить их себе. Следовательно, объединение людей, в основании которого лежит государство, будет стремиться стать эксплуататорами для всех других народов кроме себя. Поэтому и патриотизм они будут использовать для того, чтобы ввести другие общества, которые организованы на базе символической системы государства, в войну «всех против всех». Такое государство можно назвать эксплуататорским, а людей, которые в нем живут, независимо от того, к какому классу они отнесены, эксплуататорами.

Л. Н. Толстой видит выход из мирового кризиса, который обусловлен «патриотическими» стремлениями государств. Но если произвести объединение людей, взяв за основу непротиворечивое внутри себя основание, которое будет настолько универсально, что будет присуще всем людям одновременно, то не

будет не только войны – не будет никакой вражды. Наступит мировая гармония, которая послужит хорошей опорой для развития добродетелей внутри каждого человека. Таким основанием является объединение по принципу отечества. Поскольку все мы дети отцов, следовательно, мы все являемся сынами и братьями. А общество, в котором люди объединяются по такому принципу, будет называться отечеством. И именно в этом обществе будет существовать подлинный патриотизм полностью, а не частями, как он представлен в обществах, которые основываются на государственности, то есть сознательного отделения своей народности культуры и так далее от другого мира с целью войны.

Мы рассмотрели три уровня феномена патриотизма, описанных Н. М. Карамзиным. Физический уровень патриотизма формирует в сознании субъекта идеализированную модель родины. Понимание родины на данном уровне патриотизма проявляется в двух видах – природном и урбанистическом. Идеализация урбанистической и природной моделей в сознании субъекта формирует в нем идентификационные основы, которые определяют его дальнейшую интеграцию в социум.

Моральный уровень феномена патриотизма проявляется в исторической памяти и культурном коде. Историческая память и культурный код формируют в субъекте архетипические, сакральные представления о своей родине. Здесь мы проводим параллель и обнаруживаем отсутствие исторической памяти народа и культурного кода (и тем более религии) в общества потребления, массовой культуре. Человек, интегрированный в массовую культуру, не способен производить самоидентификацию на моральном уровне вследствие отсутствия сакрализации и приобщения к культурному коду и исторической памяти народа.

Политический уровень патриотизма определяется интеграцией субъекта в символическую систему определенного государства. Здесь мы обнаруживаем два вида данной интеграции: внешний и внутренний. Природное стремление человека к единству в рамках государственности позволяет субъекту прийти к общему

представлению и восприятию государства посредством познания частных символов..

Карамзин дает схему формирования патриотизма, состоящего из трех уровней: физического, морального и религиозно-духовного, но также он говорит о разности между ним и государственным патриотизмом, который (и мнение Л. Толстого это предупреждает) может превратить патриотизм народа в государственный национализм.

Опыт русской культуры говорит о возможности государства как породить и использовать патриотизм народа, так и не запустить патриотизм как национализм. Русская культура воспрепятствовала превращению народного патриотизма в государственный национализм как в 1812 году, так и в 1914, и в 1945 годах. Тем не менее, к мнению Л. Н. Толстого о возможности государственного использования патриотизма народа как государственного национализма следует прислушаться.

Схема Карамзина и предупреждение Л. Н. Толстого позволяют осознать схему патриотизма в его отличии от национализма. Отличие русского патриотизма от государственного национализма в России и отличие видов патриотизма от национализма в Европе могут стать предметом дальнейшего исследования.

Итак, на основании осмыслении патриотизма Карамзиным и государственного патриотизма Л. Н. Толстым можно сделать вывод о сложности русского патриотизма, который существует и проявляется независимо от его осознания и понимания в великих отечественных войнах русского народа.

Важен философский аспект анализа патриотизма. Мы подходим к нему как к феномену, который существует естественным образом и только частично осознается и используется государством, но в этом использовании главное – опасность превращения патриотизма в национализм. И происходит это на сломе естественной символической системы патриотизма, поэтому столь важен анализ символизма феномена патриотизма.

Краткое описание данного феномена актуализирует задачу противопоставить русский патриотизм западному национализму. Несмотря на то, что он носит оборонческий характер в противоположность западному национализму, который носит характер завоевательный, важно видеть его сложность и не сломать гармонию диалектики патриотизма и того, как он существует и воспроизводится.

Три уровня патриотизма отчасти напоминают три подхода развития национального – и там мы видим смену основания: природного, культурного и государственного; причем разные основания национального и разные уровни патриотизма вызывают разные тенденции в едином комплексе их обоих.

Отталкиваясь от понимания феномена патриотизма, можно поставить проблему реализации именно патриотизма, но реализации аккуратной, не ломающей природное чувство народа. На этом пути возникает проблема осмысления и понимания работы патриотизма в частности превращение его символики, которая используется государством и разрывается в его гармонии, в симулякры.

Подведем итог определения «патриотизма». Источником патриотизма может выступать природа или государство, другими словами, возникают формы природного и искусственного патриотизма. Первый иррационален и проявлен народом стихийно в естественном его поведении; второй формируется государством, религией и элитой, с целью объединить общество. Несовпадение двух патриотизмов позволяет нам говорить о двух формах существования патриотизма: природной и искусственной. Мы преимущественно рассматриваем версию искусственной (государственной) формы патриотизма.

Отсюда мы должны определить сущность патриотизма двояко: с одной стороны как феномен, данный через структуру уровней существования в природной среде; с другой, как понятие, порожаемое любовью к Родине. Между феноменом патриотизм и понятием патриотизм есть разница, которая достигает

огромного разрыва в агрессивных формах национализма, то есть тогда патриотизм вырождается в национализм.

Мы не можем дать определение сущности феномена патриотизма, но можем предложить схему понимания его Карамзиным, которые тот воплотил в уровнях патриотизма.

Модель патриотизма позволяет увидеть границу реализации его политического потенциала национальным государством. Модель патриотизма Н. М. Карамзина важна в том плане, что она характерна для русского человека эпохи сельской жизни, урбанистический же русский человек изменяется. Однако помещичья, крестьянская и сельская формы патриотизма и его уровни не просто существуют в России и показывают себя в патриотизме в 1812 году, но они также запечатлеваются в культуре, литературе, философии (усадьба славянофилов), и опосредованно такой патриотизм воспроизводится в русском духе в современности. Важно признать, что русский национальный характер порождает не национализм, а патриотизм, то есть отдаленный от другого народа и автономный в себе образ идеальной жизни и любви к этой идеальной жизни. Этот патриотизм отличает русского человека от западного, он более присущ селянам, чем горожанам.

На физическом уровне человек, рожденный в определенной природе, подсознательно любит именно эту природу, сформировавшую его. Попав в иную среду, он продолжает помнить родную как идеальную и сравнивает с той, в которую попал, в контексте лучше или хуже. Природная среда и урбанистическое пространство – это биологическая и социальная настройка патриотизма на будущие ориентиры идеала, эта настройка предопределяет, что в природе и городе человеку нравится.

Природное воспоминание является для патриотизма более феноменальным, иррациональным и не осознаваемым. Урбанистический идеал ближе к тому, чтобы быть сравниваемым и манипулированным. В первом человек чаще ищет

родного на чужбине, во втором чаще ищет, где лучше, принимая прогресс, то есть изменяет Родине.

Если у человека сложился идеал, который формирует восприятие природы, мы можем говорить о феномене патриотизма. Конечно, он не сводится только к физическому типу природы, запечатлевшемуся в воспоминаниях детства. Но эти воспоминания ближе всего по характеру духовного и психического воздействия на человека к феномену патриотизма.

Физический уровень патриотизма – основание феномена патриотизма. Он как феномен проявляется в том, что человек будет сравнивать новое место с собственным идеальным, а не исправлять идеал.

Моральный уровень патриотизма в концепции Н. М. Карамзина является не только моральным, но и социальным, он также не осознается, но чувствуется, сказывается на выборе оценки и поступков себя и других. Он предполагает предсимпатию, которая может позже не реализоваться, но часто неосознанно влечет человека к подобным тем, с кем он жил в детстве, это социальное и моральное основание любви к Отечеству. Социальное основание выступает как тяга к определенному обществу, а моральное как тяга к оценке определенного поведения. Причем единство не ограничивается совпадением шаблонов, оно подразумевает взаимное заражение и взаимопомощь.

Именно на моральном уровне возможен разрыв национализма, симпатия к своим и нелюбовь к чужим, причем конфликты могут происходить и между своими. В данном смысле символизация моральных отношений через идеальные примеры резко снижает конфликтность в обществе. На символическом моральном уровне строится единство культуры. На него опирается воздействие религий, единство людей на религиозном основании, то есть на сходных идеальных примерах. Такая символизация связывает нацию духовно, создает идеал культурного уровня. Но и тут возможно использовать идеалы как симулякры против одних наций, это подразумевает столкновение и переворот символических моделей и их столкновение, что рождает отторжение схем на уровне мышления.

Такие идеалы проникнуты историческим опытом, на основании которого создается хронотоп, устойчивый во времени, экстраполируемый в будущее. Моральный хронотоп более устойчив, чем физический, и он тем более устойчив, чем более символичен.

Еще более высоким уровнем организации является религиозный. Он опирается не только на моральные, но и на метафизические константы культуры, которые тесно соотносятся с символизмом. Религия создает мощное притяжение внутри конфессии людей как своих. Национальное единство славянских племен, строящееся на единой религии, – отличие русского патриотизма. Русская культура строит историческую традицию собирания русских земель. Земля русская – символическое и религиозное единение русского народа.

Идеал символа проникает в субъекта и в нем виртуализируется, от наблюдателя субъект переходит в транслятора, а потом – в создателя символических смыслов, становясь самостоятельным и автономным носителем патриотических ценностей.

Рядом с этими уровнями должен выстраиваться государственный патриотизм, который в России в целом идет вослед идеи собирания земель, народа и единства веры. Стратегически нет различия между государственным патриотизмом, с одной стороны, и физическим, моральным и религиозным, с другой, как культурным кодом и системой русского культурного патриотизма. Отличие государственного единства в его искусственности. Государство относится к патриотизму как к средству своего усиления. Но государством и русской культурой патриотизм не видим, тогда средством становится культурная его интерпретация, и мы с большей вероятностью получаем подмену патриотизма национализмом. Именно причастность государства разводит исторические пути патриотизма и национализма. Преодолеть это можно только не касаясь патриотизма и идя вслед за ним, а не формируя его искусственно в нужных целях современности.

Символизм государственного патриотизма, с одной стороны, соединяется с позитивным культурным символизмом; с другой, – отмечает негативные стороны государства, то есть создает шаблоны оценки государства вообще и его конкретных действий.

Выявление уровней патриотизма позволяет осознать его структуру, но также позволяет государству использовать ее. Во-первых, реализация патриотизма государством может превратить его в национализм, но для этого государство должно менять исторические идеалы, переписывать историю; во-вторых, русский патриотизм может не принять государственную идею так, как это удобно государству, и наша схема покажет почему.

Итак, нам кажется, что уровни природного патриотизма, как феномена выявлены Карамзины и составляют его структуру. Что касается понятия, то к нему ближе Л.Н.Толстой, различающий удержательный патриотизм государства и природную любовь к Родине. В русской версии патриотизма, его сущность как понятия связана с защитой родины и подвигом для ее собирания и охраны. Важно отметить, что патриотизм в данном случае не становится национализмом, что характерно для европейского понимания патриотизма.

В дальнейшем понимании понятия «патриотизм» будет развито в связи с феноменом и понятием «национализм», но различие русского понятия, как в основном любовью к Родине, и западного, как доказательство превосходства с над другими нациями. Итак, сущность феномена патриотизма в его уникальной среде существования, сущность понятия «патриотизм» в любви к родине, способности пожертвовать ради нее всем.

В дальнейшем мы попытаемся определить феномен патриотизма в его символическом и священном пространстве. В них патриотизм не осознается и проявлен более как природный феномен.

1.2 Символическое бытие патриотизма

В данном параграфе мы рассмотрим метод формирования феномена патриотизма в рамках вовлечения человека в символическую систему, процесс организации символической системы и ее атрибутов, а также изучим понятия, идентифицирующие человека и составляющие символическую систему: символ, симулякр и знак.

Отчасти эти понятия разводят уровни включения человека в феномен патриотизма: знак непонятен для чужого; симулякр искажает символ, трансформируя патриотизм в национализм; символическое поле – пространство существования феномена патриотизма. Это показывает, что источником патриотизма является не только рациональная, но и иррациональная составляющая, требующая символической формы выражения. Иррациональная составляющая любви представлена как переживание, чувство любви к Родине и имеет различные символические формы выражения.

Прежде чем обратиться непосредственно к символам патриотизма, произведем сравнительный анализ терминов «символ» и «знак».

Знак определяется как средство произвольной коммуникации, воображаемая форма, которая находится на уровне сознания и имеет целью репрезентацию или ссылку. Основная функция знака – прямо указать на определенный предмет или явление. Он не подразумевает переносного значения. Знак конкретен, практичен, недвусмысленен. Жильбер Дюран, исследовавший сферу символов, считает, что знак – это фигура, лишенная переносного смысла. «Знак – это произвольная фигура, лишенная смысла и представляющая собой элементарный связующий фактор»³².

Еще одним сторонником идеи знака как явления, не тождественного символу, выступает философ Элиана Амадо Леви-Валенси. Она утверждает, что символ может в упрощенной форме являться знаком, но при этом знак не может являться символом, поскольку его прямое указание на объект лишает его

---

³²Дешарне Б. Символ. М.: АСТ, 2007. С.13.

интуитивного аспекта знания. Символ можно познать при помощи интуиции, читая между строк. «Символ – это, конечно, знак в том смысле, что он передает значение, но при этом он содержит нечто, отсутствующее в знаке. В нем есть определенная плотность, и он обладает не иссякающим внутренним содержанием»³³.

В рамках абстрактных понятий знак не будет тождественен символу, поскольку знак является ближайшей производной от объекта. Он воспроизводит в себе прямую ссылку на объект. Символ соотносит субъекта с объектом прочтения, но данная схема познания возможна лишь в рамках уже свершившейся интеграции субъекта в символическую систему. Знак универсален, в любой символической системе он станет соотносить субъекта с определенным объектом вне зависимости от интеграции самого субъекта в символическое бытие. Таким примером могут послужить дорожные знаки. Во всем мире существует единая система дорожных знаков, которая не меняет своей смысловой интерпретации. Прочтение данных знаков единообразно соотносит субъект с единой трактовкой последнего. Но существуют такие модели взаимосвязи символа и знака, в которых данные понятия будут тождественны. Но данное тождество возможно лишь для субъекта, не вовлеченного в символическое бытие транслируемого символа.

Например, тождество и различие знака и символа можно проследить на примере флага Российской Федерации. Флаг – это знак Российской Федерации, символизирующий зашифрованные в его цветах смыслы. Для носителя другой культуры, неспособного расшифровать цветовые символы этого флага, он будет являться знаком, обозначающим Российскую Федерацию. Например, на судне, плывущем под флагом Российской Федерации, флаг будет являться знаком, который определяет это судно как принадлежащее определенной стране. Его смысловые коды в колористке в данном случае отойдут на второй план и не будут являться определяющими при визуальной идентификации судна.

---

³³ Дешарне Б. Там же. С.15.

Подчиненность отношений понятий знак и символ будут зависеть от того, кто вовлечен в процесс внутренней визуализации флага. Если человек знает его символику и колористку, то флаг для него будет являться символом. В другом случае, например, для иностранца флаг Российской Федерации будет являться знаком, обозначающим нашу Родину.

Любой знак при помощи определенных трансформаций можно представить в виде символа, но не наоборот. Для этого необходимо знать его символические смыслы в символической системе.

Таким образом, главными отличиями символа от знака являются различные требования к гносеологическим способностям человека, зависящим от интегрированности субъекта в символическую систему. Общее между символом и знаком мы обнаруживаем в их функциональной сущности – символ и знак соотносят субъекта с реальным, подлинным объектом.

Начало XX века ознаменовано развитием массовой культуры. Х.Ортега-и-Гассет обнаруживает такое явление в засилии элитарных пространств людьми, не интегрированными в элитарное символическое бытие: «Массы заполняют все театры, выставки картин и музеи»³⁴. Массовая культура начинает формировать собственную символическую систему, отличительной особенностью которой является симулятивность. Симулятивность массовой культуры обнаруживается и в модели человека. Симулятивная символическая система формирует симулякр. Симулякр – символ, «оторванный» от реальности. Символ и симулякр не будут тождественны друг другу: символ соотносит познающего субъекта с реальностью, подлинностью; симулякр формирует отрыв субъекта от подлинных онтологических основ и погружает его в симулятивное бытие. Симулякр – это мираж символа и бытия, за которым обнаруживается симулятивное, не подлинное, бытие, оторванное от объективной реальности. Таким образом, символ соотносит человека с подлинным и интегрирует его в реальность.

---

³⁴ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003. С. 230.

Симулякр создает разрыв субъекта с реальностью, заменяя подлинное симулятивным.

Примером симулятивной символической системы может послужить телевидение. Через телевидение транслируются определенные симулякры, которые интегрируют субъекта именно в ту символическую систему, которая воспроизводит сами симулякры, заставляя зрителя верить в существование этой цифровой реальности. Отрыв от действительности погружает субъекта в неподлинное (симулятивное) бытие, что влечет за собой отчуждение внутренней сущности субъекта. Человек перестает жить в действительном мире и погружается в созерцание миража, мир грез, который использует человека для сохранения своего существования. Но если мы рассмотрим симулятивное бытие и симулякр как метод интеграции субъекта в данное бытие, то мы можем отметить эффективность методов для консолидации субъектов на данной онтологической основе. Единство, образованное символической системой, не зависит от онтологической парадигмы символической системы. Методы интеграции субъекта в символическую систему едины и не предопределяются, как мы сказали ранее, тем, в какое бытие интегрируется субъект – подлинное или не подлинное, реальность или мираж.

Отсюда следует гипотеза о разном типе погружения субъекта в символическую и симулятивную системы.

Итак, при рассмотрении особенностей включения человека в символическую систему выявляется два момента: во-первых, содержательная сторона символической системы, или соотношение символа и реальности, и тут символ противоположен симулякру; во-вторых, характер принятия символической реальности: внутренний или внешний. Но прежде всего, надо зафиксировать разность включения человека в символическую среду смыслов в отличие от обыденного понимания включения человека в природную или культурную среду.

Для того чтобы рассмотреть, каким образом происходит интеграция человека в символическую систему, нам необходимо выявить атрибутивные особенности символа. Исходя из понимания атрибутивных особенностей символа, становится очевидным, какой функционал закладывает символическая система в символ для интеграции человека в свое символическое бытие.

Б. Дешарне в работе «Символ» обнаруживает у символа два атрибута: амбивалентность и диалектичность. «Символ должен пониматься как общая основа человеческого мышления до или вне философской практики. Это замечание показывает, что культурный релятивизм не обязательно предполагает радикальное различие между людьми. Можно предположить наличие общей основы, объединяющей всех людей нашей планеты и свидетельствующей о том, что человеческая природа есть их общая сущность»³⁵.

Диалектичность символа обнаруживается в синтезе двух противоположных смыслов, транслирующихся для субъекта. Данная диалектичность предопределена прежде всего аксиологическим контекстом символа. Символ синтезирует внутри себя противоположные начала – реального объекта и воспроизводства метафизического смысла объекта. Диалектичность символа заключается в конвертировании сущности объекта в метафизическое пространство символического бытия. Символ организует синтез онтологической парадигмы объекта и гносеологической модели субъекта для считывания себя.

Особенное и многообразное в разных культурах диалектическое единство (рассогласование) символического поля возможно только благодаря амбивалентности символа, его способности вмещать в себя вещи, исключаящие друг друга для сознания. Поэтому осознание символа может разрушать его единое поле.

Во многих культурах встречаются явления, обозначаемые одинаковыми символами. Но для того чтобы расшифровать данные символы, человек должен быть интегрирован в символическое бытие конкретной культуры. Примером

---

³⁵Дешарне Б. Символ. М.: АСТ, 2007. С.17.

амбивалентности символа могут послужить космогонические мифы различных народов. Космогонический миф формирует интеграцию.

Смыслы в символе взаимодействуют, не всякий знак правилен для символа, они должны пересекаться в оценке субъекта. Следовательно, символ исходно содержит в себе противоположение внешнего и внутреннего, причем это противоположение дано в восприятии субъекта, оно не просто логическое, но и мотивирует. В случае патриотизма символ понимается как значащий и мотивирующий. Значение, мотив и смысл выстраивают три этажа понимания символа и генерируют диалектику патриотизма субъективно заряженных символов.

Отсюда важнейшее значение амбивалентности знака символа. Этот знак должен быть многозначным и нейтральным к смыслам, тогда смысл символа может более свободно (диалектично и убедительно) разворачиваться в амбивалентном знаке.

В этом случае мы имеем формально правильное обоснование патриотизма, которое задано идеологически и извне, а не вырастает внутри личности, то есть символ становится основанием внешне заданного национализма, а не внутреннего интуитивного патриотизма. Добавим, что для национализма характерен также внешний характер границы с другим, заданный в символе как его внешняя граница.

Национализм ставит однозначное соотношение своего и чужого, в данном случае смысл ограничивает оценку и значение символа, что-то в нем принимается, что-то отторгается. Причем если частичные смыслы знака взяты другим, то есть проявлены во враге национального, в противоположной национальности, то они приобретают негативные смыслы, хотя исходно в знаке символа они совершенно амбивалентны. Таким образом, амбивалентность помимо многомерности смыслов предполагает возможность противостояния смыслов, которые самим субъектом воспринимаются или как позитивные, или как негативные. Свойства знака и его амбивалентности должны давать возможность в

одном знаке выступать противоположным смыслом, и эти смыслы в материале знака должны закрепляться как противоположные. Патриотизм в символическом плане отталкивается от позитивных смыслов, а национализм – от негативных. Вместе с тем, если национальное не пересекается с чуждым, то национальное не проявляется, но если чужое побеждает, национальное стремится агрессивно взять реванш, хотя бы в символическом поле. То есть субъективный смысл национального и патриотического разрывается в одном и том же символическом поле во время кризиса.

Символ в различных культурах зачастую обозначает одно и то же явление и обладает одинаковыми функциями, которые мы описали выше, а именно: амбивалентностью, диалектичностью, творческой функцией, благодаря которой открывает, создает для субъекта новое бытие. Знаку присущ только атрибут аналогии. Знак банален, он не несет в себе скрытого смысла, поэтому диалектичность и субъективная предопределенность в нем отсутствуют и он может быть знаком любого символа. Какой именно это символ, определяется не содержанием знака, а субъективным смыслом и механизмом символа.

Из этого можно сделать вывод о том, что главным различием между знаком и символом является отсутствие метафизического и субъективного (морального) уровня в смыслах прочтения знака. Если ранее были знаки, в которых части, позже разделенные, были слиты, то такие знаки символ национального отвергает, это принцип разделения знаков и значений национального, но те же знаки в рамках патриотизма могут выступать в противоположной, соединяющей тенденции.

Мы предполагаем, что символ патриотизма амбивалентен, а символ национализма более однозначен, патриотизм обращен внутрь субъекта к его любви, а национализм – извне к любви субъекта и его действию в пользу государства.

Мы бы утверждали, что национальное имеет тенденцию ограничения и разделения знака, и «свое – чужое» – яркий пример такого членения. В то же время патриотизм работает в сторону интеграции смыслов в единство символа.

Выразить этот момент в терминах и языке символа, то есть в его амбивалентной и диалектической схеме, нельзя: тенденция определена субъективными смыслами личности патриота.

Амбивалентность является важной частью символа. Она разделяет людей на своих и чужих. Напомним о флаге: для своих флаг – это символ, они испытывают экзистенциальное состояние экстаза, которое и говорит о феномене патриотизма. М. Хайдеггер именно наличием такого экстаза и определяет сущность феномена³⁶. Чужой видит знак равнодушно, а свой – с экстазом, чужой видит просто знак, а свой видит символ, вызывающий и взывающий к патриотизму. Таким образом, знак амбивалентен вообще, но он четко различен для патриота и чужого, это различие – главное качество, или атрибут, символа патриотизма как феномена.

Таким образом, знак может и оставить равнодушным и вызвать феномен, а эта разница становится границей феномена и патриотизма. Так символ становится «входом» в феномен.

От символа возможен путь к метафизической системе ценностей, и привязка патриотизма к универсальным системам объединения общества происходит через эти связи. Символ метафизичен. Благодаря своей метафизичности он соотносит субъекта с символической системой. Метафизичность символа невидима для человека, не интегрированного в определенное символическое (патриотическое) бытие.

Символ не только выделяет того, кто является патриотом, но дает ему основание видеть свою метафизику. Например, если патриот не знает значения цветов флага, то при объяснении он может испытать экстатическое состояние, то есть знание о символике цветов его выводит на новый уровень понимания: в

---

1. ³⁶ Хайдеггер М. Время и бытие. М.: АСТ, 2009. С. 79.

понимание символического, трансцендентного смысла, то есть в особую метафизику, в которую не патриот не может войти, чужой в нее не проходит, он равнодушен.

Далее рассмотрим два термина, входящие в область нашей темы. Это символизм и символика. Для исследования этих терминов обратимся к следующим философам: Ги Лардо, Жан Шевалье, Симон Де Шарне.

Согласно Ги Лардо, символизм – это способность конструкции абстрактного «символического» мира, который для патриота является более высоким уровнем бытия по сравнению с материально-вещественным миром. Символизм выступает атрибутом абстрактного мира, в котором происходит усложненная гносеологическая работа по расшифровке символов и знаков. Символизм – это система символов, причем предполагается, что восприятие и усвоение символов в символизме происходит не только на уровне рационального осмысления, но и переживания.

У каждой культуры существует свой особенный символизм, который можно понять, если быть полностью погруженным в данную культуру. Именно в этом смысле можно говорить о символизме христианском, исламском. Имеется в виду включенная в традицию культуры система символов со своими особенными взаимосвязями. Один и тот же символ может быть включен в различные культуры, но при этом он остается постоянным представителем своей родной системы символов.

Грамотная расшифровка символа может быть произведена только с позиции той символической системы, в которую он вовлечен.

Символ патриотизма вызывает экстатическое состояние, то есть требует феноменального восприятия, поэтому патриотизм – феномен.

Тут открывается новый атрибут символа – его экстатичность, а из нее следует его саморефлексия; символ непонятен извне, а его интерпретация человеком, который не обладает его субъективностью, строится на информации тех, которые такой субъективностью обладают.

Для формулировки определения понятия «символика» обратимся к словарю. «Символика – это в первую очередь символическая логика, затем наука о символах или общая теория символов и, наконец, – совокупность символов, относящихся к определенной области, народу, эпохе»³⁷.

Многие философы, например, Жан Шевалье, определяют символику как индуктивную науку, занимающуюся исследованием символических систем, их истории и законов, по которым они функционируют. Символика представляется вторичным явлением по отношению к символизму, но для расшифровки символов она обладает универсальной методологией, направленной на расшифровку и дальнейшее исследование отдельного символа или целой символической системы.

Жак Видаль развивает идею Шевалье и утверждает, что символика – это закон, по которому упорядочиваются символы в символической системе. Происходит эволюция смысла символа. Кроме науки, изучающей символы и символические системы, символика превращается в закон символических систем. «Символика – порядок использования символов в системе общества, культуры, религиозной традиции»³⁸.

Символизм предполагает новый уровень бытия в социуме, мы вслед за Бердяевым считаем его основанием метафизического целого общества, которое соединено с интеграцией индивидов в социальное символическое пространство³⁹. Субстратом данного порядка бытия являются в первую очередь символы, которые выражены в знаках: для человека, погруженного в символическую систему, знаки – символы, для не погруженного – только знаки.

Символика – это наука, изучающая символические системы и символы в частности. Она определяется как закон символического бытия символического уровня. Метафизический уровень бытия национального и патриотизма дан именно в символике.

---

³⁷Символика// Философская энциклопедия / Ф. В. Константинов. В 5-ти тт. Т. 4. М.: СЭ, 1960. С. 224.

³⁸Там же. С.40

³⁹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Алгоритм, 2017. С.109.

Символическое бытие, находящееся на высшем уровне, отлично от материального – первичного бытия. Символический уровень характеризуется наличием в нем зашифрованных смыслов, понятных носителю априорно: символов, которые позволяют человеку познать непознанное при помощи интуитивного и интегрировать его в свое бытие. Такое действие позволяет человеку получить идентификационный код. Субъект в такой идентификации вживается в бытие и становится идентифицируемым другими на уровне символического бытия, в которое он вовлечен.

Символическое бытие наполнено символами, и их бесконечное множество по отношению ко времени, которое существует в материальном бытии. Субъект не должен расшифровывать все символы символической системы. Он должен выработать методы познания расшифровки символов. Такое познание происходит интуитивно. Чем больше символов раскрыл субъект, тем глубже он познал символическую систему.

Важнейшее свойство символизма, которое соответствует патриотизму, состоит в способности свободного создания собственной субъективной реальности мифа в рамках символа. Символ порождает субъективную реальность, опирающуюся как на внешние значения, так и на внутренние смыслы. Субъективное находится между этими гранями символа. Однако национализм порождает субъективные реальности, агрессивные к другому, а часто и к себе. Негативные аспекты, содержащиеся в символе, раскрываются при внешнем или внутреннем кризисе и выражаются в агрессии в отношении к другому и самоуничтожении себя. Иная субъективная реальность может породиться патриотизмом, который опирается на позитивное отношение к реальности символа в процессе ее создания. Патриотизм раскрывается в синтезе и творчестве новой реальности, и поэтому позитивен.

Итак, субъективная составляющая символа порождает как негативное национализма, так и позитивное патриотизма. Это внутреннее противоречие

феномена патриотизма. В одном случае он дает отрицательное экстагическое состояние, в другом – положительное.

Первое выражено агрессией и разрушением, второе – любовью и творчеством, прежде всего в символической области смыслов. В национализме негативно противопоставлен смысл, который членится, порождая противоположение частей (прежде всего противопоставление своего и чужого, вражеского), а в патриотизме позитивное создание реальности способно интегрировать части в целое. Понимая это, можно так разворачивать патриотизм: на соединение разделенного, создание целого.

При национализме один и тот же смысл символа для разных частей разделяющегося символа становится противоположным: для одних положительным, для других отрицательным. При патриотизме возникает обратная тенденция: разные, ранее противоположные части смыслов соединяются в комплиментарном отношении.

В массовой культуре субъект интегрируется в символическую систему посредством познания симулякра. В рамках нашего исследования мы выявили, что существует два вида символических систем, отличительные характеристики которых могут заключаться в различных базисах построения данных систем.

Первый вид символической системы возводится на подлинном онтологическом фундаменте, задачей которого является интеграция субъекта в символическое бытие, а также в симфонию и гармонию частей символически амбивалентной системы. Подлинность онтологического уровня предопределена его соотношением с реальностью, от которой у человека не происходит отчуждения.

Второй вид символической системы основан на базе массовой культуры. Данная система является симулятивной. Симуляционная символическая система для интеграции в себя субъекта использует символы, оторванные от подлинного онтологического объекта, симулякры. Символ соотносит субъекта с подлинным объектом, не создавая при этом отчуждение внутри субъекта. Симулякр,

созданный уже в симулятивной символической системе, для интеграции в нее субъекта производит разрыв субъекта с подлинным и погружает в неподлинное, симулятивное бытие, отчуждая его от своей сущности. Подлинность символа и его смысла позволяет творить бытие, подмена – существование. В итоге, если знак и символ отчуждены, то творить реальность патриотизма сложнее. Отчужденная система символов – симулятивная, мешает творчеству, она имеет тенденцию разделения и подавления творчества субъекта.

Метод интеграции человека в символическое бытие универсален и не зависит от вида символической системы. Трансляция символа символической системой и восприятие субъектом данного символа формируют интеграцию последнего в символическую систему.

Рассмотрим способы интеграции субъекта в символическую систему, описанную Данте Алигьери. Данте пытается выстроить методы познания символов и расшифровки символической системы. Данте утверждает, что толкование необходимо и для священного писания, и для художественных произведений, ибо мотивы художественных произведений не могут быть отдельны от религии. Художественное произведение наполнено символами. А если существуют символы в произведении, есть и символическая система, транслирующая данные символы. Священное писание уже имеет в себе символический смысл светского поэтического произведения. Это позволяет выявить иерархию: Библия стоит выше светских текстов, поскольку все символические смыслы заимствованы из нее и отсылают к ней. Библию нельзя трактовать, используя отдельный метод расшифровки символов. Для истинного познания священного писания необходимо максимальное взаимодействие различных методов трактовки. «Библия стоит выше трех смыслов, являясь основанием для всех истинных умозрений; приписывание буквального, реального смысла Откровению приводит к рациональному символизму, совпадающему с требованиями веры. Так поэт парадоксально касается духовного, того что над

символом, опираясь на буквальное прочтение посредством символического вдохновения»⁴⁰.

Данте дает три типа смыслов священного писания и художественных произведений: буквальный, метафорический, анагогический⁴¹. Они дают возможность и технологию управления смыслами и символами, видение тенденций, развития смыслов, а значит, механизмов национального и патриотического.

Буквальный смысл подразумевает вживание субъекта в символическую систему посредством символов, которые он прочитывает. Буквальная трактовка произведения позволяет читателю погрузиться в произведение, но не расшифровать сущность символической системы и отдельных символов.

Анализ произведения при помощи метафоры позволяет не только идентифицировать его, но и прочесть определенные символы, которые раскрывают часть символической системы. Человек, постигнув такие символы, принимает их, и начинает интегрироваться в эту систему, и способен сам создавать символы данного уровня. Значит, человек структурирует свою жизнь, оперируя символами, обнаруженными и принятыми для себя в произведении.

Анагогический (возвышенный, метафизический) смысл – полное погружение человека в символическую систему произведения, а также полное структурирование своей божественной и внутренне-духовной жизни по правилам символов данной символической системы. Только при полном погружении субъекта в символическую систему ему открывается подлинный смысл архе – первопричины всего сущего, в том числе и себя. Именно анагогическое погружение в смыслы дает возможность творчества в патриотизме и в развитии национального и патриотического.

В христианской символической системе познание архе тождественно познанию Бога. Познание Бога возможно лишь через его атрибуты – символы, которые человек стремится расшифровать. «Данте соединил в себе качества

⁴⁰ Дешарне Б. Символ. М.: АСТ, 2007. С.106.

⁴¹ Там же. С.78.

герменевта и поэта. Он предлагал толковать не только священное писание, но и светскую поэзию в соответствии с тремя смыслами: буквальным смыслом, моральным смыслом, направляющий жизненный путь мудреца, и анагогическим смыслом – сверхсмыслом, который имеет мистический характер и открывает связь с вечностью»⁴².

Символ выступает как атрибут Бога на земле. Познавая символ, субъект познает проявление Бога. Это позволяет ему вжиться в христианскую символическую систему, которая подразумевает стремление субъекта к единству с Богом, а также к единству субъектов на земле под знаменем христианских символов.

При помощи этих методов человек способен познать атрибуты бытия Бога. Христианские символы интегрируют в христианскую символическую систему. Люди оформляют в едином морально-нравственном аспекте свои взаимоотношения, транслируемые из христианской символической системы. Патриотизм в таком единстве будет опираться на идею спасения души человека. Человек стремится к единству с Богом и другими людьми на основании патриотизма, который заключен в символах христианской символической системы.

Патриотизм тождественен спасению. Если человек отказывается от этой символической системы, то он отказывается от спасения своей души и перестает стремиться к единству. Стремление к единству ради спасения души является основным проявлением патриотизма в христианской символической системе. Но кроме этого, патриотизм проявляется в более частных аспектах бытия субъекта. Такими аспектами являются его духовная и социальная структуры. Стремление к единству на земле впоследствии ведет к единству с Богом или патриотическому единству со своими, подобно единству с Богом. Итак, символическое пространство смыслов раскрывает метафизику включения человека в патриотическое поле.

---

⁴²Дешарне Б. Символ. М.: АСТ, 2007. С.112.

Между тем, если символы выращиваются внутри личности и не разграничены на своих и чужих, если подразумевают в своих знаках творчество и интеграцию, то мы имеем дело со структурой символов патриотизма. Если же символы формальны, навязаны или воспитаны у человека внешним образом и имеют внешнюю границу, то они свойственны национализму, и такие символы, подверженные внешней манипуляции, становятся симулякрами, формируют национализм. Чем более внешней становится система символов, тем более она превращается в национализм.

Переход от патриотизма к национализму оказывается аналогичен переходу от истинной веры (творческой, основанной на любви) к формальной (охранительной, основанной на грехе). Отсюда следует, что патриотизм создает не просто феномен, в котором соединяется равнодушие, но это творчески активное равнодушие, оно аналогично механизму веры, когда метафизический смысл феномена порождает экстазику веры и творчества. Такая аналогия позволяет говорить о священном характере символизма патриотизма, священном для самого патриота.

1.3 Патриотизм в символической системе священного пространства

В символической системе национализма религиозное отрицается, потому что оно обладает мощной интегрирующей функцией и придает системе символов внутреннюю цельность, препятствуя разделению символа между своим и чужим. Целостность русского мировоззрения отражает религиозную структуру символизма патриотизма. Религиозное в системе патриотизма и национализма исследуется в западной философии как особое пространство иерофанического.

Основоположником в осмыслении священного пространства является М. Элиаде. Священное неразрывно связано с пониманием отчества, Родины, семьи. Анализ исследований М. Элиаде в области священного пространства

позволит нам сформулировать взаимосвязь патриотизма и священного пространства.

Символ священного проявляется в бытии человека. Для обозначения проявления священного в материальном мире Элиаде вводит термин *иерофания*. Иерофания – проявление священного, метафизический символ, по отношению к которому происходит идентификация человека. Человек одной символической системы не будет воспринимать священное пространство другой символической системы. Так определяется идентификационное взаимодействие антагонистической пары «свой – чужой». «Человек узнает о священном потому, что оно проявляется, обнаруживается как нечто совершенно отличное от мирского. Для объяснения того, как проявляется священное, мы предлагаем термин иерофания, который удобен, прежде всего, тем, что не содержит никакого дополнительного значения. И выражает нечто священное, предстающее перед нами»⁴³.

Мирча Элиаде структурирует смыслы иерофании. Элементарная иерофания – это наделение неодушевленного предмета (например, камня или дерева) священными смыслами. Высшая иерофания понимается как проявления священности в максимально абстрактной форме – воплощении Бога в Иисусе Христе. «История религий, от самых примитивных до наиболее изощренных, есть не что иное, как описание иерофаний, проявлений священных реальностей. Между элементарной иерофанией, например, проявлением священного в каком-либо объекте, камне или дереве и иерофанией высшего порядка, какой является для христианина воплощение Бога в Иисусе Христе, есть очевидная связь преемственности»⁴⁴.

Иерофания – проявление священного, метафизического в материальном мире, вокруг которого начинает формироваться единство. В данных субъект-объектных отношениях смыслами священности наделяется определенный объект. Обретя символ священности, объект становится диалектичным. Диалектичность

⁴³ Элиаде М. Священное и мирское. М.: МГУ, 1994. С. 2.

⁴⁴ Там же. С. 3.

формируется в передаче его онтологической структуры в символическое пространство для прочтения субъектом.

Такие объекты священного обладают амбивалентностью символического, они для чужого – просто знаки, а для своего – трансцендентное, или священное. Через них патриотизм приобретает измерение метафизики и трансцендентного, получает веру как новое качество субъективности.

Элементарный уровень иерофании – проявление священного в материальном объекте. На данном уровне происходит объединение людей по узко географическому признаку. Например, в племени Масаи в центре поселения стоит священный столб, вокруг которого в иерархической структуре расположены жилища членов племени. Для соседних племен данный столб не будет считаться священным в полной мере, они могут знать о его священности из рассказов людей, вовлеченных в символическую систему племени Масаи. В этом племени иерофанией является столб в центре племенного поселения. На этом примере мы обнаруживаем атрибутивную особенность символа – диалектичность, при которой материальный объект наделяется метафизическими – священными – свойствами и становится символом, вокруг которого происходит формирование единства субъекта.

В структуре элементарной иерофании весь мир является священным, поскольку он упорядочен, создан Богом. Именно благодаря религиозному опыту эмпирическое познание человека дополняется метафизическим смыслом. Человек, не вовлеченный в определенную религиозную символическую систему, обладает религиозным опытом. Вера – ключевой момент религиозного опыта. Благодаря наличию священных мест, непривязанных к определенной религиозной концепции, возникает консенсус, соглашение. Нерелигиозный человек способен стремиться к единству благодаря религиозному опыту в своем сознании. Стремление к единству происходит на основании различных факторов, но все эти факторы объединяет принадлежность человека к символу иерофании, который интегрирует его в определенную символическую систему. Таким образом,

идентификация субъекта происходит по отношению к объекту – символу, наделенному иерофанией.

Священное пространство вокруг иерофании отражает объединяющее воздействие символов на мистическое восприятие человека. В примитивных мифологических системах мы видим особое пространство, выделенное в священном месте, отделенном от обыденного и природного мира. В более поздних системах священное становится все более рациональным и слитым с реальностью. Можно сказать, что в примитивных мифах священное и обыденное разделены в пространстве и времени, а в более поздних мифах они соседствуют. «Проявляя священное, какой-либо объект превращается в нечто иное, не переставая быть самим собой, продолжая оставаться объектом окружающего космического пространства. Священный камень останется камнем. Внешне он ничем не будет отличаться от других камней. Зато для тех, для кого в этом камне проявляется священное, напротив, его непосредственная, данная в ощущениях реальность преобразуется в реальность сверхъестественную. Иными словами, для людей, обладающих религиозным опытом, вся природа способна быть как священное космическое пространство. Космос во всей его полноте представляется как иерофания»⁴⁵.

Проявление иерофании заложено в архетипическом представлении человека о священном объекте, по отношению к которому происходит идентификация человека. Также человек способен самостоятельно транслировать и преобразовывать обычные материальные объекты в священные, наделяя их священным, метафизическим, смыслом. «Из этого следует, что знак, обладающий религиозным значением, вводит какой-то абсолютный элемент, способный положить конец относительности и путанице. Нечто, не принадлежащее данному миру, неопровержимо проявляется и тем самым указывает какое-то направление или определяет какое-то поведение»⁴⁶.

---

⁴⁵ Элиаде М. Священное и мирское. М.: МГУ, 1994. С. 5.

⁴⁶ Там же. С. 17.

В одном из племен Африки существует легенда, описывающая иерофанию. Согласно ей, люди ищут определенное место для создания поселения. В пространстве обнаруживается клише священного, на которое указывают жрецы племени. Иерофания существует изначально в виде самой идеи проявления священного и со временем реализуется в материальный предмет. Изначально человек сам создает иерофанию, исходя из описания иерофании в мифологии своего рода, племени или этноса, впоследствии она трансформируется в архетип группы. «Проявление священного онтологически сотворяет мир. В однородном и бесконечном пространстве, где никакой ориентир невозможен, где нельзя сориентироваться, иерофания обнаруживает абсолютную точку отсчета, некий центр мира»⁴⁷.

В примитивных верованиях есть особенные места, где сосредотачиваются священные культовые вещи. Наделенный символическим смыслом, патриотизм и опирается на такое видение мира, его превращение в священное место. По сути патриотизм создает священное для мирского, несет в мирское священные смыслы и символическое содержание, насыщает мирское экстафикой веры. Так иерофания становится универсальной структурой феномена веры и феномена патриотизма. Создание священного смысла в мирском – результат проявления творческой силы патриотизма.

Священное пространство образуется вокруг иерофании. Человек существует повседневно в мирском пространстве, аморфном, практически закрытом для священного. Из этого пространства субъекту тяжело выйти: оно подразумевает удобное быденное существования человека.

Л. Корбюзье характеризует дом как машину для жилья. Машина не подразумевает наличие священного. Такое понимание пространства появилось в индустриальную эпоху, когда общество стремилось создать из человека машину. В связи с этим произошло и преобразование пространства, в котором находился субъект. Теперь дом рассматривается не как священное место, в котором

---

⁴⁷ Элиаде М. Священное и мирское. М.: МГУ, 1994. С. 46.

присутствует иерофания. Дом в индустриальном обществе перестает быть личным храмом человека. Дом – это место отдыха перед работой и после работы. Следовательно, жилье выстраивается наиболее приспособленным для таких целей. Архитектура не несет в себе символов, которые отсылают субъекта к священности жилища. «Дом – это «машина для жилья». И в этом качестве он должен, следовательно, находиться в одном ряду с бесчисленными машинами, серийно производимыми в индустриальных обществах. Идеальный дом современного мира должен быть прежде всего функциональным, то есть позволять людям работать и отдыхать для последующей работы. Можно менять эту «машину для жилья» также часто, как меняют велосипед, холодильник, автомобиль. Точно так же можно покидать родной город или родную провинцию, если только этому не мешает перемена климата»⁴⁸. На примере с домом можно показать разность религиозного и обыденного. Современный дом в современном городе строится по типовым размерам, а в религиозной символической системе дом человекомерен, размеры стен и комнат исчисляются по размерам тела хозяина. Таким образом, иерофания, как это ни парадоксально, также антропна, как и символизм патриотизма.

Священное пространство неразрывно связано с иерофанией – проявлением священного. «Напротив, в мирском восприятии пространство однородно и нейтрально. Никакой разрыв не обозначает качественных различий между частями его массы. Геометрическое пространство разрывается и разграничивается в тех или иных направлениях, но никакое качественное различие, никакая ориентация не происходит от его собственной структуры»⁴⁹.

Вокруг иерофании создается священное пространство, которое проецирует устройство бытия определенной символической системы. Мирское пространство – это хаос, поскольку оно не принадлежит божественному. Священное пространство – космос. «Таким образом, есть пространства священные, то есть сильные, значимые. Есть другие пространства, неосвященные, в которых якобы

⁴⁸ Корбюзье Л. Архитектура XX века. М. : Прогресс, 1977. С. 28.

⁴⁹ Элиаде М. Священное и мирское. М.: МГУ, 1994. С. 86.

нет ни структуры, ни содержания, одним словом аморфные. Более того, для человека эта неоднородность пространства проявляется в опыте противопоставления священного пространства, которое только и является реальным, существует реально, всему остальному – бесформенной протяженности, окружающей это священное пространство»⁵⁰.

Пространство в самом широком определении этого понятия является неоднородной структурой. Так, мирское пространство однородно, поскольку в нем нет священного, оно хаос, тьма, бесформенность. Священное же пространство – это разрыв мирского пространства вверх, наделение его метафизичностью. Человек всегда стремится построить свое жилище рядом со священным пространством, поскольку именно там реальное, упорядоченное бытие. Человек обнаруживает иерофанию в объекте там, где хочет построить свое жилище. Если подходящих объектов не обнаруживается, то предмет наделяют иерофанией при помощи ритуалов.

Открытие священного пространства устанавливает точку отчета существования, сотворения мира. Священное пространство позволяет человеку, вовлеченному в него, жить реальной жизнью. Реальность бытия подразумевает первичность священного в соотношении с мирским. Мирское пространство не реально, оно поглощает человека.

Для того чтобы наделить, интегрировать чуждое пространство в свою символическую систему, субъекту необходимо произвести определенные ритуалы, позволяющие сотворить иерофанию и наделить чужое, неизведанное пространство символами своего бытия. Данные ритуалы проходят сквозь всю историю человечества. Александр Македонский строил Александрии на захваченных территориях, тем самым интегрировав их в символическую систему древней Греции. Также примером могут послужить колониальные, захватнические действия конкистадоров, осваивавших Америку. Священным

---

⁵⁰ Элиаде М. Там же. С. 87.

пространством для конкистадоров, их родиной, с которой они себя идентифицировали, была католическая Испания.

Пространство Америки для них являлось чужим, в нем не было иерофании, оно было как беспорядок бытия – хаос. Прибыв в Новый Свет, они осмыслили эту землю как дьявольское бытие – дом дьявола. Для того чтобы эта земля стала священной, в ней необходимо было произвести определенные ритуалы. Таким ритуалом являлось возведение крестов больших размеров на максимально высоких точках данной территории. Эти кресты символизировали иерофанию, проявление священного символа. Они наделяли чуждую для себя территорию символами символической системы, в которую были сами интегрированы. «Испанские и португальские конкистадоры захватывали во имя Иисуса Христа открытые и покоренные ими земли. Возведением Креста они освящали местность, придавая ей этим актом как бы новое рождение. Вновь открытые страны были обновлены, вновь сотворены Крестом»⁵¹.

Символика мифа обладает двойной субъективной реальностью. Миф выражается в образе искусства или религии, и тогда возникает внешняя к личности система субъективной реальности, которую входящие в нее смыслы понимаются, а другие – нет. Но есть вторая сторона: внутренняя, для тех, кто вживается в смыслы символов. Первая сторона выражена в иерофании мифологической символической системы. Она может быть расшифрована и может дать структуру поведения человека.

Итак, творчество как суть патриотизма выражается в двух основных формах: внешней, создающей иерархию мифов, и внутренней, создающей внутренний порядок смыслов субъекта.

Еще одним центральным понятием священного пространства в концепции Мирча Элиада является «ось мира», «столб мира», или «центр мира». «И это деяние богов по созданию Вселенной повторяется и имитируется человеком в соответствии с его масштабом. Ось мира, которую мы видим в Небе в форме

---

⁵¹Элиаде М. Священное и мирское. М.: МГУ, 1994. С. 27.

Млечного пути, представляется в культовой постройке в виде священного столба. Это столб из кедра длиной 10-12 метров, большая часть которого выходит за крышу культовой постройки. Он играет важнейшую роль в церемониях. Ведь именно он придает всей постройке космическую структуру. В ритуальных песнях постройка называется «наш мир», а находящиеся в ней кандидаты для посвящения в совершеннолетие провозглашают: Я нахожусь в Центре Мира... я нахожусь рядом с Опорой Мира и т. п.»⁵². Священное пространство подразумевает свое нахождение в центре мира. В зависимости удаленности жилища от него происходит иерархизация пространства.

Наделение священными атрибутами «столба мира» происходило в различные времена и на различных континентах. В данном примере проявляется атрибут амбивалентности символа. «Столб мира» – это метафора иерофании, главного символа символической системы, посредством которого создается единство. Онтологическая структура символической системы формирует иерофанию – священный символ символической системы, которая запускает процесс формирования единой модели человека в данной символической системе. Вокруг священного пространства происходит объединение людей, вовлеченных в одну символическую систему. «Центр мира» является диалектическим символом, проявлением метафизического священного бытия в материальном объекте. «Таким образом, мы наблюдаем очевидную связь религиозных идей и космогонических образов, которые соответствуют друг другу и выстраиваются в некую «систему». Эту систему можно назвать «системой Мира» традиционных обществ. В ней а) священное место представляет собой разрыв однородности пространства; б) этот разрыв символизируется «отверстием», посредством которого оказывается возможным переход из одного космического района в другой; в) сообщение с Небом выражается без особых различий некоторым числом образов, соотносящихся в целом с идеей ось мира, таких, как столб»⁵³.

---

⁵²Элиаде М. Священное и мирское. М.: МГУ, 1994. С. 28.

⁵³Там же. С. 143.

Виртуальное как священный центр мира расположено не в нашем мире, поэтому поиск центра мира есть принятие какой-то святой земли за центр, но предполагает отображение этого центра в вере личности, за нее борющуюся и сражающуюся.

Произведем структуризацию уровней священного пространства. Элементарный уровень священного пространства проявляется в символе «столб мира». Данная иерофания присуща замкнутым социальным единствам, не участвующим или слабо участвующим в общемировых процессах. «Центр мира» одного племени не будет являться «центром мира» для другого племени. Столб, установленный в центре поселения, символизирует такой «центр мира», именно от него производится иерархизированное строительство жилья и социальных зданий. Дом вождя племени находится максимально близко к центру мира. Кузница или ремесленные мастерские располагаются также рядом, для того чтобы произведенные объекты были наполнены священными силами. Если мастерская находится вдали, то после того, как производится изделие, происходит обряд освящения.

Следующий уровень священного пространства «центра мира» можно увидеть в современных государствах. В каждом государстве существует столица. Столица является священным центром мира, вокруг которого происходит объединение остальных земель. Именно через отношение к столице человек чувствует единство с другими людьми, населяющими данное государство в различной удаленности от центра. В самой столице также есть центр, который является священным для всех граждан данного государства. На данном уровне «центр мира» служит пространственным вектором объединения людей одного государства в единое целое.

Максимальный уровень священного пространства мы можем обнаружить, обратившись к мировым религиям. Для христиан таким центром мира будет являться Палестина, поскольку именно там родился Иисус. Иисус – субъект, который стал преобразовывать пространство из хаоса в космос. Для мусульман

центром мира будет являться Мекка и Медина, а также храм – священный Кааб. Пророк Мухаммед аналогично Иисусу преобразовывал мирское пространство в священное.

Единство людей данных конфессий будет максимально широким, поскольку это единство не привязано к узкогеографическим или культурным объектам, а их символическая система и символ священного позволяют интегрировать в себя максимальное количество людей. Иерофания и структура священного места порождают патриотизм как сотворенное пространство. Для национального и патриотического иерофания носит виртуальный характер, для мифов родового общества выделяется священное пространство, и на нем строится универсальная для рода система веры и единения.

Наличие священного места отражает родовые и примитивные структуры патриотизма, они сродни нашей любви к малой Родине. Патриотизм государства пытается создавать симулятивную структуру патриотического священного места (рядом с пространством и в пространстве перехода) и обряда (во время и вокруг времени перехода).

У римлян общая тенденция направлена на миграцию священного из мистического возвышенного, поражающего человека, в виртуальное как внутреннюю самодостаточность и достоинство. В этом смысле развитие патриотизма, объединяющего римлян, – высшее развитие мифологического и языческого патриотизма. Воплощается оно в священной фигуре императора, то есть в целом в системе государственного единства народа Рима.

Итак, первичные формы священного строятся на знаках потустороннего, обладают ярко выраженным отличием мира священного от обычного, обыденного и природного. Эта выделенность священного места постепенно миниатюризируется и виртуализируется, а римляне превращают ее в сливающуюся с обыденностью виртуальность. Напомним, что римляне под виртуальным почитали достойное, а потом же – невидимое и потустороннее. Виртуализация – итог развития символического смысла государства. Римляне

доводят языческую форму единства до предела. Христианство строится на этом основании. Оно соединяет виртуальное и иерофаническое. Церковь и небесный свет благодати – посю- и потусторонние знаки единого.

Если в элементарной иерофании символ строит иерархию близости к центру мира, то в государственной он виртуализуется и воплощается в достоинство гражданина.

Мы рассмотрели внешнюю структуру иерофании. В то же время отражается внутри субъекта как метод интеграции субъекта в священное пространство, и этим методом обладает патриотизм. Методом интеграции субъекта в социум является символ. Без иерофании символ тоже интегрирует личность в социум, но не так, как иерофания.

Мы выявили различия между символом и знаком. Символ соотносит и производит интеграцию человека в символическую систему, знак производит отображение материального объекта. Атрибутами символа являются амбивалентность и диалектичность. Амбивалентность символа позволяет ему интегрировать в символическую систему субъектов других онтологических основ единства. Диалектичность символа заключается в конвертировании онтологических основ объекта в гносеологический процесс субъекта.

Структуризация символических систем имеет два вида: подлинная символическая система соотносит субъекта через символ с объективной – онтологической реальностью бытия; симуляционная символическая система через частичный симулякр интегрирует субъект в неподлинное бытие, отрывая его от реальности и погружая в мир иллюзий.

Возможны три уровня интеграции субъекта в символическую систему. Первый уровень – буквальный, он интегрирует субъекта в символическую систему посредством символа. Субъект данного уровня интеграции не способен транслировать и создавать символы символической системы. Второй уровень – моральный (метафорический). Субъект, находясь на данном уровне, уже может транслировать через себя символы символической системы, в которую

интегрирован, но не способен их создавать. Третий уровень – анагогический. Анагогический уровень интеграции субъекта в символическое бытие позволяет ему создавать символы в символической системе, которые транслируют субъекты второго уровня и потребляют субъекты буквального уровня интеграции в символической пространство. Это иерархия субъекта в символической системе.

Иерофания у М. Элиаде – символ священного, который ярко проявляет диалектичность символа. Иерофания – это объект, наделенный метафизическими свойствами. Данные метафизические свойства объекта носят интегративную функцию. Интегративная функция иерофании обусловлена такими явлениями, как ось мира или столб мира – символами, по отношению к которым происходит идентификация субъекта. Иерофания способна преобразовывать пространство, делая его из чужого своим. Символы родины на различных уровнях патриотизма – это иерофания, посредством которой общество производит фильтрацию и интеграцию субъектов.

Иерофания раскрывает устройство иерархии символического типа, подчиняя ей пространство вокруг материального носителя символа. Человек идентифицируется относительно этого предмета. Все отношения человека оказываются пронизанными священными смыслами. Создавая священную интерпретацию, человек приобщается к священному и создает смысловой контекст этого мира. Иерофания раскрывает способ включения субъекта и отношения между субъектами в священном пространстве. На новом уровне усиливается виртуализация символического, которое переносится внутрь субъекта и начинает им генерироваться. Столкновение такого субъекта с другим вызывает желание передать свои смыслы, поделиться благом, а не уничтожить его как чужого.

Выводы к первой главе

1. Существует две базовые формы патриотизма: патриотизм, имеющий в качестве источника природу, второй – имеет разные источники формирования: государство, религия, идеалы элиты с целью объединения социума. Первый

иррационален и проявлен народом стихийно в естественном его поведении; второй формируется государством, религией и элитой, с целью объединить общество. То есть определение сущности патриотизма может носить двойственный характер: с одной стороны, патриотизм – это феномен, представленный в своем существовании через структуру уровней, с другой – понятие, формируемое на основе любви к Родине.

2. Трехуровневая модель патриотизма показывает естественное существование его как феномена и опасность перерождения в национализм в системе государственных ценностей. Идеалы национализма следуют из логики элиты, а идеалы патриотизма – из воспоминаний конкретного человека. Идеалы связываются с настоящим не через осознание и иерархию лучшего, как в национализме, а через иерофанию символической системы ценностей.

Государство, как отдельный субъект, создает собственную символическую систему и вовлекает туда человека. Опасность перерождения патриотизма под активностью государства возникает в случае отрыва национального от общечеловеческого, формирования исключительности, своего превосходства.

3. Соотношение знака и символа, и переход одного в другой могут открыть технологию формирования символической программы патриотизма. Знак отражает объективную реальность, но однозначен и не может быть символом. Символ многозначен и отчасти понимается интуитивно. Знак соотносит субъекта с описываемым предметом однозначно, а символ подразумевает включение и погруженность субъекта в потаенные смыслы предмета.

Симулякр подражает символу, но отрывает субъекта от реальности. Отсюда следуют разные алгоритмы погружения человека в символическую и симулятивную системы: в первом случае имеем естественное погружение внутри самого субъекта по мере вхождения его в смыслы культуры и получаем патриотизм, во втором – внешнюю манипуляцию субъектом и национализм. Его ограничение тоже дано извне, превосходство своего и его сравнение с другим порождает ненависть к другому.

Включение человека в символическую систему также зависит от свойств символической системы национальной культуры вообще. В европейской и русской культурах механизмы становления европейцем и русским разные. Путь символа – создание его в себе, путь симулякра – принятие удобного знака извне. Первый стремится к интеграции и достоинству, второй становится все более частичным и удобным.

4. Тенденция государственной интеграции символизма и патриотизма. В древних символических системах священное отделено от обыденного, в поздних они взаимопроникают. Взаимодействие и слияние уровней патриотизма ведет к рационализации религиозной составляющей и подобному обмену атрибутами уровней между собой. То есть интеграция касается не только смыслов символов, но и уровней в структуре символической системы, что порождает собственный внутренний символизм в форме синкретизма, когда и природные элементы наделены моральным и религиозным смыслом, и религиозные и моральные наделены природными смыслами.

Целостность и ее восстановление в тенденции интеграции становится важным атрибутом патриотизма, и это заложено в каждого русского патриота. Мы можем не видеть этого, но и сама структура патриотизма человекомерна, способствуя творчеству смыслов в определенном направлении. Антропность как человекомерность создает комфортные условия для развития отдельной личности как в религиозном, так и в патриотическом пространстве.

Смыслы в патриотической символической системе пространственно гармоничны для человека, и его время также ритмично соотнесено с жизнью природы. Ритмика времени, календаря и режима дня в религиозной системе вызывает притяжение к смысловым истокам символизма. Помимо круговорота времени время разбито ритмично на праздники, встречает человека культовыми знаками и символами.

Итак, символ становится методом интеграции субъекта в символическую систему патриотизма, целостную, человекомерную в пространственном и

временном аспекте, а главное, исходящую из создания субъектом собственной системы символов.

5. Специфика патриотизма как феномена. Прежде всего, патриотизм как феномен показывает границу своего и чужого. Чужой видит только знак, свой чувствует экстатику символа, проникает в смысл знака и символа, который стоит за знаком. Знак феномена патриотизма не просто амбивалентный символ (воспринимаемый по-разному, в зависимости от разности понимания и своего в субъекте), он еще и феноменальная экстатика, которая порождена увлечением символикой своего и вовлечением в нее.

Амбивалентность знака символа такова, что чужой видит только знак и ему не раскрывается чувственная составляющая символа, а своему дано экстатическое состояние патриотизма. То есть символ становится границей «свой – чужой» и показывает границу «знак – феномен». Знак символа амбивалентен, сам по себе он может как вызывать равнодушие, так и мотивировать. Эта разность и есть граница «свой – чужой» и одновременно граница патриота и чужого по отношению к отечеству человека.

Амбивалентность символа ведет к тому, что для чужого символ – это знак, оставляющий равнодушным, а для своего – знак, порождающий экстатическое состояние феномена. Это внешняя амбивалентность, а внутренняя разводит национализм и патриотизм, становясь границей между двумя этими феноменами (национализма и патриотизма). Вторая граница связывается нами с различием симулякра и подлинного бытия.

То есть за амбивалентностью стоит способность знака как символа вызывать неравнодушие, экстатическое воодушевление.

Метафизический, мистический уровень понимания символа роднит патриотизм с верой в Бога. Патриотизм равносителен христианскому спасению и имеет аналогичную природу. Это свидетельствует о том, что тут имеют место не атеистические чувства, а вера, или религиозные чувства, точнее, аналогичные религиозным. Следовательно, феномен патриотизма подразумевает не просто

экстатическое состояние удивления и чувствования чего-то необычного, а экстастику веры и чувства возвышенного и мистического единства.

Патриотизм оказывается аналогичен религиозному чувству, он имеет структуру чувства, аналогичную вере. Внутренние смыслы патриотизма для самого патриота обладают не только характером феномена и экстастичности, но и характером сакральности. Пространство же такого символа для патриота становится священным пространством.

Элиаде исследует иерофанию в отношении к магии и религии, но показывает перспективу реализации феномена патриотизма из аналогии символического в его развертывании в сторону священного и дает пример структуры патриотизма, связанного со священным.

Иерофания на разных уровнях дает представление о строении феномена патриотизма в том его качестве, в котором он уже опирается не столько и не только на чувство, но и на веру. Можно говорить о новом качестве феномена вообще в примере феномена патриотизма: это феномен, обладающий экстастикой веры. Для его анализа необходима новая феноменология анализа священного символического пространства. Идентификация субъекта на таком уровне полагает особенный мир веры и субъекта в области священного и метафизики.

Иерофания показывает родственность патриотизма и религиозного священного пространства, это сходство объясняет механизм и силу патриотизма, показывает, что он отражает в своей структуре не просто чувство, но и веру.

6. Феномен патриотизма существует в форме чувства, часто возникает вне и помимо сознания. Он проявляется как неосознаваемые состояния экстастики в определенных ситуациях столкновения с новым или, казалось, давно забытым.

Человек в экстремальных ситуациях сталкивается с патриотизмом в себе самом и пытается патриотизм осознать. Однако осознание это делается не для понимания, а для использования патриотизма, поэтому возникает точка разрыва: или патриотизм осмысливается как феномен веры и остается вне сознания как

проявление чего-то трансцендентного, или он отчуждается и превращается в феномен национализма.

Между тем по мере развертывания национализма последний становится все более схож с патриотизмом и одновременно все более подчиняется его использованию. В силу этого понимание разности патриотизма и национализма крайне актуально, граница этих двух феноменов может показать предел реализации политического потенциала феномена патриотизма, который может быть уникален у каждой отдельной нации, народа и личности.

ГЛАВА 2. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАТРИОТИЗМА

Существует множество трактовок понятия «патриотизм». Например, в словаре С. И. Ожегова дается такое определение: «Патриотизм – преданность и любовь к своему отечеству, своему народу»⁵⁴. Данное определение раскрывает эмоциональное состояние субъекта, испытывающего данные чувства. Эмоциональная составляющая, по нашему мнению, присутствует в феномене патриотизма, но не формирует целостное представление. Для того чтобы уловить целостность данного феномена, мы исследовали его в первой главе.

Однако анализ диссертационных исследований по данной тематике показывает, что в их названиях крайне редко встречается слово *патриотизм*, но часто встречается слово *национализм*. Анализ темы показывает, что национализм наделяется теми же свойствами, что и патриотизм: у большинства авторов патриотизм входит в состав национального. Возникает впечатление, что патриотизм понимается как чувственная часть национализма.

Такое понимание неверно, оно лишает патриотизм самостоятельного значения. Это показывает, что национализм выступает главным фактором объединения людей, а патриотизм используется как основание национализма, в частности культурной элитой и государством.

Помимо этого патриотизм не становится предметом исследования, а если ученый его и касается, то патриотизм заменяется национальным чувством. Таким образом, национализм с одной стороны, предстает как результат развития патриотизма, с другой, - при возникновении национализм стремится использовать патриотизм, низводит его к чувству любви к родине. Анализ национализма, его отличия от патриотизма позволит понять сущность подмены патриотизма национализмом и механизм и предел использования патриотизма национализмом.

---

⁵⁴ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Аст, 2003. С. 753.

2.1 От патриотизма к национализму

Итак, национализм как феномен, определенный в первой главе, следует исследовать в его собственной онтологии. Она включает помимо рациональной эмоциональную, а также символическую составляющие. Различие между патриотизмом и национализмом на чувственном уровне улавливается как наличие в последнем агрессии по отношению к другому.

Выше мы говорили, что символическое амбивалентно, то есть может выступать одновременно основанием и патриотизма, и национализма, поэтому следует отдельно проанализировать символическое поле национализма.

Если развести формы и символические поля патриотизма и национализма, окажется, что патриотизм входит в состав более общей, универсальной по отношению к народам идеи, например, религиозной в рамках мировой религии, а национализм строит символическое поле на основании исключительности собственной нации. Также важно, что патриотизм строит символическое поле на существующем народе в его естественной обстановке, как он уже сложился, а национализм создает нацию вместо народа и стремится ее улучшить и восхваляет как лучшую. На деле происходит подмена народа нацией, а национализм использует патриотизм в рамках создания особенного типа единства нации в рамках государственного целого и государственных структур. Реализация этой подмены и встраивание патриотизма дает эффект истощения патриотизма, точнее патриотического чувства, притом, что патриотизм сводится только к чувству.

Символическая составляющая невидима для чужого, но для своего связана с верой и чувством, что собственно и создает патриотизм как феномен, вызывающий у своего, у патриота, экстатическое состояние. Подмена народа нацией и сведение патриотизма к чувству делает сам патриотизм невидимым, особенно в его составляющей части, для националиста.

Онтологическая структура феномена патриотизма имеет свои атрибутивные особенности. Но для современного человека (националиста) понимание

атрибутивных особенностей феномена патриотизма может завести в тупик. Часто патриотизм для националиста становится способом отделения своего от чужого без подпитки собственно патриотической символической структурой и особой иерофанией, связанной с историей народа.

Следовательно, чтобы выявить границы патриотизма и его превращения в национализм, нам необходимо исследовать национализм и крайние формы проявления национализма: нацизм, шовинизм, фашизм – модели, претендующие на всеобъемлющую организацию общества и место человека в нем.

Ряд исследователей, например, О. Шпенглер, исследуя данное понятие, приходит к выводу о том, что национализм – это идея о консолидации общества, которая формирует единство людей на базе нации. «У человечества нет никакой цели. Никакой идеи. Человечество – это пустое слово. Есть множество мощных наций, у каждой своя идея, своя жизнь и своя смерть»⁵⁵. Нация выступает как абсолютная форма общественного единства.

В процессе нашего исследования мы пришли к выводу о том, что нация – консолидированная всеобщность граждан определенного государства, наделенная национальной идентичностью. Базовыми механизмами консолидации нации служат язык, территория, экономическая жизнь и психический склад миропонимания.

В понимании сущности нации мы обнаруживаем три подхода: естественноисторический (нация формируется природными особенностями и историческими традициями спонтанно и независимо от осознания самой нации); конструктивистский (нация формируется элитой общества, например, в романтизме, с осознанием ее роли) и социально-экономический (нация формируется государством и средствами экономического стимулирования).

Первый подход, естественно-исторический, обнаруживает начало нации в природе самого человека, которая может зависеть от климата, культуры, общности и пассионарности.

---

⁵⁵ Шпенглер О. Закат Европы. РД. : Феникс, 1998. С. 76.

Одним из представителей данного философского течения является В. Мюльман. В своих работах он определяет нацию как высшую форму человеческой организации. Нация – это пик эволюции расы и этноса. В рамках своей концепции В. Мюльман определяет характеристики становления нации: космология – широта социальной идентификации этноса, наличие обособленного, выделенного из общего, этноса и духовные силы этноса для становления себя как нации. В рамках этих характеристик ученый определяет некоторые народы как те, которые никогда не станут нацией; те, которые подходят к этапу перехода из этноса в нацию – *Volkswerdung*; и те этносы, которые уже стали нацией.

Рассматривая становление некогда великих этносов исторически, Мюльман приходит к выводу о взаимосвязи целей правящей элиты и количества человеческих ресурсов в этносе. В качестве примера он приводит исторический анализ Римской Империи, Швеции, Голландии: «Так, Швеция после своего блестящего периода при Густафе Адольфе и Карле XII утратила свое значение. К тому же, эти короли истощили этнос, используя народное войско, а не наемников. Для столь малого народа его беды оказались роковыми в этно-биологическом плане. То же самое произошло с Голландией и Португалией.

В такого рода государствах «перевешивает голова»: их выдающимся руководителям не хватает людских ресурсов. В сущности, и у Римской империи стала «перевешивать голова», когда римских граждан становилось все меньше по сравнению с негражданами»⁵⁶.

В данной концепции чаще используется термин «этнос», а не «нация». Этнос неразрывно связан с нацией, этнические особенности трансформируются на более высоком рефлексивном уровне, на котором происходит формирование нации. Когда появляется национальное самоопределение, человек идентифицирует себя не только по кровнородственной принадлежности, как это происходит на уровне этноса, но и применяя более абстрактные категории: язык, культура, национальная идея, государственность.

---

⁵⁶ Мюльман В. История антропологии. М.: АСТ, 2003. С. 96.

Со временем в естественно-историческом подходе выделяется группа ученых, которые видят источник формирования нации в социально-историческом процессе. Они объясняют появление нации не только биологическими характеристиками объединения людей изначально в этнос, а затем в нацию, но и открывают еще один метод, единство социально-исторического пути группы субъектов.

Примером социально-исторического становления нации служит пассионарная теория этногенеза, сформулированная Л. Н. Гумилевым. «Этносы – явление, лежащее на границе биосферы и социосферы и имеющее весьма специальное назначение в строении биосферы Земли»⁵⁷.

В данной концепции социальные общности проходят три этапа своего существования: рождение, расцвет и упадок. В период рождения происходит формирование единства по этническому, кровнородственному принципу. В период расцвета формируется национальное самосознание и, как следствие, нация. Упадок ознаменован кризисом национального самосознания и самоидентификации субъекта. «Ну а если найдется привередливый рецензент, который потребует дать в начале книги четкое определение понятия «этнос», то можно сказать так: этнос – феномен биосферы, или системная целостность дискретного типа, работающая на геобиохимической энергии живого вещества, в согласии с принципом второго начала термодинамики, что подтверждается диахронической последовательностью исторических событий»⁵⁸.

П. Бурдые, представитель второго подхода(назовем его конструктивистским), дает следующую характеристику нации: «Нацию можно определить как принцип ортодоксии, то есть как скрытый принцип, который можно обнаружить лишь в проявлениях общественного порядка»⁵⁹. Сторонники данного подхода исходно стремятся увидеть социальные конструкции и научиться их использовать. К ним мы можем также отнести романтиков, которые

---

⁵⁷ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, 2005. С. 6.

⁵⁸ Там же. С. 8.

⁵⁹ Бурдые П. О государстве. Курс лекций в колледж Де Франс. – М.: Дело, 2016. С. 51.

в национальном контексте стремились создать идеальный народ, сначала его конструируя в своем художественном творчестве, утопиях. Конструирование «идеального народа» исходило не из абстрактных представлений, а опиралось на материал, содержащийся в фольклоре.

Этот подход включает в себе идею об искусственном появлении и усилении феномена и термина «нация». По мнению представителей данного подхода, нацию создает культурное ядро общества, культурная элита, которая в своих мировоззренческих работах описывает собственные мнения о тенденциях развития данного общества. Оформленная идея нации проявляется в манифестах, но базой для формулировки самой идеи служат творческие порывы культурного ядра общества. Конструктивизм отрицает историческую преемственность наций. В каждую последующую историческую эпоху формируется новое культурное ядро общества (или обществ), новая интеллигенция, анализирующая развитие своего общества, в том числе в соотношении с другими обществами, формирующими различные концепции. После этого данные идеи находят между собой точки консолидации, формируется идея нации. «Нация – это название, которое мы даем скрытым, невидимым принципам – указывая на своего рода *deus absconditus* – социального порядка и в то же время господства физического и символического порядка»⁶⁰.

В философском контексте целесообразно поставить проблему выявления работы символического уровня формирования национального.

Историческая преемственность нации, по мнению конструктивистов, противоречит идее о динамическом развитии общества, поскольку, занимаясь преемственностью, культурное ядро не сможет проявлять свои творческие акты в созидании нового. Например, современная Италия не является преемницей идеи нации Древней Римской империи или республики, как и современная идея нации в Греции имеет мало общего с идеями античной Греции. Несмотря на сохранение народом названия, элита живет иной жизнью. Тем не менее, Рим и Древняя

---

⁶⁰Бурдые П. Там же. С.56.

Греция длительное время воздействовали на общества Европы как символические реальности, возможно, на другие нации даже сильнее, чем на итальянцев и греков, и в других нациях их идеи оказались реализованными в большей мере.

В итоге П. Бурдьё пишет: «Я предлагаю следующее определение нации: это воображенное политическое сообщество, и воображается оно как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное. Имеется в виду не то, что нации – вообще некие фикции, а то, что реально существуют лишь рационально мыслящие индивиды, а нация существует лишь в их головах, «в воображении», в силу того, что они себя идентифицируют именно этим, а не другим образом, и создается каждый раз, когда происходит смена исторического этапа или культурного ядра»⁶¹. То есть нация формируется в воображении конкретных деятелей элиты и реализуется в их проектах.

В данном подходе нация не присутствует как организм в обществе, она дана как действующая через людей символическая реальность. Также важно, что модель нации формируется и проходит через сознание, хотя бы отчасти.

В контексте этого подхода о нации и национальном следует говорить как о феномене, который определяет реальность.

Третий подход, социально-экономический, возникает в конце индустриальной эпохи. Возникновение данной модели осмысления нации зиждется на аргументах в пользу усиления роли государства в обществе и экономике как всего общества, так и с развитием капиталистических форм экономического взаимодействия.

Усиление прямого воздействия государства на социальную жизнь субъекта привело к централизации других надстроечных институтов общества: культуры, науки, образования, потребления, но главное, формирования общности людей. Даже повседневность стала строго регламентироваться государственным воздействием. Повседневная жизнь, культура попала в зависимость от государства, в котором проживает субъект.

---

⁶¹Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С. 47.

Развитие коммуникационных каналов и новых рыночных экономических взаимодействий внутри государства привело к формированию однотипности и усреднению поведения и мысли, к массовизации общества и индивидуализации. «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные необходимые, от их воли не зависящие отношения, производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»⁶². Однотипность поведения и мыслей является следствием онтологических перемен в субъекте и социуме. Стремление к единым взаимоотношениям внутри государства создает свою особую структурную систему общества, в рамках которой происходит идентификация человека. Следовательно, приведение к однообразной структуре онтологической основы определенного государства позволяет сформировать свою, отличную от других государств, идею единства.

Государства начинают обособляться друг от друга, организовывая и усиливая каждое в себе собственную онтологическую структуру, порождающую как однотипность, так и идейное единство граждан.

Сторонники социально-экономического подхода исследуют две основополагающие модели формирования нации и национального. С одной стороны, это организация государством своей онтологической структуры, которая пронизывает все уровни бытия социума, существующего в рамках данной государственной парадигмы, с другой, – рыночные отношения, обусловленные капиталистической парадигмой экономики. В постиндустриальную эпоху происходит смена государствообразующего вектора. Теперь не этнос и культура формируют онтологические основы государства, а государство формирует онтологические основы единства внутри себя, исходя из собственной модели

---

⁶² Маркс К. К критике политической экономии. М. : Политиздат, 1959. С. 127.

экономического развития. Следовательно, в социально-экономическом подходе нация – это продукт единой онтологической структуры государства, направленный на формирование собственного государственного бытия. «Нельзя было из феодализма перейти к капитализму без национальных идей, нации неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития»⁶³. В рамках данного подхода нация определена государством, а не государство – нацией.

Отсюда следует особенность германской национальной специфики: тут нация формируется не только культурой, но и государством. Природные формы национализма и государства различны, для нас важно, что они различны по своей онтологии или способу образования. Например, государство не строит соответствующее символическое поле смыслов национального, оно стремится институционализировать национальное, в итоге нация становится шаблоном для массы.

В рамках осмысления термина нация мы исследовали три подхода: естественноисторический, конструктивный и социально-экономический.

Сторонники естественноисторического подхода разделились в своих взглядах в рамках осмысления и появления нации. Одна группа во главе с В. Мюльманом утверждает естественно-биологическую причинность появления сначала этноса, а потом нации. Другие во главе с Л. Н. Гумилевым заявляют о том, что нация сформировалась не только естественно-биологическим объединением людей в группу, но и вследствие социально-исторической активности пассионарных личностей⁶⁴. То есть активность пассионариев отчасти роднит эту концепцию с конструктивизмом, однако важно, что пассионарии реализуют себя, а конструктивисты конструируют сознательно новый народ.

В рамках конструктивного подхода делается акцент на искусственной природе появления нации, в создании которой принимают участие культурное ядро общества, культурная элита – интеллигенция.

⁶³ Ленин В. И. Избранные произведения. М. : Политиздат, 1988. С. 74.

⁶⁴ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, 2005. С.12.

Наконец, сторонники социально-экономического подхода обнаруживают начала нации в особенной онтологической структуре государства, а также в экономических внутргосударственных взаимоотношениях между людьми. Таким образом, нация в рамках данного подхода определяется в рамках социально-экономических особенностей государства, в котором происходит становление нации. Государство, которое создает определенную экономическую атмосферу обеспечения населения, например, социальное государство, по сути, конструирует нацию, но в этом подходе нация сменяется на классы. То есть пересечения подходов есть, но идеи основания, которые те полагают под формирование нации, различны.

Каждый подход обнаруживает уникальность исследуемого нами понятия, но категоричность в рамках нашего исследования догматизирует полученные результаты, поэтому мы сделаем предположение, что нации, имея отличительные характеристики каждого подхода, существуют одновременно, но в разные исторические эпохи меняется их соотношение. Так, например, в эпоху средневековья преобладали нации, сформированные в рамках естественно-исторического подхода, в период Нового времени – конструктивизма, а в современный период истории преобладают нации, появившиеся по канонам социально-экономического подхода. Это можно интерпретировать, с одной стороны, как изменение уровня осознанности и управляемости формирования наций, с другой – как изменение значимости нации и национального в управлении обществом.

Естественно-исторический подход предполагает спонтанное формирование нации как природного феномена. Нация не просто формируется вне сознания людей, но и может наследоваться вместе с климатом, местностью, минуя сознание членов самой нации. Поэтому в нем важнейшую роль играет идентификация как рефлексия того, что получилось естественно-историческим образом, в отличие от первого подхода, где нация дана как схема до ее формирования.

Во втором подходе рефлексия, скорее, должна понимать, что из задуманного получилось. Так что во втором подходе работает точность, а в первом – глубина идентификации и саморефлексии национального.

В третьем подходе нация формируется в экономическом и политическом поле и не играет самостоятельного и существенного значения в жизни государства и рынка. Она размывается ими. Тут нация интересна как средство управления обществом, она не формируется как самостоятельное целое, не предопределена историей и природой, она средство управления.

Если углубиться в историю формирования нации, то окажется, что в Средние века нация не важна и ее формирование происходит стихийно, то есть по схеме естественно-исторической, затем, в период раннего капитализма, нации формируются идеями, например, романтизма, и нации расцветают как средство организации капиталистического общества. Основанием такой стадии служат идеи элиты, которая стремится «улучшить народ». Это период бурного развития национального чувства и его влияния на осознание роли нации в истории. Уже Первая мировая война показала, что государство опирается на нацию в борьбе с другим государством, Вторая мировая война вообще берет национализм на вооружение в войне государств. Но сама нация еще продолжает формироваться культурой.

Затем, после Второй мировой войны, государство формирует общество уже без особенного акцента на нацию, поэтому экономическое формирование нации в современности ставит нацию вторичным образованием в государстве. Национальное утрачивает свое значение.

На основании этого кажется, что век наций проходит: во-первых, они начинают формироваться искусственно (вначале культурной элитой ради высших идеалов); во-вторых, они становятся инструментом второго порядка для государства, их формирующего (как ограниченное по значимости средство, которое все более теряет свое значение).

Таким образом, за наличием одной нации в разные эпохи истории могут стоять разные основания: либо природно-исторические условия и традиции, либо идеи элиты, которая стремится преобразовать свой народ в лучший, либо экономическая система государства, которая стремится превратить народ в более управляемое общество, использовать и превратить сложившееся национальное чувство народа в государственный патриотизм.

Три разных основания предполагают изменение способа формирования нации и, соответственно, разные типы любви к родине. Эти три основания необходимо определить как разную онтологию наций, ибо они предполагают разные способы ее формирования и разные функции и предназначения, нацеленность на разные идеалы, задачи, процессы и результаты. Нам кажется, что в разграничении этих способов кроется разница между национализмом и патриотизмом. В первом типе нация и народ существенно совпадают, оба формируются стихийно, но уже на втором, а тем более на третьем этапе, или типе формирования нации, она существенно отличается от народа, а национализм от патриотизма.

Изменение способа формирования нации происходит, прежде всего, в изменении ее роли в построении общества, соответственно, меняется уровень осознанности национального чувства и функция национального в построении общества.

Отчасти это отражает взаимосвязь исторического и логического. Спонтанное и природное формирование национального, определяемое как первое в исторических способах, отчасти повторяется во втором подходе. Более высокий уровень осознания и управления формированием нации отражается в первом подходе, наконец, экономический способ и тотальный контроль за нацией осуществляется в третьем. Формирование нации в переходе от естественного к конструктивному и к государственному, что в историческом контексте отражает изменение назначения самой нации, а в логическом – новый уровень осознанности и управления формированием нации, поэтому порядок

исторического и логического отчасти совпадает, как и схемы понимания и формирования. Важно, что при этом на место народа приходит нация, то есть подменяется сам предмет использования. Начиная со второго этапа, можно говорить о нарастании подмены народа нацией.

Для нас это важно в связи с несколькими задачами. Во-первых, необходимо понять изменение форм существования нации в связи с ее ролью и ее осознанностью. Нация как средство создания народа в переходе от первого способа ко второму меняется от спонтанного феномена к средству реализации идеала элиты, а потом – к функции сплочения общества внутри государства.

Во-вторых, требуется понять изменение роли национального. Собственно национальное, которое формируется на стадии первого способа неосознанно, привязано к природному и историческому, а на второй происходит расцвет национального, и оно принято как важнейший элемент развития культуры, общества и государства. На третьей же стадии национальное утрачивает роль важнейшего элемента жизни человека и превращается в средство построения общества государством.

В связи с разными механизмами формирования нации в каждом подходе формируется свое понимание идеи нации и национализма, способы защиты нации, ее распространения, утверждения и агрессии против других наций. В первом случае это столкновение рас и природ, во втором – идей, в третьем – государств. Данные подходы, часто не признаваемые представителями национализма, тем не менее проявляются и обуславливают их стремления в отношении к своей и к другим нациям.

Однако отметим, что принципиальное отличие понимания нации от понимания национализма состоит в том, что если нация – явление реальности, то национализм – порождение идеи. То есть при анализе национализма надо отталкиваться от его идеи. Патриотизм есть любовь к Родине и ее защита, действие в направлении ее блага. При этом патриот не ненавидит соседа и врага Родины и уничтожает его только при защите Родины, а не превентивно и

постоянно, что свойственно национализму. Более того, в национализме есть четкое разделение: Родине – благо, врагу – зло. Такое отношение возможно. Но если национализм определился, кто враг и в чем, то патриотизм не определился.

Патриотизм и национализм относятся к Родине схоже, с любовью и защитой, а к противнику по-разному: патриотизм – с отстранением и защитой, национализм – с ненавистью и желанием уничтожить. Эти различия показывают, что в первом подходе как логически, так и исторически, когда свои и чужие еще не идентифицированы, национализм как последовательная стратегия уничтожения противников не складывается. То есть национализм на неосознанном уровне формируется только в период осознания того, что есть собственный народ, и формируется благодаря стратегии его формирования. Позже и внутри собственного народа те, кто препятствует стратегии формирования нации, становятся врагами.

После того, как национальное осознается, отношения между патриотизмом и национализмом меняются. Первый становится сознательным проявлением нейтралитета к противнику и помощи соседу своего народа, а второй – проявлением негативного к нему отношения. Первый учитывает существование другого народа, второй стремится его подчинить и уничтожить как вне нации, так и внутри нее. В последнем случае становится очевидной важность осознания того, что есть собственная нация, ибо уничтожается то, что она не есть, а это может быть осознано не полностью и неверно.

Возможность развития состоит в том, что при конструировании нации сам народ или его черты могут оказаться для элиты чужими, тогда начинается искоренение нацией народа и его черт.

Итак, до осознания национального противоположное своему народу чувствуется и учитывается; патриотизм с ним мирится, а национализм бежит прочь; после осознания и рождения стратегии конструирования нации противоположное осознается, определяется и искореняется.

Отсюда следует ограничение анализа национального. Как чувство оно возникает в рамках естественного формирования народа и нации, которые исходно совпадают, но как осознанный, управляемый элитой процесс преобразования народа возникает только в капиталистическую эпоху. Затем методы конструирования нации у элиты перехватываются государством. При этом разные типы культуры порождают разное осмысление роли и смысла национального, а разные типы государственности реализуются в разных типах национального. Так, национальное исходно создается природными факторами и пассионарными личностями, которые само это национальное слабо осознают; затем оно осознается и конструируется элитой, которая стремится улучшить свой народ и чувство национального; наконец, используется государством в собственных конкретно-исторических условиях и целях.

Так, национальное возникает в одном способе существования, осознается и воспевается в другом, а используется в третьем. Отсюда следует, что осмысление сути нации приводит к разности природного окружения нации, понимание направления развития нации опирается на культурное основание, из которого исходит элита нации, наконец, использование нации исходит из третьего основания: интересов общества, как его понимает государство.

Мы видим три различных способа существования, которые лежат в основе осмысления трех подходов к анализу нации. Осознание различия этих способов позволяет лучше понять тенденции развития национального и патриотизма в странах Европы и в России. Оно должно быть основанием анализа национального и национализма. Также очевидно, что возникновение национализма возможно только с появлением элиты, которая стремится конструировать народ.

Таким образом, чувствование национального и его осмысление дают разное отношение к противнику национального как другого, к которому надо осторожно относиться и стремиться сосуществовать с ним, и как другого, которое опасно и подлежит уничтожению, чтобы продолжать собственную стратегию конструирования своей нации. Три подхода позволяют прояснить стадии

формирования национального и объясняют, почему оно активно развивается именно в Новое время.

Познавательный аспект патриотизма.

Патриотизм выступает в неосознанном виде, когда нация остается побочным элементом универсальной идеи и общества. Совершенно иное отношение между патриотизмом и его осознанием возникает после возникновения национализма. Патриотизм выступает как осознанная борьба с негативными сторонами национализма. В первом случае имеем в виду естественный патриотизм как привязанность к месту, Родине, во втором – патриотизм как остаток естественного, частично противоположный национализму как противоположность в типе осознания. Национализм конструирует нацию, а патриотизм показывает то, что не вошло в конструкцию нации. Нация становится тезисом, а народ и патриотизм – антитезисом строительства национального.

Наконец, после Второй мировой войны государство все больше стремится использовать патриотизм, возникает стремление государства включить естественный патриотизм, в то же время возникает государственный патриотизм как любовь не к Родине, а к государству.

Основанием первого патриотизма является география, физиология, и он понимается вне осознания, в действии любви к Родине. Второй патриотизм познается как отклонение от чистого национализма как реализованной модели общности и любви к Родине. Третий патриотизм способен противопоставить себя государству, тогда возникает двойной патриотизм к Родине и государству (как третий вид патриотизма с национализмом).

В каждом случае патриотизм уходит от познания и осознания и противопоставляет ему собственные смыслы любви к Родине. Можно сказать, что патриотизм остается трансцендентным явлением человеческой общности.

Отметим, что понимание патриотизма на третьей стадии вполне совпадает со вторым пониманием, то есть патриотизм понимается как нечто, не ухватываемое полностью национализмом. Более того, нация и национализм более

исследованы и осознаны. Такое положение в отношении национализма и патриотизма ведет к тому, что проще исследовать национализм.

В первом подходе, по сути, реализованном в случае универсального государства, национальное сосуществует с универсальной идеей и ею используется, скорее, как попутчик и ограничение. На первой стадии формирования национального нация не используется, существует как естественное образование, то есть нация близка к ее природному бытию, к тому, на базе чего она спонтанно формировалась, например, к климату, но чаще всего к самой универсальной идее, объединяющей людей в то время.

Если национальное не становится основанием нового типа объединения людей вокруг общего происхождения, языка и территории, то мы получаем из любви к Родине патриотизм, причем подчиненный иной, не национальной идее объединения людей.

До Нового времени национальное формируется иной, универсальной идеей и подчинено ей, но в целом нация не становится средством этой идеи и формируется более спонтанно и неосознанно. В Новое время нация становится средством объединения государства и осознается по-новому.

Но даже в рамках иного типа объединения между нациями есть разное отношение: соседства и презрения (античность с ее варварством).

Разность отношения к национальному до Нового времени и в его эпоху в том, что нация в первом случае подчинена иной универсальной идее, а во втором становится главным средством объединения людей. В Новое время возникают национальные государства, которые полагаются как результат идентификации и осознания национального. Они не только формируют собственную нацию по определенному способу конструирования, но и определяют отношение к миру как месту реализации расширения собственной нации. Государства Европы, создающие собственные нации и через них объединяющие собственное государство, стремятся показать их преимущества и продемонстрировать всему миру образец способа объединения всех людей. То есть даже позитивное

отношение к иным нациям выступает как поучение для них жить по шаблону, предлагаемому собственной национальной идеей.

Универсальная идея полиса или христианства не снимает высокомерного отношения к людям, которые в эту универсальную идею не входят, но в этом случае люди иной национальности пренебрегаемы не по национальному принципу.

Предыстория возникновения национализма.

Существует несколько научных направлений в понимании появления национализма как идеи единства общества. Одни утверждают, что данная идея возникла в период античности, когда люди в древней Греции выражали приверженность своему национальному городу-государству, а в Древнем Римском государстве – своей империи и республике. Иные ученые относят появление национализма к эпохе Нового времени: «И именно эти сочитатели, с которыми они были связаны печатью, образовали в своей секулярной партикулярной, зримой незримости зародыш национально воображаемого сообщества»⁶⁵.

В нашем исследовании за аксиому мы возьмем второе направление в понимании организации единства общества в рамках идеи национализма. В эпоху Античности и Средневековья идея национализма не являлась определяющей в объединении общества. Но в период Античности и Средневековья было проявление национализма в различных вариациях и на разных уровнях бытия человека и общества. Движущей идеей развития существовавших в античности государств и империй был универсализм, а не национализм, то есть следует разделять появление нации и идеи национализма как основы единства общества.

Таким образом, в эту эпоху нация не была средством объединения людей в государство, не осознавалась как средство сплочения. Сплочение людей было подчинено иной, не национальной, а универсальной, чаще религиозной, идее.

---

⁶⁵Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С. 73.

Исследованные нами выше три подхода, необходимые для понимания и формулировки характеристик нации, уточнение категориального аппарата, а также схема организация нации в каждом из подходов позволяют нам исследовать исторические эпохи и выявить точку создания социального единства людей в рамках идеи национализма. Выявленные нами подходы с акцентом на втором подходе, а также установленные стадии развития национального позволяет по-новому произвести исследование по данной тематике. Национальное как совокупность идеи национализма и нации оказывается в Античности частью космополитичности и универсальности культур и государства, в эпоху Средневековья – идеологической и политической причиной разделения сначала общей церкви на католическую и ортодоксальную (православную), а позже и разделение католической на множество государственных конфессий, как, например, произошло с Англиканской церковью, Лютеранской церковью, Францисканской церковью. Однако и в рамках смены исторических периодов положение нации в системе общественного единства различается.

Национализм в античный период проявлялся в антагонистической паре «свой – чужой». «Благодарю судьбу за то, что я родился человеком, а не бессловесным животным; эллином, а не варваром»⁶⁶. Своим для грека был субъект, носитель эллинистической культуры, вовлеченный в символическое бытие древней Греции. Чужим для древнего грека был варвар, человек, не знающий греческого языка и не принадлежащий к эллинистической культуре.

Особенностью развития философии античности является акцентированное внимание на развитии всеобщности, универсальности и космополитизма (чувствовании хозяином всего космоса).

Полисная система древней Греции могла послужить аргументом в пользу главенства идеи национализма как единственной абсолютной базы консолидации социума. Однако все полисы были встроены в эллинистическую культуру и проникнуты ею, они были эллинистическим миром, который, с одной стороны,

---

⁶⁶ Платон. Законы. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2007. С. 98.

дезинтегрировал их во внутренних распрях, с другой, объединял перед всеобщей угрозой для эллинистического «культурного» мира. Участие греков в походе Александра Македонского, его греческие проекты городов в завоеванной империи, идеи Аристотеля показывают, что эллинистическая культура универсализирована на греческой почве. «Мы должны признать, что эллины совершенствуют все то, что они получают от варваров»⁶⁷. На всех захваченных территориях были организованы Александрии – центры эллинистической культуры.

Как более развитая, культура древней Греции поглощала и преобразовывала культуры других захваченных народов, другими словами, стремилась эллинизировать захваченные культуры и нации. В государствах диадохов сложилась двойная система полиса как столицы, где говорят по-гречески, и периферии, которая живет по-старому. Коммуникация и управление через греческий язык и логику предполагают эллинизацию периферии.

Таким образом, мы выявили зачатки национализма в древней Греции (город-государство как полис и политическое как главенствующее), при этом базой консолидации общества служила эллинистическая культура, ведущей идеей которой была идея универсальности – вовлечения в себя других культур и наций.

Такая же модель используется и в претензии на мировое господство у древнего Рима. Римляне расширяли владения своей империи, при этом погружая «чужие этносы» в свою культуру и государственную организацию, создавая единообразную структуру управления на захваченных и присоединенных территориях. Следовательно, и в Древнем Риме национализм не являлся главенствующей идеей в формировании единства общества, скорее, онтологическим началом нации являлось государство. «Когда Рим стал мировой державой, его государственная форма – аристократическая республика – потребовала уже более широкой социальной основы»⁶⁸. Важно, что само это

---

⁶⁷Там же. С. 53.

⁶⁸ Лосев А.Ф. Античная литература. М.: Асар, 2001. С.184.

государство не ставило национальное во главе государственного. Универсализм, космополитизм, а не особая нация – вот идея античного государства.

Итак, в Древней Греции и Древнем Риме государство и политическое начало были ключевыми факторами формирования общности людей и одновременно сдерживающим фактором для формирования национальной идеи. Национальное существует как встроенное в культурную идею полиса и империи.

В Средневековье, также как и в древней Греции, проявляются характерные черты национализма. Основой объединения общества средневековой Европы становится христианство. Христианская модель единства абсолютна, то есть универсальна относительно людей и государств, не национальна. «Для христианина нет ни эллина, ни иудея. Одного избранного народа Божьего не может быть в христианском мире. Христос пришел для всех народов, и все народы имеют перед судом христианского сознания свою судьбу и свой удел»⁶⁹. Она создает максимально широкое символическое бытие, в которое погружаются люди посредством прочтения и понимания символов, создаваемых самим символическим бытием.

Христианство носило универсальный характер, но в отличие от древнегреческого космополитизма стремилось не к созданию чувствования себя как хозяина и жителя всего мира – космоса. Оно выстраивало форму универсальности для спасения души посредством приобщения к своей метафизической модели вне зависимости от культурной и национальной принадлежности человека. «Для меня, как Антонина, град и отечество – Рим, как человека – мир. И только полезное этим двум градам есть благо для меня»⁷⁰.

Греческая модель космополитизма задана эллинистической культурой: через мифологию о древнегреческом космосе-порядке человек чувствует себя жителем всего космоса. Метод христианской модели социального единства – индукция – создает идею о спасении души вне зависимости от принадлежности к

⁶⁹ Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Азбука, 2016. С. 75.

⁷⁰ Аврелий Марк. Наедине с собой. Размышление. М.: АСТ, 2018. С. 34.

определенной культуре и этносу. На базе данной идеи происходит стремление человека к единству в материальном мире – к «царству кесаря».

Итак, отказ от национализма на метафизическом уровне (мифа и религии) препятствовал формированию идей национального характера, хотя в практике жизни народов национальное проявлялось, и чаще в негативной и отрицательной форме стычек, геноцида, скрытной вражды. «Чувствовать себя гражданином вселенной совсем не означает потери национального чувства и национального гражданства»⁷¹.

Национализм в эпоху Средневековья, как и в Античности, проявлялся в формате междоусобных стычек. При этом все антагонизирующие стороны были вовлечены в символическое бытие христианства. Крестовые походы показывают консолидацию субъектов не на идее нации, а на универсальной идее развития и несения христианства «огнем и мечом». Главенствующей идеей единства средневекового общества выступало христианство, препятствующее формированию идеи национального как единства общества.

До великих географических открытий происходила материковая дискуссия культур, которые различались исторической сменой главенствующей идеи единства: древнегреческий космополитизм сменила христианская модель единства. «Свободный духовный опыт стал исторической реальностью»⁷².

Все народы, живущие на границе с государствами, имеющими данные символические системы, находились с ними в корреляции. Именно данное взаимодействие, с одной стороны, не позволяло в полной мере сформироваться нации и отдельному самосознанию каждой группы субъектов, с другой, определяло доминирование идеи «цивилизацируемого мира», то есть универсализма того или иного типа, а в отношении к другим – внедрение этой идеи как высшей в «мир варваров» в структуре идей и политики. Это, во-первых, устанавливало иерархию ценностей; во-вторых, формировало отношение цивилизации к варварам; в-третьих, определяло рамки национальной идеи. Со

---

⁷¹ Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Азбука, 2016. С. 78.

⁷² Лосев А. Ф. Античная литература. М.: Асар, 2001. С.29.

стороны варваров не могло быть идейного и политического противостояния, потому что эти структуры в их обществе только формировались.

В рамках пассионарной теории этногенеза этносу «варварских народов» не хватало организованности социальных структур и энергии для обособления и выделения себя из общекультурной европейской общности, отсутствовала смелость элит на развитие себя как нового национального конгломерата, что делало их периферией европейского или иного центра. «Импульсы могут быть сознательными и эмоциональными, диктоваться личной волей индивида, традицией, принудительным воздействием коллектива, влиянием внешней обстановки, географической среды и даже спонтанным развитием, поступательным ходом истории»⁷³.

Эпоха Нового времени – эпоха многообразного и динамичного развития социума, в том числе и территориального расширения, произошедшего в результате великих географических открытий. Период великих географических открытий расширил представление не только о существовании других территорий, но и о жизни других культур и этносов.

В Новое время в Европе распадается универсальное пространство, и это проявляется в том, что происходит смена стран-лидеров. Плоды великих географических открытий делили между собой Испания и Португалия, на политической и военной арене потом появились Голландия, Франция, Великобритания. Меняется структура Европейского пространства.

Каждая новая конфигурация лидерства, еще не осознанная и не оформленная политически и геополитически, есть конкуренция нескольких лидеров и отставание и подчинение остальных и прошлых лидеров.

Конкуренция в новаторстве и инновационности одного европейского государства запускает процессы развития и перенимания технологий у других европейских государств. Так происходит равномерное динамическое развитие всего европейского пространства, формирование экономической и

---

⁷³ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, 2005. С.68.

технологической однородности. Развитие отражается и на онтологическом уровне идентификации европейца по отношению к «дикарям»: они ощущают свое культурное, цивилизационное, научное, политическое и экономическое превосходство.

Географические открытия начинают дезинтегрировать европейский социум и в то же время позволяют формировать представление о собственной национальной идентичности, исходя из следующих причин: происходит колонизация «открытых территорий», что влечет за собой экономическое развитие того государства, которое имеет приоритетное право на пользование ресурсами открытой территории. Экономический фактор немаловажен для дезинтеграции этноса из общеевропейского универсального самосознания в консолидацию по национальной идентичности, идее нации.

Выделение лидера и его обособление несет в себе национальное, являющееся не только средством развития государства, но и способом противопоставления этого государства остальным. Национальное исходно играет роль дифференциатора в европейском пространстве, способствуя выделению государства. Другими словами, оно понимается как внутренний дифференцирующий фактор европейского пространства, особенно способствующий обособлению лидера. Это первая форма проявления и осознания национального.

Вторая форма проявления национального представлена в появлении антиномичного восприятия другой культуры, не похожей на европейскую. Именно данное обнаружение других этносов и культур, не вовлеченных в общеевропейскую парадигму исторического развития, позволяет переосмыслить уже на уровне дезинтегративного начала особенность своего собственного народа. Происходит «отзеркаливание уровня своего собственного развития через сопоставления с «дикарями»». «В силу быстро растущего по всей Европе престижа национальной идеи, в евро-средиземноморских монархиях наметилась

отчетливая тенденция постепенно склоняться к манящей национальной идентификации»⁷⁴.

Отметим, что вначале Нового времени не происходит противопоставления внутри Европы, хотя войны за наследства происходят. Христианский универсализм исходит из представления о том, что есть единая европейская культура, которой противопоставлены страны и народы остального мира.

Однако национальное дифференцирует Европу, постепенно формируются национально различные подпространства внутри Европы. Эти подпространства подкрепляются и отчасти питаются колониальными империями, и вначале они не совпадают с государствами, но потом берутся ими на вооружение.

Национальное лидера колониальной державы исходно проявлено не только и не столько в противопоставлении европейских держав, сколько в разности устройства колониальных систем этих держав. Исходно в этой тенденции видна попытка удержания династии и ее прославления, но на деле это преобладание государства и использование национального, как и колониального, государством. В этом подчинении колонии национальной особенности существенное различие национального и патриотического. Национальное автоматически превращается в шаблон и идеал для колоний.

В обстоятельствах формирования определенных государств Европы в отдельные колониальные миры национальная идея как вариация европейского превосходства позволяет этим государствам формировать собственное национальное представление о своем народе и других этносах, входящих в него. Национальное в рамках европейского единства является особенностью государственной внешней и внутренней политики в отношении к развитию своей нации и другим государствам. «Эти «официальные национализмы» лучше всего

---

⁷⁴ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. М. : КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С.130.

понятны как средство совмещения натурализации с удержанием династической власти – в частности, над огромными многоязычными владениями»⁷⁵.

Исходно национальное включено в христианское и проводит общеевропейскую политику, но уже начинается конкуренция отдельных вариантов проявления национального в общеевропейской государственности. Варианты эти реализуются как отделенные от государства лидеры и их противники.

Возникает всплеск становления национального государства и нации как отдельного суверенного государства. Однако вначале это проявлялось в принятии единого европейского пространства, усиливалось принятие превосходства Европы над остальным миром, проявляющееся в том числе в захвате колоний и в миссии просвещения варваров в остальном мире.

Великие географические открытия позволили запустить экономический процесс дезинтеграции общеевропейского общества. Национальные революции, установившие ограничения абсолютизма в Англии и освобождение США от подчинения английской короне, являются заключительным этапом в окончательном становлении национализма и нации, в формировании уже обособленных друг от друга национальных единств внутри общеевропейского пространства. «Каждая историческая национальность имеет свою собственную задачу, которую должна решить, свою идею»⁷⁶.

Национальное как метод идентификации человека существовало в античности, но было подчинено космополитизму и универсализму древних государств и религий. В античном мире пространство цивилизации подчиняется определенной универсальной идее в рамках государства-полиса и системы греческого мира полисов, то есть в системе универсальности культур, всеохватываемости одной парадигмой культуры определенного исторического

---

⁷⁵ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. М. : КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С. 132.

⁷⁶ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. С. 49.

периода (древняя Греция, древний Рим). В период средневековья главенствует вселенская идея спасения, оформленная в христианскую религию.

В эпоху Нового времени национальное исходно становится атрибутом христианской универсальной идеи, постепенного движения отдельных государств Европы к самосознанию своей особенной национальности и национализма. Таким образом, идеи нации и национализма становятся движущим мотивом в формировании единства в рамках государства в эпоху Нового времени при сохранении общеевропейского целого в период формирования колониальных империй.

Опыт подавления национального в космополитических государствах древности говорит о способности государства как подавить, так и развить единство граждан, основанное на национализме. «Национальный вопрос для многих народов есть вопрос об их существовании»⁷⁷.

Анализ исторического процесса сквозь призму становления и присутствия национального показывает изменение роли нации в самой истории, смену парадигм идей государств и их генерирующих онтологических структур относительно формирования сознания своих граждан и их единства внутри государства. Можно предположить, что эффективность такого формирования гражданского единства государством посредством национального – важнейший фактор развития мира в Новое время и в XX веке.

Мы полагаем, что говорить о разности народа и нации, патриотизма и национализма в рамках универсальной идеи нельзя, разность между этими феноменами появляется только в Новое время, когда универсальная идея заменяется национальной. Этой заменой руководит государство. Национализм, является трансформацией патриотизма, что не влечет его к полному отрицанию, в рамках конструктивных, а не деструктивных моделях единства общества. Трансформация патриотизма в национализм, в определенную историческую

---

⁷⁷ Соловьев В. С. Национальный вопрос в России. М.: Хранитель, 2007. С.25.

эпоху обусловлено таким фактором, как прагматическое восприятие природы, в том числе и природы патриотизма.

Часто элита не понимает феномена патриотизма, его народную составляющую, и трактует ее как национальное, в рамках своего идеала. Происходит парадигмальный сдвиг в рамках трансформации патриотизма в национализм. Национализм становится патриотизмом своего времени. Патриотизм граничит с национализмом, переходя границу, он обретает его форму. Одним из атрибутов границы является «беспокойство». В рамках национализма происходит провокация покоя «беспокойством», что влечет за собой не возврат к патриотизму, а деструктивные и агрессивные проявления национализма, вследствие опасения за сохранение целостности и ухода, при преодолении своей границы.

2.2 Национализм как способ реализации идеи нации

Собственно национализм как способ формирования идеи нации вырастает из идей элиты в рамках конкретной культуры и используется конкретной страной. Мы рассмотрим крайние и поздние варианты национализма, реализованные в XIX и XX веках во Франции (шовинизм), Италии (фашизм) и Германии (нацизм). Национализм не сводится к этим трем вариантам, но они показывают сущность второго и третьего типа национализма. Второй тип предполагает развитие и реализацию идеи нации как средства порождения новой нации, вбирающей в себя лучшее в отечественной культуре. В третьем типе формирование нации становится средством достижения единства внутри государства, но вырождается в негативные формы преследования иных культур и наций в силу недостаточности позитивного потенциала пассионарности в национализме, в связи с чем он усиливается негативным отношением к чужому как враждебному.

Одним из механизмов, который формирует онтологическое единство общества на национальной основе, является шовинизм. Основополагающий

исследователь данного феномена – Жерар де Пюимеж. В своей работе «Шовен, солдат-землепашец. Эпизод из истории национализма» он рассматривает сущностные характеристики шовинизма.

Существует красивая легенда о возникновении шовинизма. В армии Наполеона служил солдат Николя Шовен. Он был последователем Наполеона во всех его начинаниях, даже после полного поражения наполеоновской армии и его самого как императора он остался верен идее превосходства французской армии и нации над всеми остальными. Фамилия околомифического солдата наполеоновской армии – Шовена – стала именем нарицательным и образовала историко-социальную модель консолидации французской нации – шовинизма. Жерар де Пюимеж определяет его сущностные характеристики: это не только фанатическая вера в величие своей родины, но и оправдание прав на военное подчинение и уничтожение других людей во благо своей родины. «Шовинизм, в основе которого лежит новый по форме и по атрибутам симбиоз двух социальных типов, испокон веков противостоявших друг другу, крестьянина и солдата, оказывается формой разрыва с европейской исторической традицией. Он способствует появлению у французов ощущения, что они противостоят всему остальному континенту, враждебному по отношению к Франции»⁷⁸. То есть шовинизм идет против единства Европы. Шовинизм создает из остальной Европы врага Франции.

Шовинизм очень схож по содержанию с такими моделями единства социума, как нацизм и фашизм, но все-таки имеет отличие. Шовинизм, нацизм и фашизм декларируют превосходство одного социально-консолидированного сообщества над другим, но онтологическая основа шовинизма отличается от нацизма и фашизма тем, что данное единство понимается не как раса, этнос и нация, а тем более не как чистая раса, и не относится агрессивно, вплоть до уничтожения противника, к другим нациям: «одна из форм гетерономии и

---

⁷⁸ Пюимеж Ж. Шовен, солдат-землепашец. Эпизод из истории национализма. М.: Языки русской культуры. 1999. С. 362.

ксенофобии, неприязни к чужакам, атавистического, биологического в основе неприятия иноземцев, иноверцев, всех телесных, цветовых, культурных, национальных, языковых отличий, вплоть до чужеродных обычаев, костюмов и пр. по принципу «не такой – чужой – чужак – враг»⁷⁹. Основой консолидации субъектов в шовинизме могут выступать различные идеи, имеющие силу в объединении группы людей по различным признакам. Исследователь шовинизма Де Пюимеж находит во французском шовинизме следующую базисную особенность: «Одна из составляющих шовинизма – нескрываемое презрение и ненависть к иностранцам, прежде всего к англичанам, а после 1830 года также и к арабам. Еще один объект ненависти – еврей, этот внутренний иностранец, связанный с Англией и с антифранцузскими идеалами, с урбанизацией, торговлей, путешествиями... Таким образом, ксенофобия приобретает у шовинистов черты антиарабского и антисемитского расизма»⁸⁰.

Шовинизм – очень широкая идеологическая модель консолидации групп, он не обязательно соотносится только с государством. Шовинизм проявляется и в бытовой повседневности. Например, болельщики одной спортивной команды считают ее исключительной и их единство строится на идентификации себя по отношению к исключительности выбранной спортивной команды. Их можно назвать шовинистами по отношению к другим спортивным командам и болельщикам, но они предполагают существование других противников и борьбу с ними для доказательства превосходства собственной команды. Или, например, студенты технических специальностей считают свою будущую профессию исключительной по сравнению с гуманитарными направлениями. «Шовинизм, основывающийся на долговечном и мощном мифе, не может быть назван ни простым и чистым отражением реальности, ни идеологией – от последней его отличает отсутствие жесткости, теоретических выкладок, притязаний на

---

⁷⁹ Кравченко И. И. Власть: очерки современной политической философии Запада. М.: Наука, 1989. С. 75.

⁸⁰ Пюимеж Ж. Шовен, солдат-землепашец. Эпизод из истории национализма. М.: Язык, 1999. С. 363.

объяснительную и научную ценность. В основе шовинизма лежат не идеи, а образы, рассказы и символы, он всецело принадлежит сфере не рационального, а эмоционального»⁸¹.

Шовинизм не претендует на рациональное обоснование исключительности любимой группы, команды, для него априорно превосходство своего, но нужен противник, которому и на примере которого это превосходство доказывается. «Шовинизм особенно опасен, если он становится де-факто или де-юре идеологией какой-либо правящей партии или государственной политикой»⁸².

Определяют несколько видов шовинизма. Великодержавный шовинизм основан на идее превосходства одного народа над всеми остальными. Именно превосходство народа, а не нации, поскольку народ – это культурно-этническое единство, а нация – культурное, социальное, историческое, этническое, политическое или религиозное единство.

Понятие национализма шире понятия шовинизма. Поэтому в определении шовинизма мы называем онтологическую субстанцию единства, в которую преобразуются разрозненные субъекты – народ. Наиболее ярким и деструктивным было проявление английского великодержавного шовинизма – джингоизма. В процессе завоевания колоний английское общество стало отходить от концепции консолидации на базе патриотизма и национализма, что привело к возникновению консолидации шовинистского толка. Английский джингоизм позволил сформировать в английском обществе онтологические парадигмы, которые реализовывались в угнетении и уничтожении народов в своих завоеванных колониях – Индии, Африки, Китая, Северной Америки. «Шовинизм может иметь характер массовых предрассудков, вплоть до идеологии крайне правых политических течений!»⁸³.

---

⁸¹ Пюимеж Ж. Шовен, солдат-землепашец. Эпизод из истории национализма. М.: Язык, 1999. С. 312.

⁸² Кравченко И. И. Власть: очерки современной политической философии Запада. М.: Наука, 1989. С. 93.

⁸³ Кравченко И. И. Власть: очерки современной политической философии Запада. М.: Наука, 1989. С. 103.

Религиозный шовинизм заключается в обосновании своей религиозной парадигмы как исключительной и не принимающей другие религиозные направления для совместного мирного сосуществования.

Проявление религиозного шовинизма в современном мире обнаруживается в радикальных исламских течениях, которые стремятся к физическому вытеснению со своих территорий представителей других концепций, а также формирования онтологических основ из радикально прочтенных откровений в Коране. Это предполагает создание объединенного мирового государства, в котором основой на социальном уровне будет не юридическая структуризация и организация общества, а религиозная – законы шариата. Религиозный шовинизм также проявляется в радикальном понимании джихада – физическом уничтожении «неверных».

Гендерный шовинизм заключается в идее превосходства одного пола над другим по различным критериям. Так, гендерный шовинизм среди мужчин проявляется в идее их превосходства над женщинами.

Исследовав механизм консолидации социума шовинизм, мы приходим к следующему выводу: шовинизм имеет широкий горизонтальный аппарат для консолидации субъектов – религию, народ, повседневные проявления шовинизма, но при этом отсутствует вертикальный вектор развития консолидации субъектов в рефлексивное, духовное, трансцендентное единство, которое образуют патриотизм и универсальные идеи.

Шовинизм – одна из производных форм консолидации социума, он уже, чем национализм. В онтологической модели шовинизма формируется деструктивное начало, которое ведет к угнетению и уничтожению других консолидированных групп и субъектов, не входящих в символическое бытие единства основанного на шовинизме.

В шовинизме важно то, что он строится на эмпирическом превосходстве нации, доказанном историческими событиями: победами, созданием колоний. Он опирается на культурные основания нации, и этим предполагает собственное

символическое поле высшей реальности. Но ему необходимы противники для демонстрации своего превосходства.

Итальянский фашизм и немецкий нацизм. Иными моделями онтологической консолидации единства социума являются фашизм и нацизм. Данные модели единства являются крайними формами национализма. Фашизм, зародившийся в Италии, обретает в нацистской Германии более отчужденную форму для общечеловеческого бытия. Данные модели единства общества мы рассматриваем в паре, чтобы выявить взаимосвязи между фашизмом и нацизмом.

Историческое становление фашизма происходило в Италии после окончания Первой мировой войны. Здесь мы обнаруживаем сходность предпосылок возникновения деструктивных форм консолидации социума. Нацизм в Германии восходит к идеям фашизма практически в один и тот же исторический период. Италия в послевоенные годы оказалась в глубоком экономическом и социальном кризисе. В итальянском социуме начинает происходить рефлексия по поводу кризисного состояния страны. Данная рефлексия привела к появлению идеологических концепций фашизма. Одним из главных теоретиков фашизма в Италии являлся Э. Коррадини, который в своих работах осмыслял предпосылки критического состояния страны, а также описывал стратегии решения возникших проблем. «Интернационализм и гуманизм, представляющие всего лишь две сентиментальные абстракции, которые не являются орудиями, способными построить коллективную жизнь вне нации»⁸⁴. Автор выделяет несколько причин кризиса в Италии: коррупция чиновников, недовольство кризисом и списание его причин на либерализм и демократию. Исходя из указанных причин, он формулирует концепцию выхода из кризиса.

Главной идеей фашизма, по мнению Э. Коррадини, является формирование движения национал-синдикатов во главе с национальной аристократией и антидемократами. Идеи национал-синдикализма являются основой фашизма, провозглашающего отказ от буржуазных ценностей, либерализма, демократизма,

---

⁸⁴ Коррадини Э. Далекое отечество. М.: Мысль, 1993. С. 54.

марксизма, интернационализма и пацифизма, а также пропаганду идей героизма, витализма, насилия, антисемитизма.

Реализация онтологического концепта фашизма выделяется на политическом пути Б. Муссолини – создателя и главы «национал-фашистской партии». Муссолини руководил Италией на протяжении практически двадцати лет. Итальянский фашизм привел к краху национального сознания Италии и итальянцев.

Базой для формирования единства в идеологии фашизма является нация, но в ее искаженном понимании. Нация в фашизме понимается как общность единых этнических субъектов, сплоченных идеей борьбы за собственное превосходство.

Перекочивав в послевоенную Германию, которая находилась в духовном и экономическом кризисе после поражения в Первой мировой войне, идеи фашизма находят благоприятную почву для своего развития. Он развивается немецкими теоретиками и идеологами Альфредом Боймлером и Рудольфом Юнгом. «Власть «еврейского капитала» над Германией должна быть свергнута, промышленность должна быть национализирована, ростовщичество и другие формы извлечения прибыли из несчастий сограждан должны быть запрещены, государство должно управляться меритократической элитой, сформированной из способных немцев, вне зависимости от сословного и регионального происхождения, а оборона должна осуществляться силами народной армии»⁸⁵. В своих работах данные исследователи догматизируют превосходство одной расы над другими. Данное превосходство, как пишет в своей работе «Национал-социализм» Боймлер, обуславливается способностью противостоять подчинению. Данная способность присутствует не у всех рас. Максимальная способность к противостоянию подчинению он обнаруживает у арийской расы. Расы разделены на два лагеря: на тех, кто по своей природе обязан подчиняться, и тех, кто должен управлять. Данные идеи отобразились в крайне нечеловечных и жестоких действиях армии нацистской Германии.

---

⁸⁵ Юнг Р. Национал-социализм: его истоки, его история и его цели. М.: АСТ, 2003. С. 38.

Фашизм, возникший в Италии как реакция на экономический и политический кризис, создающий образ врага, которого необходимо уничтожить для благополучия своей страны, управление в которой должны осуществлять представители определенной расы, трансформируется в нацизм и накладывается на немецкую пассионарность. Таким образом, под угрозу своего существования попадают люди всей планеты, не относящиеся к арийской расе. Нацизм – более универсальная и теоретически догматизированная идеология по сравнению с фашизмом, она способна в своих идеях создать симулякр контроля над всем миром. Данный мотив служит поводом к всплеску пассионарности у данной нации, но эта пассионарность направлена не на созидание и развитие, а на уничтожение своей идентичности и людей, не разделяющих данные идеи.

Нацисты идеализировали концепцию жизненного пространства для арийской расы, поэтому милитаризм и военная агрессия были характерными для них идеями и понимались как средство достижения превосходства своей мифической арийской расы и созданного на данной мифологии государства – Третьего рейха. «Вся интернациональная демократия, мнимые идеалы которой защищают большая пресса и большие партии, чьему знамени они клянутся, не более чем политический осадок еврейского духа, и не служит никакой иной цели, кроме как достижению мирового господства иудаизма!»⁸⁶.

Другие народы, по мнению теоретиков нацизма, необходимо сохранить в том числе затем, чтобы они обеспечивали быт и достаток арийской расы, но временно, пока их не заменят арийцы. Реализация данной парадигмы консолидации общества имеет крайне деструктивные последствия как для психики личности, так и для существования самого социума. Основой единства в нацизме являлась принадлежность к арийской расе. Следовательно, расовая принадлежность становилась идентификационной основой для консолидации и дезинтеграции общности субъектов.

---

⁸⁶ Юнг Р. Национал-социализм: его истоки, его история и его цели. М.: АСТ, 2003. С. 45.

Первая мировая война провела черту между двумя историческими эпохами Нового и новейшего времени. Смена исторических эпох является следствием изменений, коснувшихся всех сфер жизни общества, в том числе модели формирования единства. Период между Первой и Второй мировыми войнами является переосмыслением и определением новых онтологических начал для общества и человека. После окончания Второй мировой войны национализм приобретает окрас радикализма, поэтому многие государственные образования стремятся отойти от идей национализма и приходят к новой модели организации единства – мультикультурализму. «С точки зрения мультикультурализма никакая политическая доктрина или идеология не могут представлять всю правду о человеческой жизни. Каждый из них, будь то либерализм, консерватизм, социализм или национализм, укоренен в определенной культуре, представляет собой особое видение хорошей жизни и обязательно является узким и пристрастным»⁸⁷. Еще до распада СССР, но особенно после него, господствующей в Европе становится концепция мультикультурализма – формирования единства на базе общекультурных, а чаще общеевропейских, ценностей, которое подразумевает единство представителей различных этносов и наций, а также форм человеческого существования. Происходит демократизация и либерализация онтологической модели мировоззрения европейского человека. Общеевропейское пространство берет для своего развития идею мультикультурализма и открывает границы для мигрантов со всего мира.

Это обусловлено тем, что сами европейцы после мировых войн оценили разрушительную силу модели национализма и увидели ее дезинтегрирующую роль для общеевропейского единства. Теперь для формирования общеевропейского единства требовалась новая идея и новые механизмы ее реализации.

Распад общеевропейской общности происходит под руководством государства, и национальная идея может не только разделять, но и служить

---

⁸⁷Парех Б. Переосмысление мультикультурализма: культурное разнообразие и политическая теория. М.: Постум, 2000. С. 7.

сплочению разных народов. Тем не менее, Европа ищет идею объединения вне национального. Нации – созданная европейским миром модель, которой нужна новая идея, способная остановить общеевропейское разделение. Идея эта может быть разной по уровню интеграции: общемировой или общеевропейской. Возможна интеграция и на национальном уровне, но тогда система будет стремиться к единству имперского, античного типа.

Концепция мультикультурализма исходно направлена на возвеличивание энергии и пассионарности «варвара», ставит задачу его формирования в «цивилизованного дикаря», развивая идею «благородного дикаря» Ж. Ж. Руссо: «А случилось ли вам когда-либо слышать, чтобы дикарь на свободе хотя бы только подумал о том, чтобы жаловаться на жизнь и кончать с собою. Судите же с меньшим высокомерием о том, по какую сторону мы видим подлинное человеческое несчастье»⁸⁸. Обратим внимание на то, что колониализм был приобщением дикаря к культуре, у Руссо идея противоположного направления.

Идея приобщения к цивилизации «дикаря» заключается в его интеграции в символическую систему европейского единства. Попадая в развитое общество, «дикарь» должен перестроить свою мировоззренческую и, как следствие, поведенческую модель, а уже его дети будут с самого рождения погружены в символическое бытие нового цивилизационного общества, для того чтобы стать полноценными носителями данной культуры и членами оногo.

Европа и Западный мир, полагая, что они победили социализм в лице СССР, приготовились интегрировать народы мира в свое целое.

Концепция мультикультурализма, направленная на расширение носителей символического бытия европейской общности и создание нового искусственного всплеска пассионарности, не смогла реализоваться в полной мере по следующим причинам:

1) мультикультурализм базируется на общеевропейских ценностях, в которые входят либеральные взгляды на многие онтологические аспекты:

---

⁸⁸ Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. М.: Иглмосс, 2012. С.86.

взаимоотношения между мужчиной и женщиной, гендерное самоопределение, религиозная терпимость, которые противоречат фундаментальным и традиционным онтологическим моделям эмигрантов, основанных на крепких кровнородственных связях между собой. Происходит организация внутриевропейского единства закрытого общества эмигрантов, которые не принимают аксиологическое бытие европейца. Они стали организовывать «государство внутри государства», организовывать собственные кланы на этнической, языковой, культурной, географической и религиозной основах внутри общеевропейского единства.

Возникает парадокс: патриотизм как чувственность национализма мигрантов оказывается противопоставленным единой европейской идее.

2) Воспитательный аспект мультикультурализма не смог выработать те механизмы, при помощи которых возникает возможность изменения установок сознания и мировоззрения мигрантов, и прежде всего их чувств, под общеевропейский шаблон, при этом сохраняя его пассионарность и направляя ее на развитие общеевропейского общества.

Данные причины, по которым не получилось в полной мере реализовать концепцию мультикультурализма, являются комплексными и описывают основную проблему идентификации. Дети, рожденные в семье эмигранта, получают первичную социализацию в семье, приобщаясь к тем ценностям и перенимая те символы, которые транслируют им родители. Чаще всего эти символы и ценности носят не европейскую природу, а являются проявлением той символической системы, в которую был погружен эмигрант до переезда. Идентификация детей мигрантов формируется по отношению к тем смыслам, которые транслируют родители. Они не встраиваются в общеевропейский социум и организуют свою символическую систему внутри общеевропейской символической системы, которая уже отлична от той, в которой воспитывались их родители, но и не такой, которую подразумевает мультикультурализм.

В две тысячи двадцатом году разгорелась общемировая пандемия коронавируса. Данная всеобщая беда разрушила концепцию мультикультурализма. Государства стали обособляться друг от друга, закрывая свои границы. Здесь можно провести параллель между экзистенциальными попытками осмыслить сущность подлинного и неподлинного бытия в момент критической и пограничной ситуации: «Жизнь теряет смысл в тот момент, когда вы теряете иллюзию вечности»⁸⁹. Искусственно созданная, отчуждающая человека от своей нации и государства концепция мультикультурализма рухнула, поскольку являлась неподлинным бытием.

Национализм как главенствующая идея организации единства внутри государства – настоящее, природное и историческое, свойственное для Европы, явление – ее подлинное бытие. Когда заканчивается теория и начинается жизнь, когда неподлинное бытие сменяется подлинным, происходит изменение на всех онтологических уровнях бытия. Человек и общество начинают процесс отчуждения от симулякров, которые привели к кризису смысла.

В период пандемии коронавируса мы наблюдали, как на общеевропейском пространстве государства из мультикультурных возвращаются к идее единства, основанного на национальном, возвращаются к национализму. Национализм в данной ситуации выступает как единственно возможный способ спасения своей нации с заботой о своих гражданах без причинения вреда гражданам других государств.

С две тысячи двадцатого года всеевропейским трендом становится русофобия; единое символическое поле Европы получает общего врага, который формирует в этом символическом поле аналог нацизма, интенсифицируя объединение Европы против этого врага. Названные изменения как в сторону мультикультурализма, так и в сторону нового национализма следует понимать, исходя из истории и символики европейской культуры.

---

⁸⁹ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм. М.: ИИЛ, 1953. С.26.

В обеих структурах мы видим деградацию патриотизма, но противоположного вида. В мультикультурализме универсальная идея стремится подавить патриотизм, а в национализме подменяет патриотизм национализмом, например, с помощью внешнего врага.

Исходно появление крайних форм национализма возникает в период кризиса универсальной идеи государства в самой Европе. Крайние формы национализма появляются в наиболее яркой форме в странах, которые испытывают кризис мировоззренческого уровня. Этот кризис подменяет народ нацией и сводит патриотизм к чувству. Это мы называем деградацией патриотизма. На конкретных примерах видим деградацию патриотизма в рамках национализма.

Данная деградация основана на негативном и жестоком выборе пути реализации национального и пассионарного всплеска Италии и Германии в данном историческом периоде.

На этих примерах видно, что национализм в его способе реализации – наиболее мощное проявление односторонности используемого способа консолидации общества. Как модель общества он помимо идеи предполагает способ консолидации людей в общество, а в период Второй мировой войны национализм выступает как средство подчинения идей и общества государству. За ужасными преступлениями нацизма и фашизма следует увидеть тот факт, что это преступление государства, которое стремится подчинить национальное своему полному контролю. В этом смысле национализм третьей стадии не только односторонен, как во французском варианте, но и жесток по отношению к самому национальному чувству, не признает его как естественное, противоположное государственному, чувство к Родине.

В нацизме надо видеть национализм, который помимо высшего расширения идеи производства нации также становится средством государственной манипуляции этой нацией. Граница между вторым и третьим подходами

невидима, и исследователи собственно их не различают, так как в их задачу входит дискредитация нацизма, но не отношения государства к национальному.

Сформулируем выводы по анализу моделей национализма, ставшего моделью воспроизводства единства общества: национализма, шовинизма, фашизма и нацизма.

Итак, национализм – максимально широкая модель формирования единства общества, позволяющая заниматься позитивным развитием общественных институтов, духовной жизни и самого человека. Национализм проникнут любовью, но данная любовь интровертна, направлена только на собственный субстрат общественного бытия.

Данная модель организации общества имеет бинарные аспекты своего бытия: положительные и отрицательные. Положительная сторона состоит в индивидуализации структуры и способа воспроизводства общества и реализуется в осознании специфики развития его культуры элитой, которая выращивает природу общности из имеющегося богатства с помощью государства. Отрицательная сторона состоит в способности нации относиться к другим нациям агрессивно, что следует из капиталистического способа сосуществования в конкуренции и борьбе за территории, ресурсы и доминирование на политической карте мира.

Национализм становится способом внутренней организации общества и в рамках античности и эпохи средневековья является универсализмом имперских способов организации обществ и цивилизаций. В настоящее же время он высвобождает силы для творческого поиска особого типа общества, его объединения и развития, и этот партикуляризм может превратиться в агрессию против других наций.

В эпоху Нового времени национализм оформляется как полноценная модель организации общества, но это сопровождается обострением и ужесточением борьбы государств за экономическое и политическое доминирование. Вначале государства Европы строят колониальные системы,

которые показывают пренебрежение интересами других наций, «варваров». Но колонии позволяют этим государствам создавать колониальные системы как особые, отдельные от другого мира миры, и эти миры империализма начинают борьбу и сталкиваются в мировой войне. Закономерным результатом становится партикулярное разбегание европейских национальных государств. Обострение их отношений в переходе ко Второй мировой войне только нарастает. После поражения фашизма сам принцип национального государства оказывается осужденным мировым сообществом, хотя он остается способом воспроизводства национального государства в Европе.

В качестве базисного понятия бытия национализма как модели формирования единства общества выступает нация. Нация в национализме имеет позитивное значение и направлена на объединение людей, выделение в этом единстве культурного ядра и, как следствие, создание новых идей и развивающегося социального, экономического и политического благополучия в своем обществе. Нация в национализме – это формирование всеобщей идеи общественного блага, обусловленного терпимым, толерантным отношением к другим общностям и государствам.

Результаты предпринятого нами исследования подтверждают выдвинутую гипотезу о всеобщем характере национального государства и о том, что положительная сторона национального объединения людей в государство может быть неагрессивной и положительно стимулировать развитие человека и общества во всех аспектах. Однако в истории существуют примеры, в которых мы обнаруживаем искажение идей национализма. Данное искажение происходит вследствие погружения определенной нации в экономический, политический, духовный кризисы. В поисках решения кризисной ситуации и выхода из нее начинают формироваться новые идеи и модели организации общества.

Во Франции XIX века пути решения общественных проблем оформляются в национальную идею французов – шовинизм. В Италии такой моделью становится фашизм, в Германии – нацизм. Требование внешнего вызова для экстренного

решения проблем общества здесь и сейчас направляют мысли и идеи культурного ядра к созданию искусственного всплеска пассионарности внутри нации. Механизм создания данного всплеска таков: происходит визуализация образа внешнего врага и теоретическое, а для масс наглядное, обоснование своего превосходства. Данный всплеск пассионарности во Франции запускает процесс реформ внутри общества, а в Италии и Германии реализует сценарий деструктивности и уничтожения всего вокруг себя, а потом и себя изнутри, поскольку мимолетная эйфория сменится экзистенциальным кризисом человека и общества в описанный нами период. Тут лучшим доказательством превосходства становится военная победа над соседом, ставшим противником и подлежащим уничтожению.

Актуальность национализма в современном мире обуславливается рефлексией культурной элиты по поводу негативных проявлений и искажений идей нации и национализма и, как следствие, оптимизации идеи национализма в современном мире. Национализм является центральной идеей современного государства и приводит к оформлению специфики в различных областях: в экономике, в политике, в языках, в этническом симбиозе, в оценке природно-географической среды обитания. Благодаря этому формируется универсальная для государства модель уникальных символов, оформленных в символическую систему. Уникальность символов символической системы национального государства позволяет производить идентификацию и вовлечение человека в собственную структуру. Это символическое поле отчасти опирается на природные и исторические традиции, но подчинено государству, его самосохранению и эффективности и получает негативные последствия для нации, а тем более для народа.

Уже история современности показывает, что национализм легко превращается в негативные формы шовинизма, нацизма, фашизма, что ведет к опасному противостоянию обособившихся и агрессивно стремящихся к уничтожению конкурентов и противников государств.

Ключевое различие шовинизма, фашизма и нацизма, проистекающее из национальных особенностей Франции, Италии и Германии, можно зафиксировать в способе организации единства. Шовинизм отличается акцентом на эмоциональное сопереживание человеком проблем и побед своей нации, он не запускает процесс деградации, а только стимулирует пассионарность собственного культурного ядра, что оформляется не как революция, а как реформа. Посредством пропаганды идеи к этому ядру притягивается рядовой гражданин, утрачивающий ориентацию в обществе.

Фашизм и нацизм превращают национализм из феномена в фактор мобилизации общества на объединение в условиях мирового и национального кризиса, они захватывают сознание, становятся политическими силами объединения людей, стабилизации политики внутри государства и проявляются вне государства как разрушительная, агрессивная стратегия отношения. Внутри государства они проявляются в формах организации общества в виде корпораций, возглавляемых местными вождями. Такая организация стремится синтезировать государственное и социальное. Это стремление государства подчинить себе национальное и общественное.

Шовинизм является производной моделью организации единства, вытекающей из национализма. В своей онтологической основе шовинизм опирается на идейное превосходство своей группы и уже имеет агрессивные милитаристические идеи по отношению к другим группам. Бытийной идеей шовинизма являются различные основы: народ, принадлежность к определенной религиозной конфессии, повседневно-бытовые основы в зависимости от вида шовинизма, исследованного нами в данном параграфе. В целом шовинизм остается подсознательным способом объединения, внутренним мнением нации, которое не выливается в агрессивное отношение к людям другой нации. Более того, именно во Франции формируется в наиболее яркой форме попытка преодоления национализма – мультикультурализм. Мультикультурализм строится

на уверенности в превосходстве своей культуры, вследствие чего ждет перехода мигрантов в эту свою культуру.

Фашизм и нацизм являются также производными от онтологической формы единства национализма, но имеют деградивно-деструктивную форму по отношению к субъекту и социуму. Это проявляется в упрощении парадигмальных понятий консолидации социума: в фашизме нация сводится к этнической принадлежности субъектов к итальянскому этносу, в нацизме происходит формирование единства на основе расовой принадлежности членов общества. Идеи превосходства этноса и нации в данных направлениях имеют деструктивное влияние на общемировую культуру и целостность психики субъекта, вовлеченного в данное единство.

Патриотизм превращается в национализм, а последний лишается способности создавать автономную символическую структуру, превращается из самостоятельного феномена в фактор государственного управления обществом и личностью.

Отметим, что в основании всех трех рассмотренных типов национализма лежит идея элиты данной страны, то есть она зависит от культуры страны и следует из нее. Но фашизм и нацизм, кроме зависимости от культуры, показывают мощное участие государства в реализации этой идеи. Можно сказать, что шовинизм во Франции, романтизм в Германии – это национальное второго типа, формируемое идеями культурной элиты, а нацизм и фашизм – это национальное третьего типа, формируемое и используемое государством. Во втором типе основание национального – культурная идея, в третьем – государственная политика.

В первом типе, в рамках которого нация не осознается и национализм совпадает со спонтанным проявлением патриотизма, мы видим первый тип национализма, совпадающего с патриотизмом. То есть исходная форма национализма близка к патриотизму, но ее развитие не идет в сторону создания

собственного символического поля. Это и является водоразделом между национальным и патриотическим.

Таким образом, мы выстраиваем структуру онтологических оснований типов национализма: на природной основе, на идее и на государстве. Во всех случаях национализм направлен на формирование единства общества, в первом он смежен с патриотизмом, но начиная со второго, с ним расходится.

Национализм – это парадигмальная модель организации единства общества, шовинизм – мобилизация пассионарности, он основан на эмоциональном и экзистенциальном переживании судьбы своей нации, отделяет своего, но не соединяет его с чужим. Шовинизм возводит в идеал собственные идеи и достижения. Поражения заставляют его чтить свое, а не искать оправдания, он обнаруживает пути решения в реформации, а не революции. Фашизм и нацизм – два деградивно-деструктивных направления – превращают национализм в фактор мобилизации нации.

Проанализировав данные формы единства общества, мы обнаруживаем их различие с патриотизмом. Онтологической основой патриотизма является любовь по отношению к различным объектам данного символического бытия, отсутствие идеи превосходства и исключительности своего единства. В национализме также присутствует любовь, но в менее концентрированном виде, что влечет за собой появление идей превосходства своего консолидированного социума (в частности в попытке обострить значимость собственной нации и концентрировать воздействие на народ и нацию). Но существеннее разграничение патриотизма и национализма на высших уровнях этих феноменов. Национализм задает символическое бытие извне, в подчинении государству, патриотизм сохраняет автономию своего символического поля и структуры.

Доказательства превосходства нации связаны с недостаточностью чувства любви к Родине, с кризисом, с принятием кризиса и ущербности национального государства, с попыткой компенсации этого кризиса, а главное, с сознательным стремлением сделать национализм парадигмой формирования как внешней

политики, так и внутреннего мира государства. Отсюда негативное явление в необходимости доказывать превосходство своей нации над другими, которое ведет к еще большему кризису уже мирового масштаба.

А в производных от национализма формах единства их онтологическая основа – любовь – заглушается и заменяется основанными на страсти эмоциональными всплесками, предпочтением своей группы и отрицанием чужой. Положительное и спокойное отношение к своей Родине дополняется агрессивной ненавистью к чужому. В шовинизме это незаметно, а в нацизме наглядно видно. Уничтожение онтологической основы любви подменяется страстью, что влечет за собой разрушение гармоничной концепции консолидации социума и приводит к деструктивным процессам на общемировом, межнациональном и внутрисубъектном уровнях.

Грань патриотизм – национализм проходит по двойной линии разрушения – созидания своего и другого. Национализм агрессивен дважды: в уничтожении чужого и деградации своего, патриотизм же может быть созидателен дважды: в любви к своему и уважении к другому. Патриотизм – это прежде всего уважение к своему и его развитие, объединение положительного; он существует на базе национального. Национализм в случае поражения порождает агрессию, шовинизм эту агрессию направляет против чужого, но не трогает своего, а нацизм и фашизм свое меняет. Шовинизм стоит между национализмом и патриотизмом, в шовинизме патриотизм сохраняет свое.

В Новое время национальное из идеи конструирования новой нации, пусть и продолжающей народные традиции, перерастает в фактор развития государства. Такой национализм создает единство общества и выступает как универсализм, предлагаемый одной нацией всему миру, что реализуется практически всеми европейскими государствами в собственных колониях.

Что касается основания государственного национализма, то следует оговориться, что это универсализм не национальный, а экономический и технологический. Государство усиливает и обособляет национальное как

средство развития, придает ему силы в конкуренции с другими государствами, способность бороться за мировое лидерство, но даже захват лидерства приводит к падению значимости национального в европейских странах, и прежде всего в самом государстве-лидере.

Итак, символическая система патриотизма предполагает развертывание от народа, который сложился в данном месте, к природному, космическому, или к трансцендентному, универсальному единству. Символическая система национального предполагает расщепление народа и формирование свободной индивидуальности, которая становится основанием национального. Именно через индивидуальность, включенную через патриотические чувства в систему государства, происходит формирование нации и государства, в этом заключается основная система символизма европейской культуры. Таким образом, направление символического поля национализма идет от идеи нации через индивидуальность к идее универсального в государстве. Оно получает полноту универсальности и способов воздействия и на патриотизм, и на использование национализма.

В случае кризиса государство вводит в национальное агрессивные и интенсифицирующие элементы другого как врага, причем не только внешнего, но и внутреннего. Внешним врагом оказывается противник и конкурент, который не признает победы и превосходства национального, ставит под сомнение его собственным суверенитетом, а внутренними врагами становятся собственная культура и история, которые содержат альтернативы национальному, принятому государством.

Следовательно, государство является главным бенефициаром и виновником тех побед и катастроф, которые следуют из национализма.

Отметим, что такая символическая система национализма обуславливает общее единство Европы, ибо во всех странах она предполагает «свободную» индивидуальность (то есть подчиненную государственному национализму), и в то

же время каждый национализм своеобразен и агрессивен друг против друга, что чревато агрессией этих государств друг к другу.

В этих условиях консервация конфликта Европы и России может привести к взрыву национализмов внутри самой Европы.

Национализм есть трансформация патриотизма с отказом от его природного и трансцендентного смысла. В европейской культуре складывается традиция национализма как отдельного от патриотизма феномена, во многом искусственного, и необходимо осознать эту разность между двумя феноменами.

Анализ национального и патриотического как расходящихся феноменов на уровне сопоставления их символического поля дает возможность прогнозировать развитие обоих, позволяет понимать алгоритмы трансформации патриотизма в национализм, а также трансформацию механизмов подчинения патриотизма и национализма государству, а главное – пределов этого подчинения и использования.

2.3 Сравнительный анализ схем патриотизма и национализма

Мы можем сопоставить феномены патриотизма и национализма. Это два феномена социального существования человека, но мы их сопоставляем по схемам их существования. Под схемами существования, мы подразумеваем проявление данных феноменов, как онтологических основ единства общества, в различные исторические эпохи и в разных культурах.

Патриотизм возникает как естественное образование, отталкивающееся от прошлого отдельного человека с его связью с родной природой, с родной культурой, в том числе языком и эталонами восприятия, чувствами, мыслями и верой; а также особенное отношение народа к государству, которое народ признает необходимым, но относится к нему чаще всего скептически. Таков физический уровень патриотизма.

Эти три уровня феномена патриотизма даны Карамзиным в том виде, в котором он их наблюдал в период во время и после Отечественной войны 1812 года, пытаясь разгадать сам этот феномен, когда народ встал на защиту отечества и победил французов. Его роль в этой борьбе за государство была важнейшей.

Это повторяется в Великой отечественной войне 1941-1945 годов, но не срабатывает в 1914-1918 годах. Исходно в Первую мировую войну, которую элита признает и называет второй отечественной, и в народе, и в элите, и в государстве возникает патриотический энтузиазм. Но незаметно этот патриотизм подменяется национализмом, ибо в нем задан внешний враг – немец, а этот враг снимает внутреннюю логику и символизм патриотизма и подменяет его государственным использованием любви народа к Родине.

Мы полагаем, что это очень важный урок, потому что государство и элита перешли предел народного патриотизма, и тот превратился в национализм. С помощью этого национализма государство пыталось использовать и народ, и элиту в своих интересах. Введение внешнего врага привело к порождению внутреннего врага, к гонению немцев, что резко повысило агрессивность национального чувства. И после поражения в войне введение внутреннего врага обернулось гражданской войной в стране.

Можно отметить, что государство не смогло управлять национальным чувством народа, более того, породив это национальное чувство, оно стало менять режим правления: элита свергла монархию, и раскол в обществе в точке его максимальной агрессии и поражения в войне породил гражданскую ненависть и войну.

Интонация Великой отечественной войны иная, без гонений немцев. Ненависть к ним была, но русский человек ставил себя выше этой ненависти, главным для него стало не уничтожение врага, а защита Родины. Это привело к победе. Патриотический подъем советского народа привел к его сверхмобилизации. Советское государство в развитии у народа любви к родине не перешло некую границу, после которой патриотизм подменяется

национализмом; патриотизм остается патриотизмом и дает колоссальный результат, в частности сплочение общества, героизм на фронте и в тылу.

Таким образом, схема феномена патриотизма позволяет если не управлять им, то увидеть границы, в которых патриотизм объединяет и мобилизует общество, делая его сильным и прочным, в то время как переход государством некой границы управления этими чувствами приводит к превращению патриотизма в национализм и потере управления последним.

Для нас важно, что патриотизм подразумевает свою систему объединения общества, невидимую ни элитой, конструирующей нацию, ни государством, внедряющим внешнего и внутреннего врага, ни отдельной индивидуальностью.

Национализм не предполагает самостоятельной системы воспроизводства патриота.

Во-первых, он опирается на эгоизм индивидуальности, которая прежде всего ориентируется на личную выгоду, интерес и благосостояние, и это характерно для западного общества и ментальности в целом. Общество западного типа состоит из эгоистов, которые в своих действиях преследуют личный интерес на основании собственной частной собственности, благосостояния и чувства своего превосходства над другими нациями. Эгоистическая индивидуальность – основание, мельчайший атом общества, объединенного национальными чувствами.

При этом подчеркнем, что понять поведение такой индивидуальности легко: она ориентирована на личную выгоду, и ее логика в этом акценте понятна и просчитываема. Это логика индивидуального уровня национального объединения общества.

Во-вторых, характерная черта национализма состоит в том, что есть культурная элита, которая формирует новую нацию. Эта нация отличается от народа. Элита при таком формировании отбирает положительные качества народа, переносит в нацию и борется с отрицательными, которые самой элите не нравятся. Так нация конструируется как улучшенная версия народа, однако

важнейшим моментом является то, что нация предполагается лучшей в мире элитой. Элиту толкает на реализацию своего проекта то, что, придерживаясь черт народа, она и сама себя относит к народу и, вычищая негативные стороны в характере народа, она сама становится частью нации, которая идеальна и улучшена, которая понимается как лучшая в мире. Это качество быть лучшей нацией – важный компонент национализма в культурном плане определения национального чувства.

Это главный рациональный компонент национального: берутся лучшие стороны народного характера и закладываются как нация, хотя очевидно, что усеченная в определенных качествах, такая нация оказывается нежизнеспособной, это не народ. И главное отличие нации в том, что она лучшая сторона народа, усеченная и не способная на саморазвитие и самостоятельное существование. В моменте устойчивости национального единства со стороны нации необходимым элементом является сравнение с другими нациями и подтверждение своего превосходства в этом сравнении.

Можно сказать, что нация без уверенности в ее превосходстве, а значит без логики сравнения элитой, не способна существовать. Эта логика превосходства тем сильнее требуется элите, чем большие неудачи терпит государство и народ, к которому она относится. И это явление максимально развивается в Германии.

Наконец национализм завершается принятием его на вооружение государством как главным способом консолидации общества. Государство при этом исходит из рациональности или логики такого типа, «что выгодно государству, должно быть выгодно индивидуальности, и наоборот». Но равная выгода оборачивается подчинением интересов индивидуальности государству, а отдельная индивидуальность склонна подчиниться, хотя бы временно.

Отметим, что система национализма неполноценна на каждом уровне, отдельная эгоистическая индивидуальность не полноценна и не может жить самостоятельно и независимо от сравнения с другими нациями и людьми и подчинения их себе, командования другими нациями и людьми и победы над

ними. Культурная элита не может выявить народ в его полноте и богатстве положительного и отрицательного и включает рациональность сравнения, подчеркивая превосходство нации через ее идентификацию, причем шкала идентичности построена так, чтобы в целом национальное показывало превосходство над другими национальностями. Наконец, государство не способно существовать без народа, но оно внушает нации, а в первую очередь самому себе, что оно делает то, что нужно индивидуальности и культуре, тогда как на деле это в первую очередь нужно государству. Этим государство не только подчиняет нацию, но и сковывает ее инициативу, предполагая тотальный контроль за улучшениями и достижениями.

Выше мы рассматривали уровни культурного действия элиты и государственного воздействия на национальное, в частности путем создания колоний европейскими странами как образцами эталонов превосходства наций данных государств для всего мира. Рассмотрим теперь индивидуальный уровень эгоизма в европейской культуре и цивилизации.

Рассмотрим, как запускается феномен национализма в европейской культуре Нового времени. Начало Нового времени определено отказом от религиозной системы единства общества, в силу чего государства Европы разбегаются в открываемый мир вокруг, также разбегаются индивидуальности, становящиеся самостоятельными атомами общества. Европейские страны стремятся захватывать колонии и богатеют, занимаясь их грабежом, индивидуальности становятся стабильной единицей общества на базе принятия незыблемости частной собственности. Культуры отдельных стран автономизируются, все больше отказываясь от единого наследия христианства.

Европейские государства перестают искать между собой общее, они начинают обнаруживать различия, которые характеризуют их как неповторимое единство субъектов внутри общеевропейского пространства. «Сознание помещенности в мирской, последовательно поступательный поток времени, со всей вытекающей отсюда непрерывностью, но вместе с тем и с «забвением»

переживания этой непрерывности — продуктом разрывов, произошедших на исходе XVIII века, — рождает потребность в нарративе «идентичности»⁹⁰.

В рамках анализа данной исторической эпохи мы поставили задачи выявить онтологические начала формирования национализма как для отдельного человека, так и общества в целом, а также аксиологически осмыслить мотивы действий, предпринимаемых в данном обществе. В новое время происходит изменение одной из консолидационных (термин Б. Андерсона) основ социума: средневековый единый Бог как символ единства христианства сменяется человеком, а точнее рациональным началом в человеке. Человек вновь становится «мерой всех вещей», на смену теоцентризму приходит антропоцентризм. Мир начинает перестраиваться: от божественного порядка, описанного в Библии, переходит к антропоцентрической и гуманистической системам организации общества, основанного на символе человека как активного, творящего и созидющего начала. Данное явление вытекает в такое философское направление, как гуманизм. Происходит возврат к античным смыслам, но уже на другом рефлексивном уровне. Человек Нового времени переосмысляет средневековый опыт и открывает свою новую религию, где гарантом духовного бытия выступает не единый Бог, а человек. Гуманистический характер философии Нового времени провозглашает универсальную аксиоматическую парадигму – разумный эгоизм. Следовательно, и мы в процессе нашего исследования для понимания характера формирования патриотизма внутри человека и общества будем придерживаться данной онтологической аксиоматической парадигмы. В европейской философии Нового времени формируется два подхода в понимании онтологической основы общества: негативное и позитивное восприятие разумного эгоизма. Рассмотрим структуру разумного эгоизма, а также модель взаимосвязи с механизмом формирования единства – патриотизмом.

---

⁹⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. М. : КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С. 85.

Эгоизм важен в нашем исследовании в том смысле, что он – основание новой символической системы, которая означает переход от универсальной христианской идеи объединения людей к национальным идеям Нового времени.

Итак, в объединении людей до Нового времени важнейшую роль играет универсальная идея, которая берет на себя функцию формирования человека конкретного общества: гражданина Древней Греции или верующего христианина. В первом случае идея воспроизводит добродетель внутри гражданина рациональными методами, во втором – надрациональными. Национальная идея играет второстепенную роль.

Однако универсальная идея универсальна в рамках существующего культурного, религиозного или государственного объединения, а на пределах этого объединения она становится агрессивной к противнику. Также идея постепенно утрачивает роль объединителя, и возникают усиливающиеся конфликты внутри объединения, которые его разрушают.

Схоластика на место рационального воздействия идеи на формирование человека античности ставит систему трансцендентного символизма и применяет метод аналогии как способ понимания эталонов поведения христианина.

После схоластики как попытки усилить универсальную христианскую идею следует реформация как факт раскола универсального мира. Сама универсальная идея начинает использоваться монархами для построения собственного изолированного государства, универсальная идея превращается в национальную.

Можно это проследить и на уровне символического: от эталонов христианства идея объединения людей переходит к разумному эгоизму. Эгоизм становится новым идейным основанием государства Нового времени.

Эгоизм на уровне индивидуальности как атома общества тождественен системе европейских государств как большой единицы политики. Культуре в этой аналогии поставлена задача соединения граждан-эгоистов в общество и их взаимовыгодная служба государству. Для решения этой задачи построения

государственного порядка культурные элиты стремятся создавать из собственного народа идеальные нации.

Первым мы рассмотрим эгоизм как позитивное начало в организации национального единства общества.

Эгоизм формирует в человеке в первую очередь заботу о себе и о своих близких в ущерб оказанию поддержки остальным людям. Д. Юм приписывает эгоизму естественное, природное зарождение в человеке. Человек эгоистичен от своего рождения. Эгоизм позволяет выжить человеку в мире природы, мире социума. Эгоизм – это начало, которое подвигло человечество к техническому прогрессу. Именно благодаря эгоизму и произошло выделение первобытных общностей людей из природы. «Эгоизм, или себялюбие, – древнейшая особенность жизни. От простейших микроорганизмов до человека все живые существа должны, прежде всего, защищать свои интересы. Едва ли можно рассчитывать, что кто-то станет заботиться о нас добросовестнее, чем о себе самом. Себялюбие естественно, но... мы боимся его, потому что в нем таятся семена раздора и мести»⁹¹.

Отметим, что эгоизм закладывается в природу человека и человек Нового времени воспитывается с этой природной основой, которая вообще противоположна общности и патриотизму.

Объединившись в общность, люди используют друг друга для достижения определенных целей. Эгоизм является условием стремления человека войти в определенную общность, именно для того чтобы в данных условиях субъекту будет комфортнее существовать, а также реализовать главную свою цель – выжить.

Вольтер видит в эгоизме реализацию божественного замысла человека. «На нем покоится весь порядок. Невозможно, чтобы общество сформировалось и существовало без себялюбия, как невозможно создавать детей без вожеления и думать о пропитании без аппетита. Именно любовь к нам самим присутствует в

---

⁹¹Нарский И. С. Дэвид Юм. М.: Мысль, 1973. С. 23.

нашей любви к другим; именно через наши многочисленные нужды мы полезны роду человеческому; это – основа всякой коммерции; в этом состоит вечная связь между людьми. Именно себялюбие, данное каждому живому существу от природы, научило его уважать себялюбие других. Закон направляет это себялюбие, а религия его совершенствует»⁹². Вольтер находит в эгоизме, себялюбии божественную энергию, которая объединяет в целое разобщенных субъектов. Происходит развитие любви внутри определенного субъекта: от любви к себе человек переходит к любви ко всем, а третьим этапом развития любви Вольтер считает любовь к Богу. То есть Вольтер видит идею, которая генерирует положительное основание эгоизма, переходящего в любовь к ближнему и Богу.

На основании этого можно сделать вывод о том, что любовь, направленная на себя, проецируется на других людей, а впоследствии – и на Бога. Человеку необходимо познать себя, полюбить себя для того, чтобы научиться любить других. На базе эгоизма и происходит позитивное формирование патриотизма, которое влечет за собой любовь к своим согражданам.

Эгоизм как позитивное начало в формировании общности несет в себе очень крепкую связь между своими отдельными частями (человеками-атомами). Это обусловлено стремлением каждого определенного субъекта внести свой вклад в существование и процветание общности для того, чтобы, во-первых, получить обратную позитивную энергию от других членов общества, во-вторых, обеспечить себя защитой от посягательств других общностей. Иными словами, эгоизм как опора национализма или база идентификации человека подразумевает направленный поиск выгод для себя в существовании в обществе. Он обеспечивает выгоду как общности, так и индивидуальности.

Модель эгоизма, сконструированная Вольтером, – это какой-то идеальный эгоизм. Как показывает история, эгоизм на практике далек от его идеи. Для нас существенно, что из разумного эгоизма следует разумный патриотизм. Но на деле

---

⁹² Вольтер. Опыт о нравах. М.: Наука, 1953. С 113.

такого эгоизма не существует, следовательно, и разумного патриотизма из него не возникает.

Структура разумного патриотизма складывается, когда во внешней политике происходит формирование национального государства, централизующего феодальные владения, когда аристократию на местах меняет дворянство при дворе; во внутренней – перерождение аристократии в дворян; а внутри личности – формирование и усиление роли благосостояния и личного эгоизма. Система дворянства вокруг монарха – это первая попытка европейских государств создать консолидацию общества, точнее еще пока элиты общества. Дворянство, организованное при дворе против аристократии в своих замках, – это пока только проект создания новой элиты, он не касается народа и не предполагает формирования новой общественности – нации. Он ограничен элитой и оставляет в стороне народ.

В это же время идет торговля излишками, а массы живут еще в натуральном хозяйстве, не включены в строительство общества.

Но капитализм, переходя от ручного труда к крупным фабрикам и разделению труда и рынков, ведет к иному типу производства: производства предметов потребления, происходит отход от натурального хозяйства. Массовое производство касается производства товаров для всех членов общества. Массовое общество предполагает расширение рыночного производства и вовлечение всего народа в товарные отношения. Тут и возникает просвещение, которое ставит задачу воспитания и формирования народа и как потребителя, и как труженика.

Основание объединения людей в общество стало сложнее с появлением личности: в ней фокусируется связка уровней: эгоизм как любовь к себе, дворянин как уровень гражданский, национальное единство как разумный патриотизм.

Противоположную концепцию мы находим в работах Б. Паскаля. Он является одним из сторонников негативного понимания эгоизма. Эгоизм несет в себе разрушительное начало как для человека, так и для общества в целом.

Паскаль строит иное понимание любви, направленное на себя. Человек, полюбивший себя, отрекается от Бога, ставя на его место свой разум либо свою телесность. Занимаясь себялюбием – эгоизмом – субъект перестает совершенствоваться, постигать божественные истины, поскольку он обнаруживает, что сам является идеалом. Человек, занимаясь себялюбием, не способен стремиться к единству с другими на равных правах, беря, как и другие, за основу идентификации себя в обществе. Эгоизм из себялюбия не сможет этого сделать.

Следовательно, в концепции Паскаля эгоизм носит дезинтегрирующий характер. Но все же Паскаль допускает единство, основанное на себялюбии – эгоизме. Такое единство он находит во всех существовавших и существующих государствах. Данное единство ведет в конечном итоге к тому, что граждане одного государства начинают захватывать и угнетать граждан других государств, лишая их возможности свободного существования на социальном уровне.

Дурно «обожествлять» себя и с социальной точки зрения, согласно Паскалю, потому что и другие могут делать то же самое, что неминуемо обернулось бы бесконечными конфликтами между людьми, ибо никто не потерпел бы других «над собой», но каждый захотел бы встать выше всех. Лучше любить других людей, считает Паскаль, поскольку они есть «образ Божий». Вспомним и о том, что Паскаль признает «величие» каждого человека и его способность к добру, которые также надо любить. Формула «надо ненавидеть себя» относится только ко всяческому «ничтожеству в человеке»⁹³.

Таким образом, разумный эгоизм выступает как осмысленное пожертвование собственной свободой ради общественной безопасности. Истоки общества, основанного на разумном эгоизме, имеют рационалистическое обоснование. Эгоизм как онтологическая основа консолидации социума Нового времени возникает как рациональное осмысление субъектом своих потребностей,

---

⁹³ Стрельцова Г. Я. Блаз Паскаль и европейская культура. М.: Республика, 1994. С. 57.

своей свободы и своей необходимости, которые впоследствии формируют социальные парадигмы.

Вне зависимости от оценки разумного эгоизма он является рационалистическим началом для формирования единства внутри как субъекта, так и социума. Мы обозначаем онтологическую основу единства социума эпохи Нового времени как патриотизм на том основании, что атрибутом патриотизма является любовь. В эпоху Нового времени происходит смена парадигмы, смена объекта, по отношению которому транслируется любовь субъекта. Любовь к средневековому единому Богу сменяется любовью к человеку. Но в данную историческую эпоху, вследствие дезинтеграции общеевропейского общества, патриотизм начинает преобразовывать другие онтологические основы единства социума и смешиваться с ними. Патриотизм уже не является абсолютом по отношению к консолидации внутри европейского общества, как это было в средневековье. Патриотизм и его атрибут – любовь – проецируются внутрь каждого, отделенного им же от других, государства. Совместный исторический опыт общеевропейского пространства в эпоху Нового времени дезинтегрируется, на основании чего происходит формирование национальной идентичности субъекта, что влечет за собой появление новой онтологической основы консолидации социума – национализма. Теперь в мире существует две онтологические основы консолидации социума: патриотизм с атрибутом «любовь» и национализм с атрибутом «превосходство».

Отсюда следует, что Вольтер мечтал о разумном эгоизме, который превращает любовь в превосходство, или жажду превосходства.

Рассмотрим аксиологический смысл действия субъектов и социума в эпоху Нового времени. Все действия данной эпохи определяют главенство человеческого разума (универсальная идея разумного эгоизма) над Богом (универсальная идея средневековья) и природой (космос – универсальная идея античности). И разум, и природа тут понимаются рационально.

Таким образом, происходит переоценка и переосмысление окружающего мира и места человека в нем. Данное переосмысление проявляется в действиях, которые мы описали в первом параграфе: период великих географических открытий, революции во Франции.

Великие географические открытия позволили открыть другие, до этого не изведенные традиции и народы. На открытых территориях происходит организация колоний, которые позволяют улучшить материальное положение в Европе. Экономическая важность великих географических открытий проявляется в изменении и экономической системы, начинает формироваться рыночная экономика, а также появляются зачатки капиталистической системы. «Голпа изумленно смотрит на накопленные массы, особенно если они сконцентрированы в руках немногих. Но ежегодно производимые массы, как вечные, неисчислимы волны могучего потока, катятся мимо и теряются безвозвратно в океане потребления. И, однако, это вечное потребление обуславливает не только все наслаждения, но и существование всего человеческого рода»⁹⁴.

Великая Французская революция ознаменовала собой окончательную смену парадигмы в Европе. Рациональный разумный эгоизм, сформированный в субъекте в эпоху Нового времени, победил иррациональную абстрактную парадигму – христианского единого Бога. Французская революция на онтологическом уровне свергла императора как символа обладания божественной власти на земле и передала владение властью людям – парламенту. Разумный эгоизм после Великой Французской революции становится онтологической основой консолидации нововременного социума. Данные действия имеют по отношению к онтологической системе консолидации социума деструктивные аксиологические смыслы, а по отношению к новой онтологической парадигме консолидации социума – созидательные. Мы вновь обнаруживаем антиномичность в понимании, аксиологическом осмыслении действий в каждую рассмотренную нами историческую эпоху.

---

⁹⁴Маркс К. Капитал: к критике политической экономии. М.: Политиздат, 1959. С. 190.

Разница между патриотизмом и национализмом аналогична разности между любовью к единству людей и стремлению к своему превосходству. Универсальный принцип разумного эгоизма не оставляет власти для Бога, природы, да и не оставляет места для другого человека. Эгоист должен все просчитать и сделать сам. В то же время этот эгоизм амбивалентен, любой другой человек, который разумен, может его повторить, все могут войти. Патриотизм не доказывает своего превосходства и стремится расширяться до бесконечности. Национализм же видит невозможность универсальности и сталкивается с другим как чужим. В момент поражения своего против чужого начинается ненависть и агрессия. Эгоизм как основание национализма переворачивается из любви к своему превосходству в агрессию против противников этого превосходства.

Итак, мы видим, что национализм как феномен опирается на индивидуальность, оторванную от других людей и замкнутую в собственном эгоизме, он выстраивается элитой вначале как элита дворян, потом как массовая нация, лучшая из характера народа. Нация подчинена целому государству, она связана с национальным рынком, то есть существует благодаря государственному масштабу разделения труда и потребления. Не будем перечислять черты нации (такие как язык, общая история, привычки), важно, что она подчинена капиталистическому государству и исходно встроена в него и высшим приоритетом быть лучшим является уровень ВВП государства и свободы и благосостояния человека.

Таким образом, называть феноменом систему национального государства трудно, ибо национализм не создает собственного пространства и способа существования, а распределен между рационально определенными уровнями капиталистического, европейского государства.

Рациональность схемы национализма дана как соединение трех логик: эгоистической у индивидуальности, сравнения и улучшения в культуре и подчинения и прагматической реализации государства.

При сопоставлении патриотизма и национализма становится очевидно, что патриотизм более тяготеет к подлинному, а национализм, синтезированный вокруг внешних элементов: эгоиста, элиты, государства, есть подмена любви к родине.

Патриотизм как феномен создает систему символов, центрированных в иерофании, вход человека в эту систему вызывает экстатическое переживание любви к Родине. В силу иррациональности свой видит символ, а чужой – нет, он видит только знак, который если и пытается понять рационально, то не испытывает экстастики патриотизма.

Диалектика «свой-чужой» только разделяет людей, но не натравливает их друг на друга в конкуренции или во вражде.

Патриотизм подразумевает собственную систему символического поля, в котором он формируется спонтанно, но связывает с прошлым, со всей жизнью, то есть живет в человеке и проявляется как подлинный феномен.

Итак, основание патриотизма не видимо для чужого или рационально мыслящего человека. Это символическое поле обладает огромным потенциалом объединения людей в единый организм. Если объединение в нацию напоминает соединение в агрегат (по нужде, функции и пользе), то в патриотизме – соединение в организм. Это единство патриотизма существует, задано им и не управляемо государством, поэтому имеет предел, от государства не зависимый. Его трудно интенсифицировать, его трудно просчитывать и рационализировать. Но главное для тех, кто пытается использовать патриотизм, – соблюдение правил и границ схемы символического и иерофанического единства. Нарушение же этих правил словно ломает патриотизм, он распадается на части, которые по-иному соединяются в национализм.

Соотношение рационального и иррационального в членении патриотизма и национализма – задача дальнейшего исследования, ключевая для понимания пределов использования и границ функционирования патриотизма в рамках общественного единения.

В отличие от национализма, в котором есть несколько типов рациональности (и этим национальное просчитывается), в патриотизме просчет затруднен.

Итак, эгоизм – основание индивидуального уровня рациональности национального. Он атомизирует общество, но и определяет способ соединения оною в единый агрегат, в котором действие одного выгодно всем. Элита конструирует нацию по логике сравнения и улучшения народа. Элита конструирует лучшую нацию. Особенно это характерно для немецкого романтизма, провозглашающего это как одну из главных своих целей. Государство сводит эти уровни в единый порядок с государственной рациональностью служения ради выгоды и пользы. Это выгодно и индивидуальности, поскольку гарантирует ей выгоду разделения труда и безопасность, и элите, получающей улучшение нации и формирование образа врага, при этом нация подчинена правилам системы работы государства.

В национализме главная ошибка государства состоит в том, что встраивание патриотизма в его систему лишает патриотизм силы, ведет к его превращению в национализм и делает национализм на всех уровнях не устойчивым, то есть он исключает сложность, свободу, демократию, рациональность, он имеет тенденцию скатываться к фанатизму. Интенсификация национализма порождает крайние его формы. В качестве примера самой крайней формы национализма мы рассматривали нацизм, который помимо доказательства превосходства всей нации определил внешних и внутренних врагов.

Пример России показывает, что превращение патриотизма в национализм в ходе Первой мировой войны повысило агрессивность народа и при падении уровня управления им перешло в гражданскую войну.

Схема феномена патриотизма показывает формы его существования и превращения в национализм, она способна показать границы и пределы использования патриотизма, показывает его иррациональность и самосохранение

как феномена с огромной духовной силы, которая подпитывается символическим полем и иерофаней, невидимой для чужих.

Эта схема открывает возможность исследования правильного использования патриотизма и понимания вреда и опасности подмены его национализмом.

Выводы ко второй главе

1. Опасность отчуждения патриотизма в национализм. Не только национализм, но и любая универсальная идея продумывается как добро, но при реализации проявляется ее негативные моменты. Патриотизм как мечта общечеловеческого нереален. Универсальная идея, предлагаемая всему миру, ограничена. Патриотизм, как только он осознается и становится идеей, может насыщаться негативным отношением к другому, тогда он превращается в ту или иную форму национализма.

Итак, в результате сравнительного анализа подходов к патриотизму, было выявлено, что первый подход (естественно-исторический) мало используется и применяется в анализе патриотизма. Он только фиксирует спонтанное возникновение патриотизма, следы действия патриотического и национального в истории.

Во втором подходе патриотизм не исследуется, рядом с ним и отчасти на его элементах формируется идея нации, и акцент делается на осмыслении новой идеи и методах ее реализации. Национализм стремится подменить патриотизм, но при этом положительная идея превращается в двойное по своему аксиологическому смыслу явление, она позитивная к своему, не только своей нации, но и к своей культуре и вере. Она агрессивна и отрицательна к чужой. Собственно сама идея, лежащая к основе интеграции общества, исключает из него то, что она считает чужим.

В третьем подходе национальное – это средство объединения людей в государство, и негативные стороны здесь усиливаются ввиду отхода от развития идеи нации. Государство использует идею нации, исходя из ее идеальных

компонент и свойств, но идея не работает так, как было задумано, она утрачивает энергию и оказывается не способна повести за собой народ. Кроме того, воспроизводство нации и ее идеи продолжаются на уже известных компонентах, и это исключает развитие нации и ее идеи, выключает те компоненты и свойства, которые не использованы и не замечены.

По сути, национализм строит новую идею параллельно патриотизму на базе известного ему патриотизма, и эта идея подменяет патриотизм. Идея, реализуясь, рассчитывает опереться на патриотизм как на свое основание, но оказывается, что патриотизм в такой связке перестает работать.

2. Показано, что сложность анализа патриотизма состоит в смешении парадигм изучающих патриотизм, способов его формирования и стадий его становления: во-первых, три разных школы и парадигмы в изучении феномена патриотизма; во-вторых, три способа проявления этого феномена и отношения к нему культуры и государства; в-третьих, три стадии его становления; в-четвертых, матрица оснований для формирования гармоничного отношения к патриотизму, патриотической политике элиты и государства. Национализм целесообразно исследовать параллельно в трех плоскостях, тогда он сохраняется как феномен и приближается к феномену патриотизма.

Три школы разворачивают понятие «патриотизм» на разных основаниях: на природно-историческом фундаменте; на активном формировании нации своей страны культурной элитой; наконец, на использовании патриотизма государством как средством сплочения общества и его действия ради общей цели защиты родины.

В первом подходе национализм эквивалентен патриотизму (в целом это любовь к Родине), и формируется он спонтанно, самим народом; во втором подходе народ переформируется в нацию, которая должна стать лучше и доказать, что она лучшая, то есть вместо любви появляется превосходство; в третьем подходе государство стремится объединить нацию для решения задач, которые само для нее ставит, здесь национализм получает ради интенсификации

патриотического чувства врага. Патриотизм перестает быть феноменом, становится только фактором, используемым для целей государства.

Патриотизм исходно не осознается, но присутствует в отношении народа к Родине; затем он формируется активной частью культурной элиты, например, романтиками в Европе. В работе выявлено, что при этом формируется не патриотизм, а национализм, который уже, чем патриотизм, и формируется извне народа. При этом национализм получает существование как понятие, становится определен своим предметом – нацией – и перестает быть феноменом, утрачивая собственное символическое поле.

Если в патриотизме определяющим моментом становится любовь к Родине и нейтралитет к соседям, то в национализме – стремление доказать соседям и всему миру свое превосходство, а если это не получается, то национализм может приобретать агрессивную форму. Он оснащается негативными дополнениями, частичными символами, которые формируют для нации символ врага и усиливают воздействие на народ и нацию национального чувства, разделяя нации, но и порождая агрессию внутри общества. То есть государство имеет опасность породить из войны против общего врага гражданскую войну, как это произошло в России в 1914-1918 годах, когда объявленная «второй отечественной» Первая мировая война, обернулась революцией и гражданской войной.

Патриотизм должен сохраняться государством, а не подменяться национализмом, которым проще управлять, в том числе через агрессию. Нужно также осознание народа в национальном, но не формирующее народ в нацию, а понимающее глубину народа в его патриотизме, наконец, государство не должно навязывать патриотизм извне. Это не средство управления народом, а средство стабильности народа и государства.

3. Национализм является рациональной идеей формирования нации и используется в европейских государствах как средство сплочения общества, однако он дополняется враждой к противникам. Образ врага обостряет национализм, делает нацию более управляемой, однако порождает негативное

отношение к соседям, а чувство патриотизма деградирует, дополняясь ненавистью к чужому.

Национализм основывается на проекте реализации идеи, на уверенности, что своя нация лучшая, а другие нации в рамках этой идеи изображаются как противники, которым нужно доказывать свое превосходство.

При этом образ врага в национализме используется для модернизации общественной жизни нации, ее мобилизации на войну даже в мирное время.

Национализм обретает многие формы, например, во Франции он (национализм как шовинизм) строится на славном прошлом Наполеона, когда самый простой крестьянин, став его воином, показывает величие простого француза. Такой национализм доказывает свое превосходство воспоминаниями, то есть пассивно. Он не требует новой организации общества и его мобилизации.

Итальянский национализм, или фашизм, строит задачу организации общества через корпорации, призванные мобилизовать народ, остановить его революционизацию из-за кризиса в промышленности. То есть активность фашизма направлена внутрь организации общества.

Немецкий нацизм строится на мысли о реванше, полагает поражение в Первой мировой войне несправедливостью. Он на первых порах доказывает свое превосходство. Нацизм – самая крайняя по внешней агрессии система национализма, которая стремится подчинить немецкой нации весь мир завоеванием, потом подчинением, а потом уничтожением других народов, которые считаются неполноценными.

4. До капитализма Нового времени в Европе господствуют различные формы универсальной идеи: культурной в Древней Греции, государственной в Древнем Риме, религиозной в Средние века. В этих системах патриотизм выступает как второстепенная добродетель, как виртуальность и достоинство, как частичное разделение единого государственного пространства при общем главенстве космоса в язычестве и церкви и папы в христианстве. Патриотизм входит в систему символики универсальной идеи.

Но и даже в универсальной идее Европа отличается той же динамикой, что и национализм. Она стремится консолидировать нации и страны (крестовые походы), но агрессивно относится к людям иной культуры (снисхождение и презрение к варварам), иной веры (ущемление в правах и уничтожение). Также как в истории национализма, привнесение в универсальную идею врага приводит к расколу внутри христианства.

То есть динамика универсальной идеи повторяет динамику национализма: идея как средство объединения общества, сглаживания его внутренних проблем, агрессия к внешнему врагу, превознесение собственной идеи и утверждение пути спасения и добродетели как главной задачи жизни гражданина и прихожанина.

Новая эпоха становления обществ Европы происходит в Новое время. Вольтер обнаруживает главное средство формирования нового типа человека. На основании гуманизма формируется культ разумного эгоизма как нового основания символического поля национализма, который низводит идею Бога и полагается как чувство, возвышающее человека и толкающее его на союз с другим человеком. Но действительность после реализации свободы эгоизма оказывается иной. Человек становится врагом другому человеку.

5. Национализм как феномен создается на рациональной основе элитой и используется для превращения народа в нацию. Он вполне может создавать собственное символическое поле и иерофанию, то есть воспроизводить структуру феномена патриотизма, и это самая эффективная форма национализма. Однако, будучи зависимым от элиты, которая исходит из рационального понимания механизмов формирования нации, и от государства, национализм приспособлен для использования последним, он не порождает собственное символическое поле и иерофанию. Национализм входит в символическое поле государства и культуры и утрачивает качество феномена. Можно сказать, что национализм – средство трансформации патриотизма в фактор государственной политики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В русской культурной традиции патриотизм анализируется по фактам Отечественной войны 1812 года, и это не национальный, а народный патриотизм и подвиг. Н. М. Карамзин выделяет и описывает физический, моральный и религиозный уровни патриотизма. Л. Н. Толстой выступает против государственного патриотизма, который только в идее позитивный, но при реализации оборачивается негативными сторонами. Мнение Л. Н. Толстого выступает пророческим, потому что в 1914 году Первая мировая война объявлена «второй отечественной», а превращается она через революцию в гражданскую войну. Агрессия к внешнему врагу перерастает в агрессию к врагам внутренним.

2. Русский патриотизм строится на любви к Родине и существует в народе. В 1812 году он соединяется в своем стремлении защиты Родины с идеями и задачами государства, а в 1914 году вначале соединяется, вызывая всплеск энтузиазма, но потом разочаровывается и угасает. А волна ненависти к врагу создает возможность идей и факта Гражданской войны. В 1941-1945 годах патриотизм вновь соединяется с государственной идеей и идеологией. Этот опыт становится в настоящее время крайне востребован в России и как позитивный опыт 1812 и 1945 годов, и как негативный 1914 года и гражданской войны.

3. Проблема соединения патриотизма и государства требует продолжения исследования, к которому наша работа только подводит. Мы полагаем, что взаимодействие народного патриотизма и государственное его использование необходимо анализировать в терминах и в пространстве символического взаимодействия смыслов и идей. Анализ символического поля патриотизма раскрывает его глубинную структуру, с утратой которой утрачивается патриотизм и превращается в национализм, которому символическое поле навязывается извне.

4. Важное место в опыте понимания патриотизма играет иерофания, или структурирование священного пространства в мифологии. В ней патриотизм отчасти схватывается в его естественной динамике, иерофания показывает эту

динамику, отличную от национализма. В русской культурной традиции иерофания в символике воспроизводства патриотизма необходима, но также необходимо и пространство свободного вызревания патриотизма внутри каждого отдельного человека, чтобы это оставалось любовью к Родине, а не заданное частичными симулякрами типа образа врага внешнее чувство страсти к Родине и жажда ее превосходства любыми средствами над чужими. Патриотизм сохраняется в том случае, если сам субъект создает свои символы.

5. В русской культуре проблема вырождения патриотизма ставилась и осмысливалась. Итог этого осмысления стремится подавать патриотическое и национальное в единстве, как общечеловеческий проект, в отличие от национального в европейских проектах. Тогда рядом с индивидуальностью встает общечеловеческое, а не враждебное иной нации. Это важная традиция, которая должна существенно влиять на методологию и онтологию осмысления патриотизма.

6. Патриотизм ускользает от осознания потому, что анализ его производится не столько для того, чтобы понять его в многообразии и сложности, сколько для использования как средства управления народом, создания из него нации, послушной элите и государству.

Между тем, его понимание как феномена с особыми экстатическими переживаниями не только чувства, но и веры показывает его глубину и силу.

7. Национализм есть переформатирование феномена патриотизма в сторону вражды к другому как чужому. Патриотизм строится на основании любви к собственной Родине и произрастает изнутри человека и народа, а национализм задается извне и дополняется превосходством над другим и доказательством этого превосходства, которое при поражении нации превращается в ненависть к другому. Государство дополняет феномен патриотизма образом врага, который предельно выступает как симулякр страсти к Родине и облегчает запуск любви к Родине как государству и управление ею, страсть интенсифицируется стремлением защитить государство от врагов.

8. Анализ роли патриотизма в универсальных системах объединения общества показывает его второстепенность в культурной, государственной и религиозной символических системах. Только в Новое время патриотизм превращается в национализм и становится центральным феноменом как в государственной системе, так и на символическом уровне организации единства общества. Но он таким становится только после того, как само общество раздробляется благодаря культивированию эгоизма и отдельных индивидуумов.

То есть в Новое время национализм оформляется по следующему алгоритму: сначала разделить людей, введя в качестве основания человека эгоизм, а потом соединить их заново для общей защиты новых, эгоистических интересов.

Однако универсальные системы объединения обладают сходной динамикой, то есть также делят мир на своих, для которых выступают в целом позитивным моментом развития, и чужих, в отношении к которым универсальная идея проявляет себя агрессивно и враждебно. Враждебность – в целом свидетельство кризиса общества, при котором ненависть к внешнему врагу внешним управлением превращается в ненависть к своим: и к тем, которыми манипулируют, и к тем, которые манипулируют сознанием, тогда отечественная война перерастает в гражданскую. В основании национализма лежит страх гражданской войны.

Список литературы

1. Абрамов, М. А. Патриотизм в системе современного социального сознания: феноменологический и социоструктурный аспекты. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Специальность 09.00.11 – социальная философия. – г Краснодар: Краснодарский ГУ МВД России, 2018. □ 48 с.
2. Аквинский, Ф. Сумма теологии / Ф. Аквинский. – Киев: Эльга, 2002. – 575 с.
3. Аксаков, С. Т. Встреча с мартнистами / С. Т. Аксаков. – Москва: Просвещение, 1972. – 58 с.
4. Александрийский, К. Строматы / К. Александрийский. – Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2018. – 803с.
5. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – Москва: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
6. Аристотель. Поэтика / Аристотель; ред. А.П. Попов, Ю.Н. Огурцов. – Москва: Азбука классика, 2007. – 352 с.
7. Аристотель. Политика / Аристотель. – Москва: РИПОЛ классик, 2010. – 592 с.
8. Балугев, Б. П. Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа» / Б.П. Балугев – Москва: Эдиториал УРСС, 1999. – 280 с.
9. Белинский, В. Г. Сочинения / В. Г. Белинский. – Москва: АН СССР, 1954. – 489 с.
10. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – Москва: Алгоритм, 2017. – 224 с.
11. Бердяев, Н. А. Самопознание / Н. А. Бердяев. – Москва: Алгоритм, 2017. – 430 с.

12. Бердяев, Н. А. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – Москва: АСТ, 2018. – 315 с.
13. Бердяев, Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. – Москва: Азбука, 2016. – 416 с.
14. Бердяев, Н. А. Религия воскрешения / Н. А. Бердяев. – Санкт-Петербург: Альфарет, 1995. – 164 с.
15. Беспалова, Т. В. Патриотизм как форма социокультурной идентификации в конфликтных условиях российского переходного общества. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Специальность 09.00.11 – социальная философия. – Санкт-Петербург: РГПедУ, 2011. – 50 с.
16. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр. – Москва: ПОСТУМ, 2015. – 240 с.
17. Бромлей, Ю. В. Очерки истории этноса/ Ю. В. Бромлей. – Москва: Издательство ЛКИ, 2008. – 440 с.
18. Булгаков, С. Н. Размышления о национальности / С. Н. Булгаков – Москва: Наука, 1993. – 457 с.
19. Бурдье, П. О государстве. Курс лекций в колледж Де Франс / П. Бурдье. – Москва: Дело, 2016. – 719 с.
20. Бурдье, П. Социология социального пространства / П. Бурдье. – Москва: Алетейя, 2007. – 288 с.
21. Бэкон, Ф. Опыты, или наставления нравственные и политические / Ф. Бэкон. – Москва: Новая Атлантида, 1991. – 242 с.
22. Васильева, В. Н. Стадиальность социокультурных кодов / К.К. Васильева // Вестн. Моск. ун-та. – Сер. 7. – Философия. – 2002. – № 5. – С. 91.
23. Вдовин, А. В. Этапы становления культур философской концепции / А. В. Вдовин. – Москва: Просвещение, 2005. – 246 с.

24. Вебер, М. Власть и политика / М. Вебер. – Москва: РИПОЛ классик, 2017. – 432 с.
25. Волков, В. В. Философское понимание современного патриотизма / В. В. Волков. – Санкт–Петербург: Пушкин, 2004. – 124 с.
26. Вольтер. Опыт о нравах / Вольтер. – Москва: Наука, 1953. – 183 с.
27. Геворкян, А. Р. Историческое взгляды Н. Я. Данилевского // Философские науки. – 2004. – № 5. – С.92-99.
28. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики в трех томах. Т. 1 / Г. В. Ф. Гегель. – Москва: Мысль, 1970. – 501 с.
29. Гегель, Г. В. Ф. Философия истории / Г. В. Ф. Гегель. – Санкт – Петербург: Наука, 1993. – 477 с.
30. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – Москва: Мысль, 1990. – 524 с.
31. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1 Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – Москва: Мысль, 1975. – 452 с.
32. Герасимова, А.А.Формирование патриотизма современной молодежи как условие политической стабилизации российского общества/ А.А. Герасимова – Москва: Мысль, 2007,– 171 с.
33. Глушков, Т. Н. Культура и система нравственных ценностей / Т. Н. Глушков. – Москва: Ставрополь, 2005. – 178 с.
34. Гоббс, Т. Избранные произведения / ред. А. В. Ушков. – Москва: Мысль, 1965. – 345 с.
35. Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. – Москва: РИПОЛ классик, 2017. – 608 с.
36. Головин, Ж.Г. Традиции советского патриотизма / Ж.Г. Головин. – Москва: Мысль, 1975. – 199 с.
37. Гомер. Иллиада / Гомер. – Москва: Госполитиздат, 1960. – 435 с.
38. Горский, А. А. Представления о защите Отечества в средневековой Руси / А. А. Горский. – Москва: Просвещение, 1994. –374 с.

39. Губанов, Н. И. Отечество и патриотизм / Н. И. Губанов. – Москва: Госполитиздат, 1960. – 102 с.
40. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – Москва: АСТ, 2005. – 512 с.
41. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – Москва: Книга, 1991. – 246 с.
42. Дешарне, Б. Символ / Б. Дешарне. – Москва: АСТ, 2007. – 249 с.
43. Джунусов, М. С. Актуальные вопросы теории и практики социального интернационализма / М. С. Джунусов. – Москва: Знание, 1968. – 125 с.
44. Дзюба, Я. С. Марксизм-ленинизм об отечестве и его защите / Я. С. Дзюба. – Москва: ВПА, 1965. – 178 с.
45. Домашев, А. Н. Сущность и социокультурное содержание патриотического движения в России рубежа XX-XXI веков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.11 – социальная философия. – Барнаул: АГУ, 2005. – 18 с.
46. Дьяченко, А. Н. Русский национализм как идеология и социально-политическая практика: социально-философский анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.11 – социальная философия. – Ростов-на-Дону: РДГУ, 2004. – 167 с.
47. Дырин, И.А. Патриотическая идея и военная доктрина для будущей России в литературе русского зарубежья первой половины XX века/ И.А. Дырин. – Москва: Мегалит, 2008, –214 с.
48. Еремин, В. Г. Молодежь в годы Великой Отечественной войны / В. Г. Еремин. – Москва: Мысль, 1984. – 475 с.
49. Ефремов, А. В. Борьба за историю: концепция Н. Я. Данилевского в оценке современников. – Москва: Пашков дом, 2006. – 168 с.

50. Зеньковский, В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский. – Санкт-Петербург: Эго, 1990. – 1030 с.
51. Иванова, С. Ю. Патриотизм в культуре современной России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Специальность 09.00.13 – философская антропология, философия культуры. – Ставрополь: Ставропольский ГУ, 2004. – 46 с.
52. Иванченко, И. Н. Идея религии, духа и патриотизма в образах России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.13 – философская антропология, философия культуры. – Санкт-Петербург.: ЛГОУ, 2007. – 22 с.
53. Ильин, И. А. Путь духовного обновления / И. А. Ильин. – Москва: Республика, 1999. – 154 с.
54. Ильин, И. О сопротивлении злу силой / И. Ильин. – Москва: Дарь, 2013. – 480 с.
55. Калмыков, В. В. Служение отечеству и патриотизм в системе ценностей допризывной молодежи современной России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.11 – социальная философия. – Краснодар: КУМВД России. 1009. – 32 с.
56. Карамзин, Н. М. Избранное / Н. М. Карамзин. – Москва: Мысль, 1964. – 250 с.
57. Карманова, Д. А. Патриотизм как общественное отношение: социально-философский анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.11 – социальная философия. – Иваново, Ивановский ГУ, 2007. – 22 с.
58. Кизима, В. В. Культурно-исторический процесс и проблема рациональности / В. В. Кизима. – Киев: Дом науки, 1985. – 244с.
59. Кирницкий, В. В. Проблема формирования патриотических ценностей в массовом сознании российской молодежи. Автореферат диссертации на

соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.11 – социальная философия. – Москва: МГТУ, 2016. – 21 с.

60. Кондакова, Н. И. Идеологическая победа над фашизмом / Н. И. Кондаков. – Москва: Политиздат, 1982. – 166 с.

61. Корбюзье, Л. Архитектура 20 века / Л. Корбюзье. – Москва: Прогресс, 1977. – 271 с.

62. Коррадини, Э. Далекое отечество / Э. Коррадини. – Москва: Мысль, 1993. – 283 с.

63. Кравченко, И. И. Власть: очерки современной политической философии Запада / И. И. Кравченко. – Москва: Наука, 1989. – 325 с.

64. Кулубарицис, Л. К. К истокам европейской философии / Л. К. Кулубарицис. – Москва: Мысль, 2004. – 280 с.

65. Кулубарицис, Л. К. К истокам европейской философии / Л. К. Кулубарицис. – Москва: АСТ, 2004. – 468 с.

66. Куприн, А. И. Рассказы / А. И. Куприн. – Москва: Просвещение, 1989. – 54 с.

67. Лебедев, С. В. Слово и дело национальной России. Очерки истории русского патриотического движения / С. В. Лебедев. – Москва: Институт русской цивилизации, 2007. – 576 с.

68. Лебедев, С. В. Этническая история регионов Украины / С. В. Лебедев. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2019. – 505 с.

69. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / ред. А. Б. Гудков. – Москва: Прогресс, 1997. – 285 с.

70. Ленин, В. И. Избранные произведения / ред. В. А. Новинков. – Москва: Политиздат, 1988. – 554 с.

71. Ленин, В. И. Сочинения в 55-и томах. – Т. 36. / ред. Г. О. Боевецкий. – Ленинград: Издательство политической литературы, 1982. – 559 с.

72. Ленин, В. И. Сочинения в 55-и томах. – Т. 37. / Г. О. Боевецкий. – Ленинград: Издательство политической литературы, 1982. – 652 с.

73. Леонтьев, К. Н. Византизм и славянство / К.Н. Леонтьев. – Москва: РОССПЭН, 2010. – 728 с.
74. Лесеенко, Г.М. Патриотическое воспитание допризывной молодежи в центрах, объединениях и клубах/ Г.М. Лесеенко. – Москва: Мысль, 2005. – 183 с.
75. Локк, Д. Опыт о человеческом разумении / Д. Локк. – Москва: АСТ, 2007 – 356 с.
76. Лосев, А. Ф. Античная литература / А. Ф. Лосев. – Москва: Асар, 2001. – 541 с.
77. Лузик, Н. П. Патриотизм как социо-культурный феномен. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.13 – философская антропология, философия культуры. – Санкт-Петербург: ЛГУ, 2007. – 22 с.
78. Лукинова, И. А. Место и роль патриотизма в современном обществе. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.11 – социальная философия. – Ставрополь: Сев-Кав ФУ, 2014. – 24 с.
79. Лутавинов, В. И. Современное понимание российского патриотизма / В. И. Лутавинов. – Москва: Реалисты, 1997. – 156 с.
80. Лутавинов, В. И. Патриотизм и проблемы его формирования у российской молодежи в современных условиях / В. И. Лутавинов. – Москва: Реалисты, 1998. – 132 с.
81. Магомаев, Л. А. Социально-философский анализ патриотизма как духовной основы личности сотрудников Органов внутренних Дел. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.11 – социальная философия. – Краснодар: КАУМВД России, 2006. – 30 с.
82. Макаров, В. В. Патриотизм как философская проблема. Аккад общ наук при ЦК КПСС. Автореферат диссертации на соискание ученой степени

доктора философских наук. Специальность 09.00.01 – онтология и теория познания. – Москва: МГУ, 1990. – 36 с.

83. Манхейм, К. Идеология и утопия / К. Манхейм. – Москва: Юристъ, 1994. – 228 с.

84. Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления / Марк Аврелий. – Москва: АСТ, 2018. – 348 с.

85. Маркс, К. К критике политической экономии / К. Маркс. – Москва: Политиздат, 1959. – 352 с.

86. Маркс, К., Энгельс, Ф. Избранное / ред. А. И. Обломов. – Москва: Политиздат, 1955. – 539 с.

87. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – Москва: Ермак, 2003. – 331 с.

88. Минаков, В. А. Место патриотизма в российской национальной идее: социально-философский анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.11 – социальная философия. – Барнаул, АлтГУ, 2009. – 18 с.

89. Мирский, Р.Я. Патриотизм советского человека: интернационализм, гражданственность / Р.Я. Мирский. – Москва: Мысль, 1988. – 251 с.

90. Михайлова, Р. С. Социально-философские основы анализа патриотизма как духовной ценности общества. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.11 – социальная философия. – Тверь: ТвГУ, 2002. – 23 с.

91. Мюльман, В. История антропологии / В. Мюльман. – Москва: АСТ, 2003. – 387 с.

92. Наливайченко, И. В. Специфика патриотизма в условиях культурной глобализации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.11 – социальная философия. – Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2011. – 24 с.

93. Нарский, И. С. Дэвид Юм / И. С. Нарский. – Москва: Мысль, 1973. – 180 с.
94. Нахушев, В. И. Культура как средство преобразования жизни / В. И. Нахушев. – Москва: Черкесск, 2003. – 156 с.
95. Новая философская энциклопедия. В 4-х тт. – Т.3. – Москва: Мысль, 2001. – 692 с.
96. Новейший философский словарь. 2009. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_new_philosophy/372 (дата обращения 27.05.2022).
97. Олейник, О.Ю. Интеллигенция, эмиграция, отечество: проблема патриотизма в творческом наследии представителей российского зарубежья 20-30-х годов XX века/ О.Ю. Олейник. – Иваново: ИвГУ, 1997, – 242 с.
98. Ориген. О началах / Ориген. – Новосибирск: ИП Лазарев В.В. , 1993. – 383 с.
99. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – Москва: Ермак, 2003. – 269 с.
100. Парех, Б. Переосмысление мультикультурализма: культурное разнообразие и политическая теория / Б. Парех. – Москва: Постум, 2000. – 203 с.
101. Платон. Государство / Платон. Сочинения: в 4 т. Т. 3. Ч. 1. – Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2007. – 752 с.
102. Платон. Законы / Платон. Сочинения: в 4 т. Т. 3. Ч. 2. – Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2007. – 731 с.
103. Платон. Менон / Платон. –Рига: Звайгзне, 1980. – 116 с.
104. Платон. Политик / Платон. Сочинения : в 4 т. Т. 3. Ч. 2. – Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2007. – 731 с.
105. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: трактаты и диалоги / Плутарх. – Москва: РИПОЛ классик, 1998. – 668 с.
106. Повесть временных лет / ред. А. М. Мартынов. – Москва: Просвещение, 1950. – 364 с.

107. Погорелый, А. П. Патриотизм как ценность российского общества. социально-философский анализ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.11 – социальная философия. – Москва: Военный университет МО РФ, 2004. – 17 с.

108. Поладько, А. В. Идеология государственного служения: социокультурное позиционирование дискурса. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.11 – социальная философия. – Краснодар, КАУМВД России. 2011. – 27 с.

109. Пospelова, Т. П. Национально-культурная идентичность российского общества в условиях проведения образовательных реформ. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.11 – социальная философия. – Нижний Новгород. НГУ, 2014. – 26 с.

110. Пушкин, С. Н. Проблемы этнологии в концепции Л. Н. Гумилева // Философские науки. 2005. №4. С.100-120.

111. Пюимеж, Ж. Шовен, солдат-землепашец. Эпизод из истории национализма / Ж. Пюимеж. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 400 с.

112. Рогачев, П. М. Патриотизм, классы, революция / П. М. Рогачев – Москва: Политиздат, 1968 – 178 с.

113. Рогачев, П. М. Патриотизм и общественный прогресс / П. М. Рогачёв. – Москва: Политиздат, 1974. – 105 с.

114. Романов, Е. В. Влияние государственно-патриотической идеи на духовный потенциал современных Российских вооруженных Сил. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.11 – социальная философия. – Краснодар: КАМВД России. 2004. – 22 с.

115. Рощин, Л. В. Патриотическое сознание: сущность и формирование / Л. В. Рощин. – Новосибирск: Наука, 1985. – 267 с.

116. Русская философия: энциклопедия. – Москва: Алгоритм. 2007. – 736 с.
117. Руссо, Ж. Ж. Об общественном договоре / Ж. Ж. Руссо. – Москва: Иглмосс Эдишнз, 2012. – 383 с.
118. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.- П. Сартр. – Москва: Республика, 2000. – 639 с.
119. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.- П. Сартр. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1953. – 342 с.
120. Слукин, С. В. Патриотизм в социокультурном развитии личности. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.11 – социальная философия. – Челябинск: ЧелГУ, 2005. – 31 с.
121. Соловьев, В. С. Русская идея / В. С. Соловьев. – Москва: АСТ, 1995. – 374 с.
122. Соловьев, В. С. Национальный вопрос в России / В.С. Соловьев. – Москва: Хранитель, 2007 – 506 с.
123. Соловьев, В. С. Чтение о богочеловечестве: Духовные основы жизни / В. С. Соловьев. – Минск: Харвест, 1999. – 910 с.
124. Сорокин, П. А. О русской общественной мысли / П. А. Сорокин. – Санкт-Петербург: Алитея, 2000. – 221 с.
125. Спиркин, А. Г. Философия: учебник / А. Г. Спиркин. – Москва: Гардарики, 2010. – 736 с.
126. Спурел, Х. Патриотизм с биологической точки зрения / Х. Спурел. – Москва: Издание А. И. Маевского, 1989. – 344 с.
127. Стрельцова, Г. Я. Блез Паскаль и Европейская культура / Г. Я. Стрельцова. – Москва: Республика, 1994. – 494 с.
128. Струве, П.Б. Россия. Родина. Чужбина / П.Б. Струве. – Санкт-Петербург: Христиан, 2000. – 349 с.

129. Султанов, К. В. Социальная философия Н. Я. Данилевского: Конфликт интерпретаций / Султанов К. В. – Санкт-Петербург: СПбГТУ, 2001. – 247с.
130. Ткач, Н. Н. Православный фактор в культурно-цивилизационной идентичности современной России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.14 – философия религии и религиоведение. – Белгород, БелГНИУ, 2020. – 24 с.
131. Толстой, Л. Н. Избранное / ред. В. Г. Гундин. – Санкт-Петербург: Азбука, 2013. – 178 с.
132. Толстой, Л. Н. Патриотизм или мир? URL: <http://www.philosophy.ru/library/tolstoy/tol1.html> (дата обращения: 05.04.2022).
133. Туманов, А. И. Феномен Российского патриотизма как социодинамическая система. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.11 – социальная философия. – Тверь: ТвГУ, 2006. – 20 с.
134. Трубецкой, Е.Н. Великая революция и кризис патриотизма / Е.Н. Трубецкой. – Москва: Новая Россия, 2016. – 347 с.
135. Туманов, Г. А. Социально-философское исследование феномена патриотизма. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.11 – социальная философия. – Чебоксары: СувГУ, 2008. – 21 с.
136. Успенский, Л. Мифы древней Греции / Л. Успенский. – Москва: Рассвет, 1993. – 120 с.
137. Федоров, Н. Ф. Сочинения / Н. Ф. Федоров. – Москва: Мысль, 1982. – 711 с.
138. Филон. Трактат о созерцательной жизни / Филон. – Москва: Наука, 1971. – 391 с.
139. Философская энциклопедия // Ф.В.Константинов. В 5-ти тт. Т. 4. – Москва: СЭ, 1960. □ 591 с.

140. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – Минск: Попурри, 1999. – 624 с.
141. Ходосов, В.В. Понятие, содержание и структура патриотизма / В.В. Ходосов. – Ставрополь: СКГТИ, 2004, – 137 с.
142. Чаадаев, П. Я. Апология сумасшедшего / П. Я. Чаадаев. – Москва: Русская классика, 2006. – 304 с.
143. Червяков, А. А. Культура солидарности общества и армии в современной России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.13 – философская антропология, философия культуры. – Ставрополь. СГУ, 2008. – 22 с.
144. Чернышевский, Н. Г. Полное собрание сочинений / ред. Б. А. Левин. – Москва: Просвещение, 1977. – 937 с.
145. Шпенглер, О. Закат Европы /О. Шпенглер. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 637 с.
146. Элиаде, М. Миф о вечном возвращении / М. Элиаде. – Москва: МГУ, 2004. – 380 с.
147. Элиаде, М. Космическое обновление / М. Элиаде. – Москва: МГУ, 1993. – 240 с.
148. Элиаде, М. Космос и история / М. Элиаде. – Москва: МГУ, 1995. – 201 с.
149. Элиаде, М. Обряды инициации и посвящения / М. Элиаде. – Москва: МГУ, 2000. – 120 с.
150. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде. – Москва: МГУ, 1994. – 180 с.
151. Энгельс, Ф. Политическое завещание / ред. С. А. Лобанов. – Москва: Красная новь, 1982. – 250 с.
152. Юнг, Р. Национал-социализм: его истоки, его история и его цели / Р. Юнг. – Москва: АСТ, 2003. – 187 с.

153. Янов, А.Л. Патриотизм и национализм в России / А.Л. Янов. – Москва: Академкнига, 2002. – 189 с.
154. Ясперс, К. Ницше. Введение в понимание его философии / К. Ясперс. – Санкт-Петербург: Фонд университет, 2004. – 626 с.
155. Esposito, R. *Bios: Biopolitics and Philosophy*. Translated and with an Introduction by T. Campbell. University of Minnesota Press. Minneapolis. London. 2008. 270p
156. Guy Emerson, R. *Necropolitics Living Death in Mexico*. Springer Nature Switzerland AG, 2019. 190 p.
157. Ojakangas, M. *On the Greek Origins of Biopolitics: A Reinterpretation of the History of Biopower*. New York: Routledge, 2016. 158 p.
158. Weheliye, A.G. *Habeas Viscus. Racializing Assemblages, Biopolitics, and Black Feminist Theories of the Human*. Duke University Press Durham and London, 2014. 209 p.
159. Weissman, J. *The Crowdsourced Panopticon. Conformity and Control on Social Media*. Lanham, Boulder, New York, London: Rowman & Littlefield, 2021. 178 p.